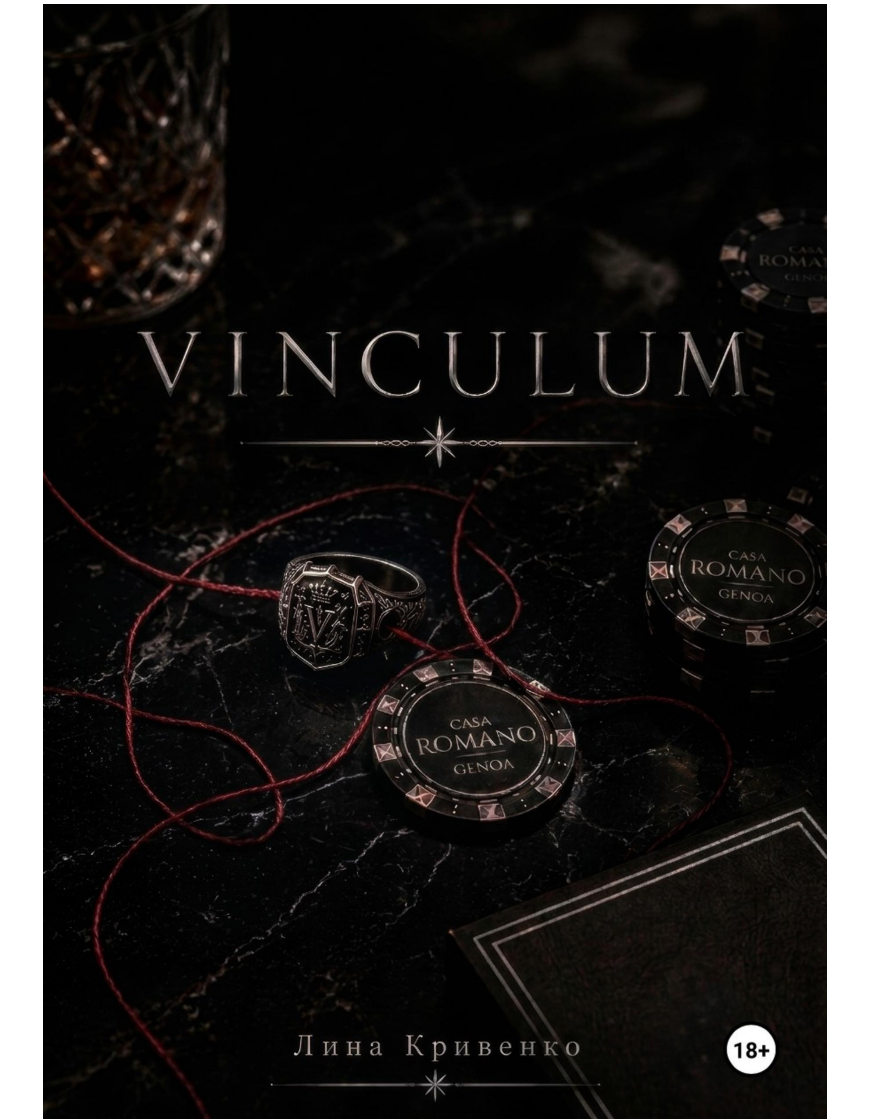

VINCULUM

Лина Кривенко

18+

Лина Кривенко

VINCULUM

<https://litres.ru/74523363>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Каждая преданность имеет свою цену. Каждая тьма с чего-то начинается»

Сиракузы не прощают слабости. Для мальчика, выросшего на раскалённых улицах Сицилии, выживание было единственной наукой, а холодный расчёт - единственным оружием. Но всё меняется в день, когда его замечает Витторио Романо.

Забрав Адриана из бедного юга в монументальную Геную - в самое сердце Синдиката, - главы семьи Романо дают ему новое имя, дом и цель.

В стенах величественного особняка Адриан Винченцо шаг за шагом выковывает из себя идеальный щит. Человека без права на ошибку, чья единственная задача - защищать наследие Романо любой ценой.

Именно там, среди мрамора Лигурии и жестоких законов клана, его судьба намертво сплетается с будущим семьи. И с маленькой наследницей, чью жизнь он поклялся беречь еще до того, как над ними взошёл «VESPER».

«VINCULUM» - предыстория о том, как ковалась сталь. О пыльных Сиракузах, переезде в Геную и узлах крови, которые невозможно разорвать.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Уличная анатомия	12
Глава 2. Чужое	27
Глава 3. Эхо	42
Глава 4. Холод	62
Глава 5. Тень	78
Глава 6. Четвертый этаж	93
Глава 7. Баланс	106
Глава 8. Слово	117
Глава 9. Цифры	139
Глава 10. Дюпон	158
Глава 11. Управляющий	174
Глава 12. Она	195
Глава 13. Иллюзия контроля	220
Глава 14. Архитектура изоляции	232
Глава 15. Тяжесть	251
Глава 16. Испытание	274
Глава 17. Наковальня	289
Конец ознакомительного фрагмента.	300

Лина Кривенко

VINCULUM

Пролог

Адриан Винченцо

В нашем бизнесе выживают только те, кто умеет считать секунды, читать людей раньше, чем они успеют вытащить оружие из-под полы, и жестко глушить собственные эмоции.

Дождливый полумрак за панорамными окнами неохотно уступал место тяжелым, золотистым лучам закатного солнца. В это время суток казино «VESPER» застывало в той хрупкой, почти благоговейной тишине, которая бывает только перед бурей.

Я стоял в тени галереи второго этажа - заведения, которое Витторио Романо доверил под мой полный контроль еще два года назад. Отсюда весь застеклённый зал, пустующие игровые столы и бордовый ковер просматривались как на ладони.

Каждая деталь этого места была выверена мной: от путей эвакуации и углов обзора для снайперов до толщины бархат-

ных портьер.

За моими плечами уже были годы суровой, беспощадной школы Синдиката. Из оборванного, голодного мальчишки, вытащенного Витторио из нищеты и раскалённой пыли Сиракуз, я превратился в человека, чьё имя в Лигурии заставляло говорить тише даже самых дерзких капо.

Я был *управляющим*, его лучшим *учеником* и *правой рукой*. В свои двадцать четыре года я научился быть хладнокровным, безупречным механизмом. Я искренне верил, что Витторио давно выжег из меня всё лишнее, оставив лишь сухой расчёт и абсолютную верность.

Я держал в руках тяжелую кожаную папку с документами из швейцарского банка. Мне нужно было отдать их Витторио. Пора было спускаться.

Но я медлил. По одной простой и очень опасной причине.

Внизу, между игровыми столами, медленно шла она. Пятнадцатилетняя Изабелла.

Ей абсолютно нечего было делать здесь - среди этого храма грехов и порока, среди витающих в воздухе запахов воскрешенной старинной мебели, тонкой кожи, кубинского та-

бака и тяжелого, удушливого парфюма ее деда. Девочка из совершенно другого мира, которую Витторио впервые решил притащить «посмотреть на реальную изнанку семейного бизнеса».

Она вела кончиками пальцев по полированному дереву бортика рулетки, замороженно разглядывая идеальные сектора колеса. Я сверху наблюдал за каждым её шагом. В её осанке, в этой детской, но уже такой породистой грации было что-то, что заставило мои пальцы сильнее сжать папку.

Когда Витторио негромко рассмеялся, обнимая внучку за плечи, я сделала шаг из тени галереи.

— Витторио, документы из швейцарского банка доставлены. Ждут вашей подписи.

Мой голос прозвучал ровно так, как и должен был: глубоко, ровно, с ледяной металлической жесткостью, которую я чеканил годами.

Я начал медленно спускаться по широкой изогнутой лестнице. На мне была черная шелковая рубашка с небрежно расстегнутыми верхними пуговицами и закатанными до локтей рукавами. На левой скуле всё ещё поднывал тонкий, аккуратный шрам от свежего ранения - наглядное напомнить

о том, как дорого стоит власть в Лигурии и сколько крови нужно пролить, чтобы удержать за собой этот зал.

Она обернулась. Изабелла затаила дыхание, и я отчетливо зафиксировал этот микроскопический сбой в её грудной клетке.

Мой взгляд скользнул по залу и остановился на ней. Я смотрел на неё привычно - хладнокровно, сканируя, как потенциальную цель или рискованный актив. Но впервые за многие годы мой ледяной, отточенный контроль дал ощутимую трещину.

Мой пульс резко выбил два рваных, тяжелых удара, отозвавшихся где-то в горле.

«Повышенная угроза в секторе», - мгновенно сформировал мысль мозг. Я привычно уцепился за эту сухую, безопасную формулировку. Оценка рисков для безопасности внучки Главы Синдиката. Ничего больше. Это просто профессиональная привычка.

— Адриан, — Витторио приветственно кивнул, и я снова отметил, с каким уважением он обращается со мной при ней. — Подойди ближе. Я хочу, чтобы ты наконец познакомился с моей внучкой. Изабель, это Адриан. Человек, кото-

рый понимает этот бизнес лучше, чем кто-либо другой. Мой лучший ученик и моя правая рука.

Я бесшумно сократил расстояние между нами, остановившись в паре шагов. Воздух между нами будто сгустился, натянувшись, как струна. От неё пахло чем-то чистым, юным и недостижимым - поразительный контраст с привычным для меня запахом пороха, горького кофе и дождя.

— Рад знакомству, Изабелла, — произнес я, слегка склонив голову.

Она упрямо вздернула подбородок, заставляя себя не отводить взгляд от моих глаз. Пятнадцать лет, а гордости, дикости и внутреннего огня уже на целую армию.

— Дедушка говорит, что вы контролируете правила.

На моих губах против воли появилась едва заметная, почти призрачная усмешка. Я опустил взгляд на ее тонкие пальцы, все еще лежащие на сукне рулетки, а затем снова посмотреть ей прямо в лицо. Внутри, где-то под ребрами, обжёл странный, чужеродный, опасный импульс. Желание уберечь её от этого мира. Желание сломать эту её гордость. Желание встать перед ней стеной, чтобы ни одна тварь из Синдиката не посмела коснуться её взглядом.

«Это просто верность Витторио. Ты должен беречь его наследие», — отчеканил суровый голос внутри моей головы, заглушая вспышку.

— Правила созданы для того, чтобы гости чувствовали себя в безопасности, принцесса, — тихо сказал я, сделав едва заметный шаг вперед, накрывая её своим присутствием и ловя её мгновенное замешательство. — Но настоящая власть начинается там, где правила заканчиваются.

— Адриан прав, — мягко вмешался Витторио, с нескрываемым интересом наблюдая за нашей дуэлью взглядов. — Но Изабель считает, что днем здесь слишком тихо. Ей кажется, что «VESPER» спит.

Я медленно покачал головой, не сводя с Изабеллы своего пронизывающего взгляда. Я видел, как участилось её дыхание, как вспыхнул едва заметный румянец на её щеках, как она пытается скрыть легкую дрожь за упрямой маской.

— Тишина обманчива, Изабелла, — мой голос упал до полусшепота, вибрируя в пустом зале. — Это место никогда не спит. Оно просто ждет своего часа. И... некоторые места выбирают людей задолго до того, как люди выбирают их.

Я развернулся и легкой, хищной походкой направился к кабинету Витторио. Спину жгло. Я буквально физически ощущал её взгляд между лопаток.

Я уверял себя, что это лишь профессиональный анализ. Что меня волнует лишь безопасность наследницы Синдиката. Но стоя там, я ещё не знал, сколько пыли и крови мы выпьем вместе, сколько раз мне придётся закрывать её собой от пулёмётных очередей в лигурийских переулках и как глубоко эта неосознанная, глухая, отравляющая симпатия вращается в мои кости, поставив меня на колени.

Всё это началось задолго до той ночи. Задолго до того, как над нами вошёл «VESPER».

Всё началось в раскалённой грязи Сиракуз, где у мальчишки по имени Адриан не было ничего, кроме обломка стали в кармане и звериного желания выжить...

Глава 1. Уличная анатомия

Адриан Винченцо

Никто не рождается с ледяной сталью вместо сердца. Его выковыывают. Шрам за шрамом, предательство за предательством, пожар за пожаром - пока внутри не остаётся ничего, кроме сухой, бритвенной жажды выжить.

В Сиракузах солнце не греет. Оно выжигает.

Оно вплавляется в раскалённые, изъеденные солью камни мостовой, въедается под ногти вместе с сицилийской пылью и заставляет воздух над портом плавиться, превращая его в жидкое, удушающее марево.

В двенадцать лет я знал об этом городе всё, что нужно для того, чтобы не сдохнуть до заката.

Я знал, какие переулки квартала Ортиджия превращаются в глухие ловушки во время прилива, какие торговцы прячут за черным ходом тухлую рыбу, а какие - заряженный дробовик, и сколько секунд требуется человеку, чтобы истечь кровью, если стальной обломок входит аккуратно под левую ключицу.

Улица учит простой и беспощадной анатомии: если ты медленно бегаешь - ты голодаешь. Если ты веришь людям - тебе режут горло в первой же подворотне ради парусов из мешковины и пары дырявых сапог. Если ты не умеешь читать чужие тени - ты быстро становишься чьей-то добычей.

Но я не всегда был зверем. Было время, когда у меня было другое, а пальцы не сжимали заточку при каждом шорохе.

Я помнил время, когда у меня был дом. Небольшой, сутулый, со стенами из беленого известью камня, пахнущий орехом, свежим оливковым маслом и впитавшейся в деревянные балки морской солью.

Он стоял на самой окраине Сиракуз, где сухие холмы обрывались прямо в бирюзовую гладь моря.

Я помнил отца - молчаливого, сгорбленного от тяжелой работы рыбака с черными, отработанными мозолистыми руками.

Когда море было спокойным, он качал меня на плечах, смеялся своим хриплым, раскатистым смехом и учил меня вязать морские узлы.

«Узел должен быть крепче человеческого слова, Адриан, — говорил он мне, натягивая грубый пеньковый канат. — Слово можно забрать назад. Хороший узел - никогда».

И мать... Её лицо уже размывалось в моей памяти, превращаясь в туманный силуэт, но я на всю жизнь запомнил её тёмные, вечно растрёпанные на ветру волосы и запах.

Они всегда пахла дешевым цитрусовым мылом и печеным хлебом.

Когда по вечерам она гладила меня по голове, мне казалось, что этот дом - самое безопасное место на всей земле.

Мы никогда не были богаты. Мы ели дешевую хамсу и за-

пивали её разбавленным водой вином.

Но мы были живы. До той проклятой ночи, когда в нашу дверь не постучали.

В Сиракузах мелкие торговцы и портовые рыбаки всегда платят за «защиту» местным шестёркам. Это не правила закона, это закон выживания.

Отец платил исправно - каждый месяц отдавал последние деньги, отдавал лучший улов, отрезал от нашего и без того скромного стола лучший кусок, лишь бы эти тени в грязных кепках не появлялись на нашем пороге.

Но в тот год сентябрь выдался жестоким. Море штормило три недели подряд. Черные, пенистые волны ломали причалы, сети рвались о подводные рифы, рыбы не было вовсе.

Отец возвращался с берега пустой, со сбитыми в кровь руками и темными, потухшими глазами. Долг перед бандой с квартала рос с каждым днем, как раковая опухоль.

Они пришли в полночь.

Мне было всего восемь лет. Я спал на узкой деревянной тахте в углу единственной комнаты, укрытый старым шерстяным одеялом.

Дверь не просто открылась - её выбили тяжелым сапогом, так что сосновые петли с треском вылетели из косяка.

В комнату ворвались трое. От них разило дешевой выпивкой, гнилыми зубами и копотью.

Я помню всю ту ночь не как связное воспоминание, а как вспышки раскалённого железа, выжигающие мозг:

Прорезывающий темноту пронзительный крик матери.

Тяжелый, тупой, глухой звук, с которым отец рухнул на каменный пол после удара железной кочергой по голове.

Звон разбивающейся глиняной посуды.

И *огонь*.

Они пришли не просто за деньгами - у нас всё равно ничего не было. Они пришли преподать урок всему побережью. Чтобы каждый рыбак знал, что бывает с теми, кто вовремя не наполняет карманы местных хозяев.

Один из них бросил зажженный факел прямо на сухие деревянные балки потолка и в кучу сухих сетей, сложенных у входа. Сухая сосна вспыхнула мгновенно, превращая маленькую комнату в пылающий ад.

Они подперли снаружи выбитую дверь тяжелым бревном, хохоча и ругаясь на местном диалекте.

Помещение заполнялось черным, едким дымом. Я кашлял, задыхаясь, слезы выжигали глаза.

Отец, весь в крови, с рассеченным от лба до подбородка лицом, каким-то нечеловеческим усилием воли подполз ко мне. Своими горящими, окровавленными руками он схватил меня за шиворот и потащил в дальний угол кухни.

Там, за старым ларем с мукой, располагалось небольшое вентиляционное окошко - узкий квадратный лаз для проветривания, куда едва мог протиснуться взрослый человек, но пролезал ребенок.

— Беги, Адриан! — хрипел отец, рывком выбивая дере-

вянную решетку окошка. Его пальцы были обуглены, из рта шла пена. — Беги и не оглядывайся! Не возвращайся!

Он вытолкнул меня наружу, в сырую, холодную темноту и грязь заднего двора. Я упал на колючие кусты ежевики, ободрав лицо и руки.

За моей спиной раздался страшный, оглушительный треск — горящая крыша нашего дома со скрежетом и морем искр рухнула внутрь, похоронив под собой моих родителей и всё, что я когда-либо любил.

Я не закричал. Я не заплакал.

В ту ночь во мне, восьмилетнем мальчишке, что-то окончательно перегорело и умерло вместе с тем огнем. Там, в грязи за горящим домом, родился совсем другой человек.

Так я оказался на улице.

Без семьи. Без крова.

Без имени и без единой сухой корки хлеба в кармане.

Первые полгода были нескончаемым, адским кругом выживания.

Сиракузы для туристов из Рима или Милана казались раем — белокаменные площади, величественные античные развалины, лазурное море и аромат свежесваренного эспresso из уличных кафе. Но для бездомного сироты этот город превращался в суровые, беспощадные джунгли, где каждый день нужно было доказывать свое право на воздух.

Меня избивали. Избивали регулярно, жестоко и бессмыс-

ленно.

Старшие уличные мальчишки выбивали из меня последние монеты, которые мне удавалось выпросить на площади у собора. Портовые собаки гнали меня из подвалов, где я пытался укрыться от проливных осенних дождей. Торговцы спугивали меня бамбуковыми палками, едва я приближался к их лавкам.

Я спал в трухлявых деревянных коробках из-под цитрусовых, на сырых камнях у берега, в заброшенных катакомбах под городом, где пахло сыростью и смертью.

Я ел то, что находил в гнилье за рыбным рынком: выброшенные головы тунца, обрезки овощей, плесневелые корки хлеба.

Но я учился. Учился с жадностью дикого зверя.

Улица преподавала мне главные уроки.

Я понял: *слезы не останавливают занесенный кулак*. Просьбы о пощаде вызывают у сильных лишь брезгливую ухмылку и желание ударить ещё сильнее.

Единственное, что уважают в этой грязи, единственный язык, который понимают эти твари - это *сила, отсутствие страха и абсолютная готовность убить первым*.

Я заставил себя забыть всё. Забыл запах материнского цитрусового мыла. Забыл тепло отцовских рук. Забыл вкус нормальной еды. Я выжег из себя любые проявления слабости.

К двенадцати годам от того испуганного, плачущего маль-

чика из горящего дома не осталось даже тени. Мое тело вытянулось, стало жилистым, как сухая виноградная лоза. Щеки ввалились, кожа потемнела от постоянного сицилийского солнца и покрылась мелким шрамами.

Но главное - изменились мои глаза. В них больше не было детского любопытства. Только сухой, ледяной, бритвенный расчёт.

Я выучил Сиракузы наизусть. Я знал каждую подворотню, каждый карниз, с которого можно спрыгнуть, каждую щель в древних каменных стенах.

Я научился двигаться абсолютно бесшумно, читать намерения людей по едва заметному движению плеч или изменению взгляда и спать с открытыми глазами, чутко реагируя на любой шорох.

Я нашел себе оружие.

В руинах старой кузницы я откопал обломок стальной полосы. Три недели - день за днем, час за часом - я затачивал его о гранитные ступени собора, пока он не превратился в узкий, тяжелый стилет с острием, способным пробить плотную кожу.

Это не было оружием гордости. Это был единственный аргумент, благодаря которому я все еще был жив.

В тот день солнце стояло в самом зените, превращая Сиракузы в раскаленную печь.

Я сидел на краю каменного парапета возле портового рын-

ка Ортиджии, подтянув колени к груди. В тени было едва ли прохладнее, чем на солнце, но отсюда открывался идеальный, абсолютный обзор.

Сзади - узкий переулок, уходящий вглубь жилых кварталов. Слева - спуск к морю. Справа - нагромождение пустых рыболовных бочек.

Три пути отхода. Ни одной слепой зоны. Каждая деталь пространства была просчитана моим мозгом автоматизировано, без лишних мыслей.

В правой руке, скрытой в глубокой складке грязно-серых, перешитых с чужого плеча штанов, привычно покоилась моя заточка. Пальцы сжимали прохладный, обмотанный бечевкой металл.

— Эй, сирота! — окликнул меня Марио, жирный, красно-рожий торговец тунцом, вытирая грязным фартуком взмокшую, бычью шею. — Пошел вон от лавки! Покупателей мне распугиваешь своим собачьим видом.

Я даже не шевельнулся. Не приподнялся, не отвёл взгляда. Лишь медленно, очень плавно перевёл на него глаза.

Марио споткнулся о мой взгляд. Он открыл рот, чтобы выдать очередную порцию ругательств, но слова застряли у него в горле.

В двенадцать лет мой взгляд заставлял взрослых мужчин чувствовать себя некомфортно. В нём не было злости. В нём была сухая, математическая *оценка*.

Я сканировал его: весовая категория - под сотню кило-

граммов, но одышка тяжелая, колени слабые, левая нога прихрамывает. В правой руке - тяжелый нож для разделки рыбы, но хват неверный, пальцы скользкие от жира. Если он сделает шаг в мою сторону, я успею соскочить с парапета, всадить заточку ему под коленную чашечку и раствориться в переулке за четыре секунды до того, как его тупоголовый подмастерье выбежит из подвала.

Торговец ругнулся себе под нос, нервно плюнул на раскаленные камни и быстро отвернулся, делая вид, что полностью увлечён разделкой туши тунца.

Слабый. В Сиракузах *слабые долго не живут. Они лишь создают шум.*

Но в тот полдень привычный, монотонный ритм порта неожиданно сбился.

Это не было слышимым звуком - это был инстинкт, наточенный годами нищеты и опасности. Воздух будто стал гуще.

Уличные карманники, обычно снующие между покупателями, моментально испарились в тёмных подворотнях. Торговцы притихли, зазывалы захлопнули рты, а портовые грузчики выпрямили сутулые спины, переговариваясь вполголоса.

К дальнему причалу, где обычно швартовались только старые, облезлые рыболовецкие траулеры, медленно подходила яхта.

Она выглядела чужеродным монстром среди этого нищего берега. Огромная, с тёмным, иссиня-черным лакирован-

ным бортом, с тонированными панорамными стеклами. От неё веяло чужим, непостижимым богатством и той особой, затаённой угрозой, которую невозможно спутать ни с чем другим.

Это была не сила уличной банды с кастетами. *Это была сила, двигающая государствами.*

Трап опустился с тихим гидравлическим шипением.

Из него вышли четверо. Трое - высокие, поджарые мужчины в одинаковых тёмно-серых костюмах, несмотря на дикую сицилийскую жару. Их движения были плавными, экономными, почти синхронными. Правые руки ненавязчиво покоились под полами пиджаков, а взгляды цепко, непрерывно сканировали крыши близлежащих зданий, окна и толпу.

Настоящие профессионалы. Убийцы, прошедшие жесткую школу.

А в центре шагал он.

Мужчина в безупречном сером костюме-тройке из тончайшей шерсти. Идеально зачесанные назад волосы, тяжелая трость с резным серебряным набалдашником в правой руке. Ему было на вид около пятидесяти лет, но в его осанке, в развороте широких плеч ощущалась монолитная, несокрушимая мощь.

Он не кричал, не хватался за оружие, не смотрел по сторонам с опаской. Ему это было не нужно. От одного его присутствия раскаленный, душный воздух Сиракуз казался ледяным. Вся площадь замерла, подчиняясь его молчаливому

авторитету.

Витторио Романо.

Глава теневой Лигурии. Человек, чьё имя в узких кругах произносили исключительно шепотом.

Он прошёл вдоль рыбных рядов с такой неторопливой грацией, будто прогуливался по собственному загородному дворцу.

И тут один из местных уличных дураков - семнадцатилетний воришка по имени Чезаре, отчаявшийся и глупый - решил, что это его самый удачный день в жизни.

Чезаре выскочил из засады за раскидистым оливковым деревом, рассчитывая срезать толстый кожаный кошелек у замыкающего телохранителя и рвануть в катакомбы.

Всё произошло мгновенно. За полторы секунды.

Охранник даже не достал пистолет из-за пазухи. Короткое, едва заметное движение - точный, страшный удар локтем в кадык. Раздался сухой хруст. Чезаре мешком рухнул на пыльные, раскаленные камни, корчась, кашляя кровью и судорожно хватая ртом воздух. Второй телохранитель сухо, почти беззвучно щелкнул затвором, направляя черное дуло пистолета прямо в голову лежащего парня.

Толпа на рынке ахнула и в ужасе шарахнулась назад, давя друг друга. Торговцы прятались под прилавки.

Я остался сидеть на парапете.

Я не побежал. Я даже не вздрогнул.

Мой мозг привычно, холодно регистрировал детали: угол

обзора телохранителя с пистолетом - сорок пять градусов. Второй охранник перекрывает подход слева. Третий контролирует крышу рыночного навеса. Мужчина с тростью... мужчина с тростью даже не шелохнулся.

Я смотрел не на сталь пистолета. Я смотрел прямо в лицо человека в сером костюме.

Витторио подхабисто остановился. На его породистом лице с глубокими морщинами не отразилось ни гнева, ни раздражения, ни удивления.

Он посмотрел на скулящего, захлебывающегося собственной кровью Чезаре так, как смотрят на случайно раздавленного на дороге жука.

А затем... он медленно повел головой в сторону.

И его взгляд врезался прямо в *меня*.

Среди паникующей, метаемой толпы, среди страха и криков, я был единственным статичным объектом на всей площади.

Мальчишка с голодными, ввалившимися щеками, в грязных лохмотьях, сжимающий в кармане кусок заточенной стали. Мальчишка, который не отвел глаз.

Мы смотрели друг на друга секунду, две, три.

Времени будто не существовало.

Я смотрел прямо в его стальные, пронизывающие насквозь глаза. Без страха. Без просительных ноток. С той ледяной, дикой отстраненностью, которую дает только полное отсутствие надежды и готовность умереть в любой момент.

Я не ждал пощады. Я лишь оценивал, сколько из его людей я успею забрать с собой, если они решат зачистить площадь.

Витторио медленно поднял левую руку в дорогой кожаной перчатке, останавливая телохранителя, чей палец уже натягивал спуск.

Он сделал шаг ко мне. Тяжелый, размеренный стук его деревянной трости по каменной мостовой отозвался в пустом порту звуком ударов колокола.

Он подошел почти вплотную. От него пахло дорогим кубинским табаком, незнакомым мне парфюмом и... абсолютной, концентрированной властью.

Разительный контраст с привычным для меня запахом тухлой рыбы и городской канализации.

— Как тебя зовут, мальчик? — его голос был хриплым, глубоким, раздающимся из самой груди. Он не кричал, но этот голос заставил замолчать даже чайников над морем.

— Адриан, — чеканно ответил я.

Мой голос не дрогнул. Не дал дать трещину.

Хотя сердце под ребрами выбивало бешеный, рваный, четочный ритм, а пальцы в кармане сжались на заточке так, что белок на костяшках побелел.

Витторио опустил свой тяжелый взгляд на мою правую руку, замершую в глубоком кармане штанов.

На его тонких губах появилась едва заметная, жесткая, оценочная улыбка. Человек его уровня мгновенно понял, что именно я там держу.

— Ты знаешь, кто я такой, Адриан? — тихо спросил он, чуть наклонив голову.

— Мне всё равно, кто вы, — отрезал я, чуть подаваясь вперед и перенося вес тела на носки, готовясь к прыжку. — Но если ваш человек сделает еще один шаг в мою сторону, я всажу ему это в артерию до того, как он успеет спустить курок.

Телохранители мгновенно подтянулись, их пальцы легли на спусковые крючки, атмосфера натянулась до предела. Одно движение - и меня бы превратили в решето.

Но Витторио лишь тихо, негромко рассмеялся.

Этот смех был похож на хруст сухого льда. В нем не было издевки - только глубокое, профессиональное удовлетворение. Так коллекционер рассматривает невероятно редкий, смертоносный артефакт, случайно найденный в куче уличного мусора.

— Ни суеты. Ни страха. Ни детских соплей, — произнес Романо, вглядываясь в мои зрачки так, словно читал всю мою короткую, искалеченную жизнь. — Только холодный расчёт, ненависть и звериный инстинкт выжить.

Он сделал полшага назад и опёрся обеими руками на набалдашник трости.

— Сиракузы сгнут вместе с тобой, мальчик. Здесь ты либо подохнешь от ножа в подворотне через пару месяцев, либо станешь таким же тупым мясом, как этот паршивец на камнях. А у меня есть место, где такую сталь переплавляют

в настоящий клинок.

Витторио развернулся и неторопливо пошел дальше, к кортежу из трех черных бронированных седанов, застывших у въезда на пристань.

У самой двери головной машины Романо остановился. Он не обернулся. Лишь бросил короткую фразу через плечо, которая разрезала мою жизнь на «до» и «после»:

— Идем, Адриан. Или оставайся сдыхать в этой пыли.

Я посмотрел на скулящего в собственной крови Чезаре, к которому так никто и не подошел.

Посмотрел на свои грязные, сбитые в кровь пальцы.

Посмотрел на раскаленные, нищие улицы Сиракуз, которые забрали у меня отца, мать и детство.

А затем я достал из кармана свой заточенный кусок стали и медленно разжал пальцы. Обломок с сухим металлическим звоном упал на раскаленный гранит.

Он мне больше был не нужен.

Я поднялся с парапета и сделал первый шаг вслед за человеком, который забрал меня из ада, чтобы выковать из меня нечто гораздо более опасное.

В тот день я навсегда оставил Сиракузы позади.

Глава 2. Чужое

Адриан Винченцо

Дверь черного автомобиля захлопнулась за мной с глухим, избыточно тяжелым щелчком.

В ту же секунду раскаленный, орущий и пахнущий тухлым тунцом воздух Сиракуз остался снаружи.

Салон встретил меня ледяным, синтетическим холодом кондиционера и удушающим запахом дорогой кожи.

Я сжался в колючий, напряженный комок в самом углу заднего сиденья. Мои грязные, драные штаны оставляли пыльные следы на безупречном тёмно-сером материале обивки, но мне было плевать.

Каждая мышца моего тела была натянута, как стальной трос. В правой руке больше не было привычного обломка стали - он остался лежать на мостовой - и это чувство абсолютной незащищенности обжигало ребра изнутри.

Рядом со мной опустился Марко - тот самый телохранитель, что полминуты назад сломал кадык Цезаре.

От него разило порохом, сгоревшим бензином и мятной жвачкой. Он даже не взглянул на меня. Просто достал из-за пазухи пистолет, сухо щелкнул предохранителем, проверяя затвор, и убрал его обратно под полку пиджака.

Это не было демонстрацией силы. Это было обыденное, автоматическое движение человека, для которого убийство - просто *ремесло*.

Витторио сел на переднее пассажирское кресло.

Он аккуратно положил свою трость с серебряным набалдашником на колени, поправил манжеты безупречной белой рубашки и тихо бросил водителю:

— Домой.

Машина плавно тронулась с места.

Я прижался лбом к тонированному стеклу. За окном проплывали знакомые переулки города: облупленные фасады домов, белье, сушившееся на веревках между балконами, соборная площадь, где я три недели затачивал свою сталь.

Я смотрел на свой город и понимал, что больше никогда

сюда не вернуться. Сзади оставался горящий дом, похороненные под балкам родители и четыре года уличного ада.

— Назови свое полное имя, — раздался с переднего сиденья хриплый, спокойный голос Витторио.

Он не оборачивался, смотря прямо перед собой на дорогу.

Я заставил себя выпрямиться, сжав кулаки на коленях.

— Адриан... Винченцо.

— Сколько тебе лет, Адриан?

— Двенадцать. Наверное.

Витторио молчал пару секунд. В зеркале заднего вида я мельком встретился с его стальными глазами.

— На «наверное» люди умирают, — сухо заметил Витторио. — У тебя больше нет «наверное». Тебе двенадцать. Твой отец был рыбаком, который не умел считать деньги и платить по счетам. Я прав?

Горло перехватило. Упоминание об отце отозвалось резкой, тупой болью где-то под ребрами.

— Мой отец не был виноват, — вырвалось у меня хрипло, с нажимом. — Море штормило. Они пришли и подперли дверь...

— Мне плевать на море, Адриан, — перебил меня Витторио, и его голос был холоднее лигурийского льда. — И мне плевать на тех шестёрок, что сожгли твой дом. *Слабые всегда ищут оправдания* в шторме или в чужой жестокости. Твой отец был слабым. Ты сидел на парапете с обломком железа, потому что не хотел быть таким, как он. *Я дал тебе шанс*. Не заставь меня пожалеть о том, что я пачкаю кожаные сиденья своей машины сицилийской грязью.

Я сжал челюсти так, что зубы скрипнули. Я ничего ему не ответил. Я уставился в окно, заглушая вспыхнувшую внутри ярость.

Мы ехали двое суток.

Два дня, за которые мир за окном изменился до неузнаваемости.

Раскаленные, сухие холмы Сицилии сменились паромом

через пролив, затем были бесконечные серпантины, сосновые леса и, наконец, обрывистые, мрачные скалы Лигурии.

Я не спал практически всю дорогу. Едва я закрывал глаза, как меня накрывало: шум мотора превращался в гул пламени, в нос ударял запах дыма, и я снова видел, как горит крыша нашего дома.

Я вздрагивал, открывал глаза и встречался с равнодушным взглядом Марко.

Мне не давали нормальной еды. На остановках Марко бросал мне сухой сэндвич с ветчиной и пластиковую бутылку воды.

Я ел жадно, по-волчьи, заглатывая куски почти не жуя - привычка уличного сироты, у которого в любой момент могут отобрать еду.

Витторио почти со мной не разговаривал. Он читал газеты на итальянском и английском, отвечал на редкие звонки по тяжелому спутниковому телефону и отдавал короткие приказания.

Но я впитывал каждую деталь его поведения. Как он держит спину. Как говорит - никогда не повышая голоса, но так,

что водитель и Марко замирали.

Я понял одну вещь: этот человек стоял на самом верху пищевой цепочки. И если я хочу выжить в его мире, я должен понять, как этот мир устроен.

Мы прибыли на рассвете третьего дня.

Лигурия встретила нас низким, свинцовым небом и плотным туманом, поднимавшимся с моря. Наш кортеж съехал с шоссе на узкую, зажатую между скалами дорогу и уперся в огромные кованые ворота, врезынные прямо в каменную стену.

За воротами открылся особняк Романо.

Это был не просто дом. Это была мрачная, величественная крепость из серого дикого камня, стоящая на самом краю обрыва над Лигурийским морем. Внизу со страшным гулом бились о скалы тяжелые волны. Во дворе пахло хвоей, сыростью, озоном и... чем-то незнакомым, дорогим.

Машина остановилась у массивного крыльца.

— Вылезай, — коротко бросил Марко, открывая мою дверь.

Я выскочил из машины, мгновенно пригнувшись и сканируя двор. Привычка: оценить пути отхода. Высокие стены. Снайперские позиции на балконах. Два выхода. Затеряться здесь было негде.

Витторио вышел из машины, оперся на свою трость и сделала несколько шагов ко мне.

— Это твой новый дом, Адриан, — сказал он, смотря на меня сверху вниз. — Или твоя могила. *Все зависит от того, что у тебя внутри.*

Он повернулся к тяжелым дубовым дверям, на пороге которых уже стоял мужчина.

Мужчина был коренастым, плечистым, с полностью обритой головой, изуродованным левым ухом и глазами цвета мутной морской воды. На нем была простая черная футболка и армейские брюки, заправленные в берцы. От него веяло такой тяжелой, прессованной опасностью, перед которой даже уличные авторитеты Сиракуз казались детьми.

Марчелло.

— Витторио, — наклонил голову мужчина. Голос у него был похож на хруст гравия под колесами.

— Я привез тебе материал, Марчелло, — Витторио кивнул в мою сторону. — Сиракузы. Дикий, колючий, зубы есть, ума нет. Сделай из него то, что мне нужно.

Марчелло медленно спустился по ступеням. Каждым своим шагом он будто вбивал сваи в брусчатку. Он подошел ко мне вплотную, обошел по кругу, как покупатель осматривает заморенную лошадь на рынке, и остановился напротив.

— Это что за огрызок? — прохрипел он, глядя на мои грязные лохмотья и сбитые коленки. — Выглядит так, будто его собаки по порту три дня таскали.

Я не отвел глаз. Я поднял подбородок и уставился прямо в его мутные зрачки, привычно сжимая кулаки.

— Он еще и огрызается, — хмыкнул Марчелло.

И без всякого предупреждения, коротко и страшно, он впечатал мне тяжелую ладонь прямо в солнечное сплетение.

Удар был не просто сильным - он был сухим и точным, как выстрел.

Воздух вылетел из моих легких с позорным, свистящим хрипом. В глазах мгновенно вспыхнула слепящая белая вспышка, ноги подкосились, и я рухнул коленями на мокрую, холодную брусчатку двора.

Желудок сжало мучительным спазмом, горло перехватило, я уткнулся лбом в камни, судорожно и беспомощно пытаюсь сделать хотя бы один маленький вздох.

Звериный инстинкт Сиракуз сработал раньше, чем разум вернулся в голову.

Не видя ничего перед собой, заглушая дикую тупую боль в животе, я выбросил правую руку вперед - снизу вверх, рассчитывая вслепую вогнать костяшки ему в пах или выбить коленную чашечку. Это был уличный, грязно отработанный прием, который не раз спасал мне жизнь в трущобах.

Но Марчелло не был портовым пьяницей.

Он легко, почти лениво отступил на полшага в сторону, подцепил носком своего тяжелого армейского ботинка мой подбородок и с силой опрокинул меня на спину.

Мой затылок с гулким стуком ударился о камни.

— Рефлексы дикие, — сухо констатировал Марчелло, глядя на меня сверху вниз и затягиваясь дешёвой сигаретой без фильтра. — Техники - ноль. Баланса - ноль. Дисциплины - минус десять. Думает, если выскочит со своей уличной грязью, то испугает меня.

Я лежал на спине, тяжело глотая сырой лигурийский воздух, сплевывая кровь с закушенной губы. Во рту стоял стойкий соленый вкус. Но я не заплакал. На сицилийских улицах за слезы быют еще сильнее.

Я просто смотрел на него снизу вверх, и внутри, под переломанными от боли ребрами, закипала та самая ярость, на которой я выезжал последние четыре года.

— Встать, Ноль, — отрезал Марчелло.

— Меня... зовут Адриан, — прохрипел я, с трудом подтягиваясь на дрожащих локтях.

— Для меня ты - Ноль, — Марчелло выпускает серую струйку дыма мне прямо в лицо. — Ничто. Пустое место в драных штанах. И ты станешь человеком с именем только

тогда, когда я разрешу тебе дышать без моего приказа. Марко, убери эту грязь во внутренний подвал. Дай ему мыло, мочалку и серые штаны. Через двадцать минут жду его в нижнем тире.

Подвальный уровень особняка Романо не имел ничего общего с парадными залами Дома. Здесь не было ни бордовых ковров, ни золоченых рам.

Тут пахло сыростью, старым бетоном, оружейным маслом, едким дезинфектором и невыветриваемым потом десятков людей, прошедших через эту мясную выжимку.

Марко толкнул меня в узкую, похожую на одиночную камеру комнатуху: голые каменные стены, маленькое окошко под самым потолком с толстой стальной решеткой и узкая кушетка с серым шерстяным пледом.

— Пять минут на помойку, — бросил Марко, указуя пальцем на ржавую душевную лейку в углу. — Вытрешься - наденешь это.

Он швырнул на кушетку стопку одежды: плотные серые штаны из грубой ткани, простую черную футболку и тяже-

лые ботинки на шнуровке.

Когда ледяная вода из лейки ударила мне в спину, я впервые за три дня смог смыть с себя сухую, въевшуюся пыль Сиракуз. Вода стекала в сток черными, грязными струями.

Я смотрел на свои руки - на тонкие, синюшные от холода пальцы, на сбитые костяшки - и чувствовал, как сицилийское тепло окончательно выдувается из костей, уступая место здешнему, лигурийскому льду.

Я оделся. Одежда была велика мне в плечах, но ботинки сидели плотно, сжимая лодыжки жесткой кожей.

Когда я вышел в коридор, Марко уже ждал. Он провел меня по длинному, закрученному тоннелю в просторный зал с высоким потолком и бетонным полом.

Там стоял Марчелло. На длинном деревянном столе перед ним лежали разобранные пистолеты, цинки с патронами, деревянные макеты ножей и длинные полки с грубыми пеньковыми канатами.

— Сел, — указал Марчелло на табурет у стола.

Я подошел и сел. Движения были скованными, солнечное

сплетение всё ещё горело тупой, ноющей болью.

— Улица учит тебя выживать, Ноль, — сказал Марчелло, не поднимая глаз от затвора, который он протирал ветошью. — Но улица делает тебя калекой. Ты привык бить первым, потому что боишься, что ударят тебя. Ты суетишься. Ты смотришь на руки противника, а не на его плечи.

Он резко бросил на стол перед мной тяжелый, полностью разобранный пистолет. Детали со звонким металлом рассыпались по дубовой доске.

— Что это? — спросил я.

— Это инструмент. Единственная вещь, которая разделит твою тупую голову и пулю, если ты окажешься в дерьме. У тебя есть три дня, чтобы научиться собирать и разбирать его с закрытыми глазами. Если через три дня ты ошибся хотя бы в одной пружине — ты идешь бегать тридцать километров по скалам без воды.

— Я не умею обращаться с этим, — отрезал я, не касаясь металла. — На Сицилии у нас были только ножи.

Марчелло медленно отложил ветошь, опираясь обеими руками о стол и подаваясь ко мне. На его голове от напряже-

ния вздулась синяя жила.

— Значит, научишься, — тихо, но со страшным нажимом проговорил он. — В этом доме нет слова «не умею». В этом доме есть «сделал» или «сдох». Витторио заплатил за тебя твоей никчемной жизнью. Теперь ты принадлежаешь ему. Каждая твоя кость, каждый мл крови. И если ты решишь, что ты слишком слаб для этого - я лично сброшу тебя с обрыва в море, и никто даже не вспомнит твоё имя. Понял?

Я смотрел прямо в его мутные глаза. Inside меня всё горело от злости, но я заставил себя наклонить голову.

— Понял.

— Не «понял», а «да, Марчелло», — отрезал он. — Бери затвор. Я покажу один раз. Повторишь - получишь еду. Не повторишь - спишь на бетоне.

Он начал показывать. Его пальцы - толстые, короткие, с взъевшейся под ногти оружейной смазкой - двигались с невероятной, изумительной грацией.

Металл щелкал, вставал в пазы, пружины входили без единого лишнего звука.

Я смотрел на его руки и впервые за долгое время поймал себя на мысли: этот человек - не просто жестокий бык.

Он был профессионалом.

Машиной, выкованной для одной-единственной цели - убивать и учить убивать других.

И если я хотел выжить среди этих каменных стен, я должен был стать лучшей машиной, чем он.

Глава 3. Эхо

Адриан Винченцо

В двенадцать лет твой мир сжимается до размеров сырого подземного коридора, постоянного стука собственного пульса в висках и бесконечной, тошнящей боли в мышцах, которая не успевает пройти до следующего рассвета.

В мире Синдиката двенадцатилетний ребенок из сицилийских трущоб был никем - безымянным человеческим сырьем, из которого требовалось либо выковать что-то стоящее, либо выбросить его на свалку, если сталь покажет хоть малейший брак.

Моя жизнь ограничивалась замкнутым треугольником: узкой камеркой в цоколе, где вечно пахло сыростью и старым известняком, бетонированным тиром и закрытым внутренним плацем, зажатым между отвесными серыми скалами и каменной стеной особняка.

Каждый день начинался абсолютно одинаково.

Ровно в пять утра, когда над Лигурийским морем только зарождался холодный, плотный предрассветный туман, тя-

желая железная дверь моей каморки со скрежетом и металлическим лязгом отворялась.

— Вставай, Ноль! — хриплый, прокуренный голос Марчелло въедался в мозг быстрее, чем я успевал разлепить веки.

Он никогда не ждал.

Если я мешкался хотя бы на пять секунд, с трудом отрывая затекшее, разбитое тело от жесткой кушетки, Марчелло просто опрокидывал на меня ведро ледяной воды из подвального колодца.

Ледяной поток обжигал кожу, выбивал остатки сна, и я выскакивал на голый бетонный пол, кашляя и дрожа от пронизывающего подвального сквозняка.

— Десять секунд на то, чтобы натянуть штаны! — гремел он, стоя в дверном проеме огромной, незыблемой тенью. — Замешкаешься — побежишь босиком по каменистому серпантину!

Дальше начинался ежедневный, выматывающий ад.

Подъем по крутой, извилистой тропе, серпантинном уходя-

щей вверх по скалам вдоль самого обрыва.

На мне был старый армейский рюкзак, куда Марчелло каждый день лично закладывал куски тяжелого кускового гранита. В первый месяц вес рюкзака составлял десять килограммов, затем двенадцать, затем пятнадцать.

Мои кеды со сбитыми, дырявыми носками скользили по мокрой от утренней росы траве и острому, как бритва, гравию. Ноги горели так, словно вместо крови по жилам пустили расплавленный свинец.

В легких, отвыкших от сухого сицилийского тепла и невзлюбивших влажный морской воздух Лигурии, плескался сухой, болезненный кашель.

Из носа от постоянного перепада высоты и непрерывных нагрузок периодически текла струйка темной крови, запекалась на верхней губе густой коркой.

— Не отставать, щенок! — орал Марчелло, ехавший сзади на старом, облупленном мотороллере и периодически подгонявший меня длинным кожаным хлыстом для лошадей. — Если ты сдохнешь на этой тропе, я даже закопать тебя не поленюсь! Просто поддену носком ботинка и сброшу в волны! Чайки доедят то, что останется от твоих сицилийских

костей!

Я бежал. Зубы крошились от того, как сильно я сжимал челюсти. Внутри всё клокотало от дикой, бессильной ярости, но я заставлял себя переставлять ноги.

Шаг. Еще шаг. Еще десяток метров.

Я знал: Марчелло не шутил. В этом доме человеческая жизнь не стоила ничего, если ты не доказывал свое право дышать каждый проклятый день.

После пробежки, трёхсот отжиманий и умывания ледяной водой из-под крана наступало время «теории и практики».

Марчелло не учил меня красивым спортивным дисциплинам. Он не преподавал классический бокс, восточные единоборства или спортивное фехтование.

Все его уроки сводились к одной сухой, беспощадной концепции: эффективное, молниеносное уничтожение противника с минимальными затратами сил и времени.

— Забудь про правила, Ноль! — гремел его голос в полу-

тёмном зале тира, где гулко отдавалось каждое слово. — На улице и в темном переулке нет рефери! Нет честного боя! Если ты оказался в драке - значит, ты уже допустил ошибку, потому что не заметил врага раньше. Но раз уж ты в ней оказался, твоя единственная задача - выключить противника за две секунды. Убить, сломать, ослепить. Вся твоя мораль должна оставаться в туалете!

Он заставлял меня сотни, тысячи раз повторять одно и то же движение, используя для отработки блоков и ударов тяжелые деревянные жерди из сухой сосны.

И именно здесь, в этом подвальном тире, меня ждала главная, самая страшная ловушка моего собственного искаленного разума.

В один из дней, когда Марчелло с силой опустил толстый брус, чтобы проверить мой верхний блок, сухая древесина с громким, пронзительным, сухим хрустом лопнула пополам прямо над моей головой.

Хруст.

Этот звук... Он прорезал пространство, словно раскаленный клинок.

Меня мгновенно, за долю секунды, выбило из реальности. Пропал бетонный тир, исчез Марчелло, испарилась суровая Лигурия.

Перед глазами вспыхнула раскаленная, задыхающаяся в дыму кухня нашего дома в Сиракузах. Тот же самый оглушительный, страшный треск сосновых балок потолка, рушащихся прямо на отца.

В нос раскаленным молотом ударил нестерпимый запах выгорающей извести, паленой шерсти и едкого, ядовитого дыма.

Я застыл на месте. Руки, державшие деревянный макет, обмякли, выронили палку и задрожали мелкой, неуправляемой дрожью. Воздух застрял в горле, словно его накачали стеклянной крошкой.

Пульс ударил в виски с такой дикой, сумасшедшей силой, что в ушах зазвенело, а перед глазами поплыли черные круги.

— Эй, Ноль! Ты чего застыл?! — проорал Марчелло, занося руку для следующего замаха.

Я не видел его. Я видел перед собой только черные, обуг-

ленные стены, горящие рыболовные сети и окровавленное лицо отца. Паника - дикая, детская, липкая, животная - полностью парализовала мое тело.

Я сделал два бессознательных, хаотичных шага назад, тяжело и рвано дыша, и впечатался спиной в холодный бетон стены, сползая по нему на корточки и судорожно хватаясь пальцами за собственное горло.

— Там... горит... — вырвалось из меня хриплым, детским, беспомощным шепотом. Я сжимал пальцами шею, пытаюсь выжать из заблокированных легких хотя бы глоток воздуха. — Балки... они рушатся на него...

Марчелло замер. Наклонил голову, медленно опустил обломок бруса и вплотную подошел ко мне.

Его тяжелый армейский ботинок остановился в дюйме от моих дрожащих коленей.

— Что с тобой, щенок? — в его голосе не было ни капли сочувствия. Только сухая, опасная, ледяная настороженность.

— Дым... они подперли дверь... — бормотал я, не в силах расцепить зубы, раскачиваясь из стороны в сторону.

Марчелло молчал три секунды. А затем нагнулся, схватил меня за шиворот черной футболки и с невероятной силой встряхнул, впечатав затылком в бетонную стену.

— Слушай меня сюда, сирота! — рявкнул он прямо мне в лицо. — В этом подвале ничего не горит! Твой дом сгорел четыре месяца назад! Твои родители гниют под землей! Если ты будешь дергаться и ловить сопли от каждого треснувшего сучка — тебя застрелят на первой же уличной зачистке!

— Я не... не могу... — выдохнул я через сжатые зубы, закрывая глаза.

— Можешь! — Марчелло схватил мою правую руку и с силой вжал ободранные костяшки в шершавый, ледяной бетон стены, протянув их по граниту.

Острая боль прорезала руку до самого локтя.

— Чувствуешь?! — прошипел он над самым ухом. — Это бетон! Это холод! Ты в Лигурии! Зажми свою панику в кулак и вбей ее себе глубоко в задницу!

Я впился ногтями левой руки в собственные штаны, сжимая челюсти до хруста в суставах. Физическая боль отрезв-

ляла лучше любого лекарства. Огонь Сиракуз медленно, неохотно отступил, уступая место серому, тусклому свету подвального тира.

Я открыл глаза и поднял на него взгляд. В моих зрачках все еще стоял смертельный детский страх, но сверху, тонким слоем, уже нарастала привычная, колючая, спасительная ярость.

— Встать, — отрезал Марчелло, отпуская мою футболку. — Поднялся и взял новый дрын. Будем ломать их до тех пор, пока ты не перестанешь ссаться от этого звука.

Прошел еще один месяц. Я учился жестоко, наживую ломать собственные психозы.

Марчелло понял мое уязвимое место и начал методично, садистски наносить по нему удары. На занятиях по огневой подготовке он специально поджигал в металлическом ведре ветошь, вымоченную в машинном масле, заполняя тир едким серым дымом, и заставлял меня стрелять по мишеням.

В первые дни я просто ронял пистолет.

Меня рвало прямо на бетон от панических атак.

Но я нашел свой способ борьбы. Чтобы удержать картинку реальности, когда перед глазами вспыхивал огонь, я научился незаметно впиваться ногтем большого пальца в внутреннюю сторону указательного - до глубоких порезов, до крови, до острой боли.

Физическая боль служила якорем.

Она возвращала меня из пылающих Сиракуз в подвалы Романо.

К концу осени я больше не ронял оружие. Я стрелял сквозь дым, незаметно сжимая окровавленный палец в кулаке.

Но физическая и психологическая выжимка всё равно ломала меня изнутри, подтачивая силы. Я почти не спал. Едва усталое тело касалось кушетки, как ночные кошмары возвращались с удвоенной силой.

В одну из сырых, пронзительно холодных ноябрьских ночей, когда огонь снился три раза подряд и я проснулся с ощущением, что горло забито сажей, во мне что-то окончательно сорвалось.

Я решил сбежать.

Это не был продуманный, стратегический план. Это был судорожный, дикий, звериный порыв зажатого в угол, израненного сироты.

Убежать. Вырваться.

Уйти в скалы, пробраться в другие места, залезть в трюм любого сухогруза, уходящего в Испанию или Францию - куда угодно, лишь бы подальше от этих каменных стен, от Марчелло и от этого бесконечного ада.

Я дождался двух часов ночи, когда тяжелые шаги ночного дежурного в коридоре окончательно затихли за поворотом.

Достал из-за матраса тонкий стальной гвоздь, который случайно нашел на плацу три недели назад и все это время прятал в глубоком шве штанов.

Почти сорок минут, сдерживая рваное дыхание и вздрагивая от каждого случайного шороха, я кропотливо, миллиметр за миллиметром выковыривал ржавую защелку на узком вентиляционном окне под самым потолком своей камеры.

Защелка поддалась с сухим, едва слышным металлическим треском.

Я подтянулся на жилистых, ободранных руках, задыхаясь от колоссального напряжения, и боком пролез в узкий световой колодец. Острые грани камней ободрали мне локти и ребра до крови, но я даже не заметил этого.

Выбравшись на плоскую крышу технического блока над гаражами, я припал грудью к холодному, мокрому граниту, жадно глотая ночной воздух.

Морской ветер с огромной силой ударил в лицо. Он пах солью, настоящей свободой и надвигающимся штормом.

Я огляделся, дико переводя дыхание. До внешних ворот особняка оставалось около двухсот метров через кипарисовую аллею. Высокая каменная стена перекрывала весь периметр, но возле старой оранжереи к ней вплотную примыкала мощная ветка дикого плюща.

Перемахнуть через нее - и я вырвусь в свободолюбивые скалы.

Я уже поднялся на корточки, собираясь пружинистым

прыжком сорваться в тень кипарисов, как вдруг прямо над моей головой из темноты раздался спокойный, хриплый голос:

— Красивый вид отсюда, правда?

Я замер, словно пораженный молнией. Все мышцы мгновенно сжались в комок, руки автоматически встали в защитную стойку, дыхание перехватило.

На самом краю крыши, свесив ноги над тёмной пропастью внутреннего двора, спокойно сидел Марчелло. В его правой руке медленно тлел яркий красный огонек сигареты. Он даже не повернулся в мою сторону, продолжая неторопливо смотреть на бушующее штормовое море внизу.

— Ты ковырял защелку слишком громко, Ноль, — выдыхая серую струйку дыма в ночное небо, произнес он абсолютно будничным тоном. — У тебя нет чувства металла. Ты скреб гвоздем по дубу так, что на первом этаже в караулке чашки на столе звенели.

Я стоял в тени, не шевелясь. Сердце под ребрами выбивало такой сумасшедший, рваный ритм, что казалось, кости вот-вот хрустнут от давления.

— Спрыгнешь с этой крыши - переломаешь лодыжки о гравий, — продолжал Марчелло тем же ленивым голосом. — Побежишь к оранжерее - Марко снимет тебя из карабина с тепловизором через тридцать секунд. Он сидит вон на той вышке и отлично видит каждую мышь, которая дергается на газоне.

— Мне плевать! — вырвалось у меня хрипло, по-детски зло и со слезами бессилия в голосе. — Я не останусь здесь! Я не ваша собака!

Марчелло медленно повернул голову. В полной темноте его мутные глаза смотрели на меня без злобы и без гнева. В них было лишь глухое, тяжелое, вековое понимание.

— На улице ты был никем, Адриан, — впервые за всё время он назвал меня по настоящему имени, и этот звук ото-звался во мне странной, холодной, пронизывающей дрожью. — Ты был диким сицилийским щенком, который сдох бы в первой же подворотне через полгода. На улице нет никакой свободы, мальчик. На улице есть только иллюзия свободы для глупых, наивных дураков.

Он тяжело поднялся с края крыши, неторопливо подошел ко мне и опустил свою огромную, мозолистую руку мне на плечо. Его хватка была весомой, но в ней впервые не было

желания причинить боль.

— Витторио дал тебе единственный шанс стать кем-то большим, чем портовый мусор, — сказал Марчелло. — Из тебя делают сталь. А ковка - это всегда боль, огонь, холодная вода и тяжелый молот. Хочешь обратно в сицилийскую грязь? Иди. Спрыгивай. Я даже пальцем не двину, чтобы тебя остановить. Но помни: второго шанса подняться со дна тебе в этой жизни никто и никогда не даст.

Я замер на самом краю крыши.

Внизу, далеко под обрывом, со страшным ревом ломались о серые скалы черные лигурийские волны. Сзади возвышался темный, неприступный, величественный особняк.

Я посмотрел на свои сбитые в мясо пальцы, на Марчелло, который спокойно выбросил окурок в темноту, и внутри меня что-то окончательно, навсегда перевернулось.

Он был прав. Назад пути не было.

Горящий дом в Сиракузах сгорел дотла, родителей не вернуть, а улица была лишь красивой сказкой для тех, кто никогда на ней не умирал от холода.

Я медленно опустил руки и сделал шаг назад от края крыши.

Марчелло коротко хмыкнул, взъерошил мне волосы сухой ладонью и повернулся к техническому люку.

— Шагай в каморку, Ноль. Завтра пробежка на десять километров больше. И окно сам заделаешь цементом перед завтраком.

Именно в ту ночь, возвращаясь по глубокому подземному лабиринту обратно в свой цоколь, я впервые по-настоящему услышал его.

Мы шли по дальнему, заброшенному коридору технического крыла, где я раньше никогда не бывал.

Марчелло сворачивал к закрытым оружейным складам, когда мы проходили мимо массивной двустворчатой двери из тёмного морионского дуба, украшенной коваными латунными накладками в виде лигурийских львов.

Дверь была наглухо закрыта, а рядом на каменной стене горел небольшой красный индикатор охранной системы.

Возле этой двери сам воздух резко, кардинально менялся.

Здесь больше не пахло сыростью, соляровкой, ржавчиной и едким дезинфектором. Из-за дверей доносился тонкий, невероятно изысканный аромат: дорогой кубинский табак, ноты корицы, горького шоколада и тяжелый, пьянящий женский парфюм.

Я остановился как вкопанный.

Из-за толстого дуба, из самых глубоких недр особняка, долетала странная, завораживающая, гипнотическая вибрация. Это не был открытый, вульгарный шум.

Это был глухой, бархатный, далекий гул совершенно другой, недостижимой жизни.

Шелест сотен тяжелых шелковых платьев. Тонкий, хрустальный перезвон бокалов с шампанским. Едва слышный, гипнотический сухой треск вращающегося колеса рулетки, шуршание бархатных карт по зеленому сукну и далекие, приглушенные, исполненные достоинства голоса:

«Ставки сделаны, господа... Ставок больше нет».

Это звучало так красиво и одновременно так смертоносно опасно, что у меня перехватило дыхание.

— Что там? — тихо спросил я, не сводя глаз с латунной ручки двери.

Марчелло остановился, перевел взгляд на дверь, а затем посмотрел на меня. На его обычно жестком, избитом лице не было привычной насмешливой ухмылки.

— Это «*VESPER*», — коротко ответил он.

— Что это за место?

— Это *сердце нашей империи*, щенок, — Марчелло положил свою мозолистую ладонь мне на затылок и чуть сжал. — Это место, где самые богатые, влиятельные и опасные сволочи этой страны отдают Витторио свои деньги, свои секреты и свои души за право почувствовать себя богами. Наверху кипит жизнь, о которой ты в своих Сиракузах даже в самом диком бреду не мог подумать.

Я сделал полушаг к двери, прислушиваясь к этому далекому, пьянящему гулу.

— Я смогу туда зайти? — вырвалось у меня помимо воли.

Марчелло негромко, сухо рассмеялся своим хриплым смехом.

— Тебе до этого места - как до луны пешком, Ноль. Наверху люди пьют коньяк по тысяче евро за бутылку и решают судьбы портов и заводов. А ты пока - просто неотесанный, дикий кусок мяса из подвала. Твоя задача сейчас - научиться держать пистолет и не сдыхать от паники, когда услышишь хруст дерева. Шагай в свою конуру.

Он с силой развернул меня за плечо и толкнул по тёмному коридору к моей камере.

Я шел по мрачному тоннелю, но этот далекий, глухой гул казино все еще вибрировал в моих ушах, окончательно вытесняя из головы образ горящего дома в Сиракузах.

Я лег на жесткую кушетку, укрылся серым пледом и устал в каменный потолок.

Наверху продолжал шуметь «VESPER», а я засыпал с первой в своей жизни настоящей, выжженной в сердце целью: я заставляю свое тело и разум подчиниться.

Я научусь заглушать любые флешбэки.

*И однажды я поднимусь по этой лестнице и встану там,
наверху.*

Глава 4. Холод

Адриан Винченцо

В тринадцать лет время перестает измеряться днями, месяцами или праздниками. Оно отпечатывается прямо на твоей коже, въедается в суставы и застывает в костях.

На моем левом предплечье появился длинный, рваный шрам - память о неудачном рикошете от стальной мишени в подвальном тире. На правой стороне ребер навечно осталось тёмное, почти фиолетовое пятно от прямого удара тяжелым деревянным брусом, которым Марчелло проверял мою выдержку.

Мой рост за этот год вытянулся почти на десять сантиметров, плечи раздались и косо обросли сухими, жесткими мышцами, а детская припухлость щек окончательно сгорела в огне непрерывных, ежедневных выжимных тренировок, обнажив острые, хищные скулы.

Но самое главное изменение произошло не снаружи. Оно произошло глубоко в голове.

Я научился контролировать своих призраков. Когда на за-

нятиях по огневой подготовке Марчелло снова поджигал в ведрах тряпки, вымоченные в солярке и машинном масле, заставляя меня стрелять сквозь едкую серую пелену, или когда в темных коридорах особняка сухой хруст ломающейся древесины напоминал мне о рушащейся крыше в Сиракузах - я больше не сползал по стене, хватаясь за горло.

Я научился заставлять свой разум работать по-другому. В момент, когда в груди поднималась липкая, задыхающаяся волна паники, я делал ровный, глубокий выдох через нос, со всей силы впивался ногтем большого пальца в внутреннюю сторону указательного - до острой, трезвой боли, до первой капли крови - и заставлял себя раскладывать происходящее на химические элементы.

Огонь - это просто окисление. Дым - это взвесь углерода. Шум - это звуковая волна определенной частоты.

Постепенно флешбэки перестали быть парализующим детским ужасом. Они превратились в фоновую боль - жесткую, опасную, но полностью подконтрольную моему холодному расчету.

Один раз в неделю меня по-прежнему водили наверх, в кабинет Дона Витторио. Под его молчаливым, тяжелым, сканирующим взглядом я выпивал чашку горячего чая с берга-

мотом. Запах цитруса больше не вызывал у меня рвотных позывов и воспоминаний о сгоревшем саде. Я научился пить его ровными, размеренными глотками, не держа чашку обеими руками и не сводя глаз со стальных, немигающих зрачков старика.

— Твоя броня твердеет, Адриан, — сказал мне Витторио в один из таких дождливых вечеров, аккуратно закрывая кожаную папку с оперативными сводками Синдиката. — Но броня без клиновидного острия - это просто бесполезное железо. Настоящий клинок должен знать, куда разить. Завтра профессор Беллини начнет учить тебя главному предмету в этой жизни.

Уроки профессора Беллини проходили в той же самой огромной библиотеке на втором этаже, куда меня приводили под строгим конвоем Марко.

Старик Беллини неизменно сидел за тяжелым дубовым столом, протирая свои толстые очки с массивными линзами краешком потертого твидового пиджака. Перед ним всегда лежало несколько новых фолиантов в темных кожаных переплетах и огромный, детально развернутый анатомический атлас человеческого тела.

— Итак, мой молодой, необтесанный варвар, — прокри-
пел профессор, когда я бесшумно и ровно сел на высокий де-
ревянный стул напротив него. — Марчелло учит тебя ломать
кости, уклоняться от прямого удара и суетиться с пистоле-
том в закрытых пространствах. Это, несомненно, весьма по-
лезно для банальной портовой драки. Но истинное, высшее
искусство ликвидации - это не грубая сила. Это чистая ма-
тематика, физика и биология.

Он постучал сухим, длинным пальцем с желтым от табака
ногтем по яркой цветной иллюстрации человеческой крове-
носной системы.

— Что такое человек, Адриан? С точки зрения ремесла
семьи Романо?

Я посмотрел на сплетение синих и красных нитей, нари-
сованных на старинной плотной бумаге.

— Это хрупкая, плохо защищенная схема, — ответил я
ровным, отчеканенным тоном, полностью освобожденным
от моего прежнего сицилийского диалекта.

Беллини довольно, сухо хмыкнул, поправив дужку очков
на горбатом носу.

— Именно! Хрупкая, отвратительно сконструированная и абсолютно незащищенная схема. Смотри сюда. Вот сонная артерия. При ее рассечении или точном проколе артериальное давление в головном мозге падает мгновенно. Человек теряет сознание через три секунды, клиническая смерть наступает через двадцать. Никаких криков. Вот бедренная артерия - глубокий, косой укол под углом в сорок пять градусов в верхнюю треть бедра. Человек истекает кровью быстрее, чем успевает осознать, что его атаковали. Вот подмышечная впадина, вот глазница.

Он подвинул по суконной скатерти ко мне тонкий, тяжелый стальной штырь, напоминающий медицинский скальпель с длинным трехгранным лезвием и обмотанной суровой бечевкой рукоятку.

— Ты должен знать эту анатомическую карту лучше, чем нищие улицы Сиракуз, — строгим, учительской тоном отрезал старик. — Если Витторио отправляет тебя убирать человека - ты не должен устраивать бойню на глазах у половины города. Настоящий мастер оставляет за собой не лужи крови и рассыпанные стреляные гильзы, а «внезапный сердечный приступ», «острую сердечную недостаточность» или «досадный несчастный случай».

Я взял трехгранный штырь в правую руку. Металл был прохладным, идеально сбалансированным, тяжёлым на кончике.

— А если противник в бронежилете или плотной кожаной куртке? — спросил я, привычным движением вращая лезвие между пальцами.

— У человека нет и никогда не будет бронежилета на шее, в паху, на внутренней стороне плеча и в глазницах, — сурово чеканил Беллини, нависая над столом. — Глупый боец ищет силу и массу удара. Умный и смертоносный боец ищет только незащищенную точку и кратчайший вектор.

С того дня анатомия стала моей главной, абсолютной страстью.

Я часами зубрил расположение нервных узлов, глубоких артерий, суставных сумок и сухожилий. Я учился рассчитывать силу и направление тычка так, чтобы тонкое трехгранное лезвие входило ровно между ребрами, не задевая прочную костную ткань и не вязнув в мышцах.

Учение давало моему израненному разуму то, чего мне так катастрофически не хватало в детстве - чувство полного, математического, абсолютного контроля над смертью.

Мне едва исполнилось тринадцать с половиной лет, когда на нашей территории - прямо здесь, в Генуе - произошел первый крупный сбой, поставивший под угрозу всю структуру Синдиката.

Это произошло в промозглый, тёмный декабрьский вечер. Над Генуэзским заливом бушевал настоящий лигурийский шторм. Тяжелый, ледяной дождь вперемешку с мокрым снегом лупил по стенам особняка, а ветер вздымал на море черные волны, ломавшиеся о скалы с оглушительным гулом.

Я находился в подвальном тире, до полного автоматизма отрабатывая оперативную смену магазинов пистолета когда массивная железная дверь с грохотом распахнулась.

В помещение быстрым, размашистым шагом вошел Марчелло. Его обычно угрюмое лицо сейчас было темнее ночного лигурийского неба.

— Оружие в кобуру, Ноль, — отрезал он, натягивая на ходу плотные кожаные перчатки. — Наверх. Витторио вызывает лично.

Мы молча поднялись по тёмным лестницам в главный кабинет Витторио.

В кабинете царила звенящая, давящая, почти физически ощутимая напряженность. За огромным столом из красного дерева сидел Витторио, его пальцы сжимали костяной набалдашник трости с такой дикой силой, что костяшки пальцев побелели.

В углу у окна стоял Марко с взведенным пистолетом-пулеметом в руках, а в центре стола на полную мощность шумел динамик тяжелого армейского спутникового телефона.

Из динамика сквозь треск помех и шум падающей воды доносились отчаянные, панические крики и частые, сухие, оглушительные щелчки автомата:

— ...Они перекрыли основной выезд из восточного сектора порта! — орал чей-то хриплый, захлебывающийся голос. — Это туринцы! Туринский клан! Они точно знали трассу и время доставки спецгруза! Склад номер три горит, Матиа ранен в живот, мы зажаты в кирпичной конторе! Если они выбьют дверь - всё кончено!

Витторио даже не изменился в лице. Лишь его стальные глаза медленно поднялись от телефона и въелись в Марчел-

ло.

— Туринский клан решил, что я стал слишком стар и немощен для Генуи, — тихо, но с таким ужасающим, ледяным холодом произнес он, что у меня по спине пробежали мурашки. — Они решили перехватить нашу главную поставку прямо в доках Генуэзского порта. Если этот груз сгорит, будет уничтожен или попадет в руки портовой полиции — наш главный объект, «VESPER», останется без ликвидности и валюты на весь следующий месяц. А это недопустимо.

— Сколько у них стволов на складе? — коротко и отрывисто спросил Марчелло.

— Восемь или десять профессиональных бойцов, — ответил Марко из угла, не отрываясь от наблюдения за окном. — Засели на третьем складе у причала. наших ребят зажали в административной конторе в глухом углу.

Витторио медленно перевел свой тяжелый, насквозь видящий взгляд с Марчелло на меня.

Я стоял у массивных дубовых дверей — вытянувшийся, поджарый тринадцатилетний юноша в черной непромокаемой куртке, с абсолютно ровным дыханием и пустой, непроницаемой ледяной маской на лице.

— Время пришло, Марчелло, — тихо, весомо сказал Витторио. — Возьми его с собой. Посмотрим, как твоя хваленая подвальная сталь работает не по деревянным и бумажным мишеням, а по живой, теплым человеческим телам.

Марчелло молча, тяжело кивнул.

— Пошел за мной, Ноль, — бросил он, разворачиваясь к выходу. — Пришло время сдавать твой главный, выпускной экзамен.

Мы мчались на тёмно-синем, грязном, неприметном фургоне без опознавательных знаков.

За окнами разворачивался суровый пейзаж ночного портового города: намокшие узкие улицы, мрачные фасады старых зданий, редкие тусклые фонари и, наконец, огромная, темная, угрюмая территория Генуэзского порта. Стеной шел проливной дождь.

Дворники фургона с оглушительным скрипом счищали бесконечные потоки воды со лобового стекла.

Марчелло сидел рядом со мной на заднем сиденье, в молчании проверяя механизмы автоматического карабина. Я сидел напротив, сжимая в замёрзших пальцах пистолет с уже прикрученным длинным, тяжелым глушителем.

Мой пульс неожиданно подскочил, дыхание на короткую секунду стало рваным и неровным.

Внутри снова, вынырнув из глубины подсознания, попыталась подняться мерзкая волна детской паники: *«Это твой первый настоящий бой. Спящие там люди хотят тебя убить. Ты можешь сдохнуть прямо сейчас на грязном бетоне»*.

Я привычным, доведенным до автоматизма движением со всей дури въелся ногтем большой руки в глубокую ранку на указательном пальце. Острая, физическая боль моментально протрезвила мозг, смыв липкий страх.

Я закрыл глаза на три секунды, мысленно прогоняя перед собой четкие страницы из анатомического атласа Беллини: сонная артерия, подмышечная впадина, глазница. Никаких эмоций.

Фургон с визгом тормозов замер в глухом, тёмном перелуке между двумя огромными грузовыми терминалами Ге-

нуэзского порта.

Здесь, у самой воды, воздух был пропитан запахом соленой тухлой воды, ржавого железа, сырого бетона и въедливой горелой резины. Из глубины складского комплекса сквозь шум штормового ветра доносились редкие, сухие, одиночные выстрелы - туринские налетчики методично дожимали оставшихся людей Романо, запершихся в укрепленной кирпичной конторе.

— Слушай меня сюда предельно внимательно, Ноль, — Марчелло с силой схватил меня за отворот куртки и притянул к своему лицу. Его глаза в полутьме фургона горели диким, мутным, опасным огнем. — Мы заходим с тобой со стороны черного, служебного входа со стороны причала. Твоя единственная задача - не лезть вперед, не изображать из себя героя и наглухо перекрывать мою спину. Если видишь чужого человека с оружием - ты не ждешь, не кричишь ему «руки вверх», не просишь сдаться. Два выстрела в корпус, один в голову. Понял меня?

— Понял, Марчелло, — абсолютно ровно и без единой вибрации в голосе ответил я.

— Пошли!

Мы выскочили из фургона и мелкими, бесшумными, низкими перебежками устремились к ржавой металлической двери бокового входа третьего склада.

Марчелло аккуратно надавил на замок, вставил отмычку, и дверь с легким щелчком поддалась. Мы скользнули внутрь.

Внутри гигантского ангара пахло сыростью, машинным маслом и едким пороховым дымом.

Высокие нагромождения деревянных контейнеров и штабеля металлических бочек создавали запутанный лабиринт из глубоких, непроницаемых теней.

В самом центре зала, под одинокой, тускло качающейся под потолком лампой, трое мужчин в плотных куртках с пистолетами-пулеметами вели непрерывный огонь по выбитой железобетонной двери офиса, выкрикивая ругательства на туринском диалекте.

— Я беру левого и центрального, — едким шепотом обронил Марчелло прямо мне в ухо. — Правый, который засе за деревянным поддоном у контейнеров - твой. Не промахнись, щенок.

Марчелло молнией выскочил из засады. Его карабин глухо и ритмично простучал короткую серию выстрелов. Двое

туринцев мешками рухнули на бетон, даже не успев развернуться и понять, откуда пришла смерть.

Но третий - высокий, плечистый боец с бритым затылком - проявил невероятную реакцию. Он мгновенно отпрыгнул за тяжелый деревянный поддон и вскинул ствол, целясь Марчелло прямо в незащищенный затылок.

У меня не было времени на раздумья. Мой мозг полностью отключил человеческий страх, оставив только чистый, холоднокровный расчет.

Я сделал шаг из тени. Поднял пистолет на уровень глаз. Черная мушка легла аккуратно между лопаток бритого туринца - ровно туда, где по атласу профессора Беллини проходит грудной отдел позвоночного столба и пролегают крупнейшие нервные узлы.

Пшик. Пшик.

Глушитель выбросил две короткие, тихие порции раскаленного газа.

Мужчина судорожно дернулся, его оружие выстрелило в металлический потолок ангара, выбивая снопы искр, а сам он тяжело, с сухим, глухим хрустом рухнул ничком на гряз-

ный бетон прямо к моим ногам.

Я быстрой тенью подбежал к нему. Наклонился.

Мужчина все еще был жив - он судорожно, рваным образом кашлял, его пальцы скребли по мокрому бетону, а из рта обильно шла розовая пена. В его расширенных от дикого ужаса зрачках отражался мой силуэт: тринадцатилетний мальчишка с холодным, пустым взглядом, держащий пистолет с дымящимся глушителем.

Внутри меня в этот момент ничего не вспыхнуло. Ни капли жалости, ни детского ликования, ни страха.

Вся моя прежняя, терзавшая меня детская боль окончательно превратилась в ледяную, непробиваемую стену.

Я поднял ствол и ровно, без единого колебания, сделал контрольный выстрел ему в затылок.

Марчелло подошел со спины, вытирая окровавленное лезвие тяжелого ножа об одежду убитого. Он молча посмотрел на убитого мной туρινца, затем перевел взгляд на мое абсолютно спокойное, безэмоциональное лицо и опущенный пистолет.

— Рука не дрогнула, — сухо констатировал Марчелло. В его хриплом, грубом голосе впервые за все эти годы прозвучало нечто, очень похожее на скупое уважение. — Ты больше не Ноль, щенок. Ты - настоящая сталь.

Я посмотрел на расплывающуюся по бетону тёмную, густую кровь, а затем медленно поднял взгляд на Марчелло.

— Я Адриан, — чеканно и твердо ответил я.

В ту ночь в порту Генуи я окончательно и навсегда переступил черту. Я вернулся в особняк Романо больше не жертвой и не испуганным сиротой из Сиракуз.

Я вернулся полноценным, совершенным орудием Синдиката - холодным, расчетливым и готовым служить своему хозяину.

Но где-то там, глубоко наверху, над нашими сырыми подвалами, все так же гипнотически, маняще и недостижимо шумел закрытый, роскошный зал казино «VESPER»...

Глава 5. Тень

Адриан Винченцо

В четырнадцать лет ты перестаешь бояться темноты, потому что сам становишься ее частью.

Порт Генуи стал переломным моментом. После той ночи под проливным дождем в особняке Романо меня больше не называли «Ноль».

Марчелло прекратил выбивать из меня спесь ледяной водой и хлыстом - его уроки сменились сухой, профессиональной отработкой тактики закрытых помещений, ночной работы в городских условиях и бесшумного ликвидации.

Каморка в цоколе осталась той же, но теперь на деревянном столе рядом с аккуратно сложенной одеждой лежали не макеты, а мое личное оружие.

Сборка и разборка пистолета с закрытыми глазами занимала у меня двадцать две секунды. Я знал каждый щелчок затвора, каждый люфт магазина, каждую линию на воронёной стали.

Я вырос. Из забитого сицилийского мальчишки, который паниковал от звука трескающихся балок, я превратился в высокого, гибкого и опасного юношу.

Мои движения стали мягкими, бесшумными, хищными. Взгляд окончательно утратил детскую подвижность, застыл ровным, холодным гляncем.

Но Синдикат не оставляет времени на осмысление перемен. В нашем мире тишина всегда предшествует шторму.

Профессор Беллини сидел в кресле у камина в библиотеке, укутав ноги тяжелым шерстяным пледом. Старик угасал - его кашель становился все глуше, а пальцы, державшие перьевую ручку, заклинивало от артрита. Но его разум оставался острым, как бритва.

— Садись, Адриан, — проскрипел он, не поворачивая головы. — Сегодня у нас заключительный урок.

Я молча сел напротив, положив руки на колени.

— Ты научился стрелять. Ты знаешь анатомическую карту Беллини лучше, чем большинство хирургов в Генуе. Ты

можешь пробить вену тонким штырем через пальто так, что человек не успеет вскрикнуть. Но это лишь ремесло исполнителя, — старик медленно повернулся ко мне, его мутные глаза за линзами очков сузились. — Главное оружие Романо - это знания.

Он подвинул ко мне толстую папку из плотной засаленной бумаги, перевязанную бечевкой.

— Что это? — тихо спросил я.

— Это анатомия Синдиката, — ответил профессор. — Здесь собраны схемы влияния кланов, имена продажных чиновников портового управления Генуи, маршруты поставок из Северной Африки и списки тех, кто хочет видеть Витторио в гробу.

Я развязал бечевку и раскрыл первую страницу. Мелкий, аккуратный почерк Беллини перечислял фамилии, суммы, даты и названия судов.

— Туринцы, которых ты зачищал на складе - это всего лишь гончие, — продолжить Беллини, тяжело дыша. — Настоящий кукловод сидит в Милане. Семья Торрезе. Они дают на наши порты изнутри, подкупая таможеню. Витторио держит Лигурию в кулаке уже сорок лет, но старая хватка

слабеет. Молодые волки чуют запах крови.

Я внимательно вглядывался в схемы. Память, вытренированная бесконечной зубрежкой анатомических атласов, мгновенно впитывала имена и связи.

— Зачем вы мне это показываете? — я поднял на него взгляд. — Я боец. Мое дело — ликвидация.

— Боец без понимания карты - просто пушечное мясо, которое пустят в расход на первом же повороте, — жестко отрезал старик. — Витторио стареет. Марчелло - преданный пес, но у него нет мозгов для большой игры. Когда старый лев уйдет, Синдикат начнет рушиться изнутри. И если ты хочешь не просто выжить, а поднять голову - ты должен знать, за какие нити дергать.

Он замолчал, заходясь сухим кашлем. Я аккуратно закрыл папку, связал бечевку и поднялся.

— Спасибо, профессор, — чеканно произнес я.

— Иди, Адриан, — шепнул старик, закрывая глаза. — И помни: в этом доме никому нельзя доверять. Даже Витторио.

Через три дня после этого разговора профессора Беллини не стало. Его похоронили тихо, без пышных церемоний, на старом кладбище над обрывом.

В день похорон шел мелкий, колючий дождь. Я стоял за спиной Витторио, укрывая его от ветра темным зонтом. Глава стоял опираясь на трость, его лицо казалось высеченным из серого лигурийского гранита.

— Он научил тебя всему, что знал сам, — тихо сказал Витторио, когда последняя горсть земли упала на дубовый гроб. — Беллини был умным человеком. Слишком умным для этого мира.

— Он был верным, — ответил я ровным тоном.

— Верность — это понятие относительное, Адриан, — Он повернул ко мне голову. В его стальных глазах мелькнула холодная искра. — *Верность существует до тех пор, пока цена предательства не становится слишком высокой.*

Он молча пошел к автоколонне.

Вечером того же дня меня вызвали в кабинет.

На столе Витторио стояла открытая бутылка старого ко-

ньяка и два хрустальных бокала. Рядом лежала свежая фотография. С снимка на меня смотрел мужчина лет сорока пяти с залысинами, тонкие губы которого сжимали дорогую сигару, а на отвороте пиджака блестел золотой значок портовой администрации Генуи.

— Это Альберто Риччи, — произнес Витторио, не прерывая изучения документов. — Главный инспектор портового терминала Генуи. Человек, который пятнадцать лет получал от нас конверты с деньгами за то, чтобы не досматривать контейнеры Романо.

— Что он сделал? — спросил я, чувствуя, как внутри привычно подтягиваются мышцы.

— Вчера Риччи встретился с представителем семьи Торрезе из Милана, — подал голос Марчелло из угла. В его руках сжималась кожаная папка. — Он продал им графики захода наших судов на следующий месяц. Из-за него мы потеряли груз в доках.

Витторио медленно поднял бокал, сделал небольшой глоток и посмотрел на меня.

— Риччи живет в закрытом поселке под Генуей. У него охрана - четыре человека из частного агентства. Он счи-

тает, что находится в безопасности, потому что не знает, что мы вышли на его след.

Дон сделал паузу, весомо роняя каждое слово:

— Ты пойдешь туда один, Адриан.

В кабинете зависла звенящая тишина. Даже Марчелло в углу чуть нахмурился, явно не ожидавший такого решения.

— Один? — переспросил я без удивления, просто уточняя задачу.

— Да, — твердо сказал Витторио. — Никакого шума, как на складе. Мне нужна чистая работа. Несчастный случай или острая сердечная недостаточность. Ты применишь карту Беллини на практике. Если справишься - ты окончательно докажешь, что достоин стать личным исполнителем семьи. Если провалишься... назад можешь не возвращаться.

Я подошел к столу, взял фотографию Риччи, внимательно изучил лицо, запоминая каждую черту, и сжал ее в кулаке.

— В какое время он остается один?

— В два часа ночи его охрана делает пересменку на внеш-

нем периметре, — ответил Марчелло. — У тебя будет ровно пятнадцать минут, чтобы войти в дом, сделать работу и уйти в лес.

— Я сделаю, — сказал я, глядя в глаза Витторио.

Вилла инспектора Риччи располагалась в живописном местечке неподалеку от Рапалло, на склоне холма, утопающего в зелени оливковых деревьев и кипарисов.

Ночь была темной, безлунной. Низкие тучи закрывали звезды, а со стороны моря долетал прохладный влажный ветер.

Я лежал в густой траве у подножия каменной ограды виллы, сливаясь с тенью. На мне была черная облегающая одежда, на руках - тонкие кожаные перчатки, на поясе - чехол с трехгранным стальным штырем Беллини и пистолет с глушителем на случай катастрофического срыва.

В ночи тишину разрывал только стрекот цикад и шумящий в ветвях ветер.

Ровно в 01:58 двое охранников у ворот закурили, нето-

ропливо направляясь к будке на въезде.

Внутренний двор остался без наблюдения.

Время.

Я мягко, без единого звука перемахнул через трехметровую каменную стену, приземлившись на согнутые ноги в тени можжевельного куста. Дыхание - ровное, пульс - шестьдесят ударов в минуту.

Паника и сомнения умерли еще на подходе. В голове звучал только сухой, размеренный голос профессора Беллини: «Вектор удара. Сокращение мышц. Отсутствие сопротивления».

Пробраться к задней двери виллы через сад заняло у меня сорок секунд. Замок на деревянной двери террасы оказался стандартным - отмычка из тонкой стали вошла в скважину, два мягких поворота, и язычок со щелчком отошел назад.

Я скользнул внутрь.

В доме пахло дорогим парфюмом, полированным деревом и свежим кофе. Я бесшумно поднялся по устланной мягким ковром лестнице на второй этаж.

Дверь в спальню Риччи была приоткрыта.

Инспектор спал на широкой кровати, размеренно и тяжело храпя. На ночном столике стоял стакан с водой и лежала пачка таблеток от давления.

Я подошел к кровати бесшумно, как бестелесная тень.

Мужчина шевельнулся во сне, повернул голову. Я замер над ним, медленно доставая из чехла штырь. Прохладный металл привычно лег в правую ладонь.

Мой мозг мгновенно достроил анатомическую схему: шея, подчелюстная зона, направление снизу вверх под углом сорок пять градусов. Мгновенное повреждение мозга. Остановка дыхания и сердца за полсекунды. Никаких следов крови снаружи, если не вынимать лезвие резко.

Я нагнулся над ним. Левая рука в перчатке молниеносно и жестко накрыла рот Риччи, зажимая нос и фиксируя голову.

Его глаза мгновенно распахнулись. В них вспыхнул дикий, сумасшедший животный ужас. Мужчина дернулся, попытался вскинуть руки, чтобы сбросить меня, но мое тело сработало на опережение.

Точный, быстрый, математически рассчитанный тычок.

Штырь вошел в ткань мягко, без сопротивления, ровно по выверенному вектору.

Тело Риччи выгнулось дугой, пальцы судорожно впились в мое предплечье, но через секунду мышцы обмякли. Глаза остекленели, превращаясь в пустые, невыразительные линзы. Захрипев в последний раз под моей ладонью, он затих навсегда.

Я подождал ровно десять секунд, убеждаясь, что пульс окончательно остановился. Извлек тонкое лезвие, аккуратно протирая его от капли прозрачной сукровицы о край простыни. Поправил подушку, уложил тело Риччи так, словно он просто умер во сне от инфаркта, и положил упаковку таблеток от сердца ему на грудь.

Никакого шума. Никаких следов. Чистая математика смерти.

Я вышел из спальни так же бесшумно, как и вошел.

В три часа ночи я стоял в кабинете Витторио.

Глава сидел в своем кресле, не смыкая глаз. Рядом молча стоял Марчелло. Они оба ждали.

Я подошел к столу и положил перед Витторио золотые часы Риччи, снятые с его тумбочки в качестве доказательства присутствия.

— Готово, — коротко сказал я.

Витторио взял часы, повертел их в старых, усохших пальцах и поднял на меня тяжелый взгляд. В нем больше не было сомнений или проверки. В нем появилось признание.

— Как всё прошло? — спросил Марчелло, чуть щурясь.

— Острая сердечная недостаточность во сне, — ответил я спокойным, ровным голосом. — Охрана ничего не заметила.

Витторио медленно кивнул, положил часы на стол и встал из-за стола, опираясь на свою трость. Он подошел ко мне вплотную, посмотрел в мои глаза и впервые за все эти годы слегка оперся ладонью о мое плечо.

— Ты больше не просто боец из цоколя, Адриан, — произнес он. — Ты показал, что умеешь действовать умом и хо-

лодной сталью. Беллини гордился бы тобой.

Он повернулся к Марчелло:

— Оформите ему документы. С этого дня Адриан Винченцо входит в число лично приближенных исполнителей семьи Романо. Выделите ему комнату в жилом секторе на четвертом этаже. Из подвала он вырос.

Марчелло наклонил голову:

— Будет сделано, Витторио.

Я стоял прямо, не выражая ни радости, ни облегчения. Моя главная цель была ближе, чем когда-либо.

Когда мы вышли из кабинета Витторио на шестом этаже - там, где располагались переговорные и оперативные кабинеты для решения задач Синдиката, - Марчелло впервые не стал идти сзади.

Он пошел наравне со мной к главному лифтовому холлу и лестничным маршам.

Мы спускались вниз, и здание «VESPER» открывалось передо мной во всем своем монументальном масштабе.

На шестом этаже решались судьбы портов и ликвидаций. Ниже, с третьего по пятый этажи, располагались закрытые жилые сектора для элиты семьи, личной охраны и ключевых специалистов. А в самом низу бурлила совсем другая жизнь.

Проходя мимо галереи второго этажа, откуда открывался вид на центральный зал первого этажа, мы остановились у балюстрады.

Снизу, с первого этажа, поднимался яркий, теплый, золотистый свет. Пахло дорогой парфюмерией, табачным дымом и вишневым ликером. До моих ушей отчетливо долетал хрустальный перезвон бокалов, смех красивых женщин и гипнотический сухой треск вращающегося колеса рулетки.

Первый этаж «VESPER» гудел, принимая миллионы евро. На втором этаже, в частных VIP-ложах и закрытых переговорных за плотными шторами, люди в смокингах заключали сделки, перекраивающие карту Италии.

Марчелло замер рядом, посмотрел вниз на залитый огнями зал казино, а затем перевел взгляд на меня и скупое улыбнулся:

— Ну что, Адриан... Подвал остался внизу. Теперь твой

дом на четвертом этаже, а твоя работа - охранять весь этот праздник жизни.

Я не ответил. Я смотрел на золотой свет, вырывающийся из залов первого этажа, и знал: детский страх и горящие Сиракузы сгорели в огне моей собственного расчета. Я поднялся из цоколя в жилой сектор, но это был только шаг.

Я выучу каждый этаж этого здания - вплоть до пентхауса Витторио на седьмом.

Глава 6. Четвертый этаж

Адриан Винченцо

На чистых, крахмальных простынях удивительно трудно уснуть, когда твоя кожа привыкла к шершавому, въевшемуся в кости подвальному бетону.

Моя новая комната на четвертом этаже жилого сектора оказалась сухой, сдержанной и подчеркнуто строгой. Серые оштукатуренные стены без единой картины, узкая кровать с жестким, но непривычно плотным матрасом, дубовая тумбочка, письменный стол и массивный, тяжелый сейф, наглухо вмонтированный прямо в несущую стену.

Никакого пафоса, позолоты и бархата, как в номерах для богатых гостей двумя этажами ниже.

Единственное, к чему я никак не мог привыкнуть - это панорамное окно во всю стену из толстого бронированного стекла, за которым хрипело, пенилось и ломалось об отвесные скалы темное Лигурийское море.

В первую ночь я не смыкал глаз. Просто пролежал несколько часов на спине, уставившись в абсолютную тем-

ноту потолка.

Спину ломило от мягкости постели. В подвальном цоколе всё было понятно, привычно и предсказуемо: там монотонно капала вода из старых инженерных труб, гудел генератор, воняло сыростью, промасленной ветошью и дезинфектором, а каждый звук означал шаг дежурного.

А здесь, на четвертом этаже, стояла глухая, неестественная, почти стерильная тишина. От этой тишины у меня внутри, под ребрами, сворачивался холодный, тугой комок тревоги. Любой затихающий гул за стеной казался шагами человека, идущего меня убивать.

Я поднялся, босиком подошел к окну и прислонился лбом к ледяному стеклу. В груди переплетались два жгучих чувства: глухая, колючая гордость и липкий, пронизывающий страх. Я вылез из ямы.

Я больше не безымянный «Ноль», на которого любой капитан мог спустить собак или вылить ведро ледяной воды.

Но если в подвале тебя ломают открыто и бьют в лицо, то на этих этажах предательство носит дорогие шелковые сорочки, пахнет кубинским табаком и вежливо улыбается при встрече.

Здание «VESPER» подчинялось жесткой, монументальной иерархии, где каждый уровень выполнял свою четкую роль:

1-й этаж: Казино. Золото, хрусталь, дорогой алкоголь и миллионы евро, которые ежедневно оставляет миланская, турецкая и женеvская элита.

2-й этаж: VIP-ложи и закрытые переговорные с глухими шторами, где под шелест купюр перекраивается карта сфер влияния.

3-5-й этажи: Закрытый жилой сектор для личной охраны, капо, профильных специалистов и теперь для меня.

6-й этаж: Оперативный штаб Синдиката - кабинеты аналитиков, средства связи и переговорные для решения экстренных проблем.

7-й этаж: Пентхаус Витторио Романо. Непрístupная зона, куда лифт поднимается исключительно по отпечатку пальца и мастер-ключу.

Я вытащил из кармана тяжелый электронный брелок-пропуск, дающий доступ к жилому блоку и шестому этажу, и

сжал его в кулаке так, что пластиковые грани врезались в кожу до острой боли.

Я дал себе клятву: назад в цоколь я уже не вернусь. Ни при каких обстоятельствах.

Утром в тяжелую дубовую дверь трижды коротко и отрывисто постучали.

Я мгновенно сорвался с кровати, тело сработало раньше разума. Рука за доли секунды метнулась под подушку, пальцы впились в шершавую рукоять пистолета. Сердце заколотилось где-то в самом горле, дыхание перехватило.

— Спишь, Адриан? — раздался за дверью знакомый глухой голос.

Я перевел дыхание, аккуратно вернул оружие на место и отпер замок.

На пороге стоял Марчелло. На нем был строгий темно-серый костюм-тройка, хотя под пиджаком все равно отчетливо угадывался тяжелый, угловатый силуэт кобуры. Он окинул меня внимательным, сканирующим взглядом с головы

до ног.

— Оставляй подвальные привычки, — произнес он без привычной ругани. — На четвертом этаже соблюдают статус. Ты больше не оборванец.

На столе лежал плотный черный чехол с молнией. Марчелло подошел, расстегнул его и выложил комплект одежды: несколько черных сорочек из плотного хлопка, строго покроенные брюки и пиджак.

Одеяние было пошито на заказ - подмышкой левого борта находился специальный внутренний карман, скроенный так, чтобы массивный контур пистолета совершенно не выделялся снаружи.

Я медленно провел пальцами по сухой, качественной ткани. Внутри, вопреки всей моей выработанной суровости, вспыхнуло странное, почти детское чувство.

Мне никогда в жизни не покупали новых, неношеных вещей. В Сиракузах я донашивал обноски за старшими мальчишками с улицы, в подвале - стиранную форму за теми, кого вывезли в море.

— Каковы мои прямые обязанности? — спросил я, на-

тягивая сорочку. Голос немного срывался, когда я пытался придавать ему взрослую твердость.

— Первая часть - регулярные смены на галерее второго этажа и на шестом во время крупных встреч, — отрезал Марчелло, оперевшись о косяк. — Держишься в тени. Ни с кем из гостей в разговоры не вступаешь, на баб и выпивку не отвлекаешься. Твоя единственная задача - быть глазами. Ты отслеживаешь периметр, людей и ищешь любые аномалии в толпе.

— А вторая часть? — я застегивал пуговицы, проверяя, не сковывает ли ткань движения в плечах при резком взмахе рук.

— Вторая часть - личные приказы Витторио и Марко, — голос Марчелло стал суше и тише. — То, что ты сделал с инспектором Риччи. Точечная работа вне комплекса, когда требуется абсолютная тишина, хирургическая точность и отсутствие лишнего шума. Твои знания анатомии от Беллини теперь твой главный инструмент.

Я надел пиджак и засунул пистолет во внутренний карман. Оружие легло идеально, словно слилось с телом. Пальцы привычно нащупали прохладный затвор. В животе на секунду неприятно скрутило от воспоминания о том, как Рич-

чи беспомощно дергался и хрипел под моей рукой, но я сжал челюсти и заставил себя подавить этот фантомный импульс.

— Я понял задачу, — ответил я.

— Поднимайся на шестой. Марко проводит инструктаж перед вечерней сменой.

Моя первая полноценная смена выпала на пятницу - день, когда в «VESPER» съезжалась вся тeneвая и финансовая элита северной Италии.

Я стоял на втором этаже, глубоко скрывшись в тени между тяжелой бархатной шторой и массивной мраморной колонной. Отсюда весь гигантский главный зал первого этажа просматривался как на ладони.

Снизу долетал звон хрустальных бокалов, смех, глухой гул сотен голосов и сухой, ритмичный треск вращающегося колеса рулетки. Гости в дорогих смокингах легко расставались с сотнями тысяч евро, ни на секунду не задумываясь о том, что происходит за закрытыми дубовыми дверями верхних уровней.

Смотреть на это праздное, сытое спокойствие было тяжело: я слишком отчетливо помнил, как моя семья в Сиракузах считала последние медяки на сухой хлеб, пока отец гнул спину в порту до кровавого пота.

Но я приказал себе дышать ровно, мысленно повторяя главный завет профессора Беллини: «Отключи эмоции. Эмоции создают шум. Смотри только на детали и схемы».

Я заставил свой разум работать в режиме холодного сканера, методично разбирая толпу на элементы:

1. Мужчина у центрального игрового стола - частый пульс, завышенная суэта, нервно поправляет манжеты. Проиграл больше, чем способен выплатить.

2. Охранник у VIP-входа - расслабил корпус, перенес вес тела на одну ногу. В случае внезапной атаки он потеряет драгоценную секунду на балансировку.

3. Двое мужчин у подножия лестницы - строгие темные пиджаки массового пошива, слишком холодные, нетипичные для игроков взгляды. На рулетку и женщин не смотрят вовсе, методично фиксируют посты охраны и время ротации.

Вот они. Разведка семьи Торрезе из Милана.

Меня обдало ледяным потом от осознания, что эти типы прямо сейчас профессионально срисовывают в том числе и мою позицию. В груди на секунду подскочил страх из прошлого, но я мгновенно подавил его, переплавив в звенящую концентрацию.

Я плавно, едва заметным движением нажал кнопку скрытой гарнитуры в ухе.

— Шестой, это Адриан. Находитесь на связи?

— На связи, — отозвался сдержанный, сухой голос Марко.

— У четвертой колонны в левом секторе двое. На игры и алкоголь не отвлекаются, отслеживают ротацию охраны и тайминг смены постов. Почерк миланский.

В наушнике зависла пауза. До меня доносился тихий стук клавиш терминала.

— Зафиксировали по камерам наблюдения, — выдохнул Марко через пять секунд. — Хорошая работа, Адриан. Это действительно разведка Торрезе. Не привлекай к себе внимания, просто води их взглядом. На выходе из паркинга их

тихо перехватят люди Марчелло.

Я отпустил кнопку. Напряжение внутри немного спало, уступив место глубокому удовлетворению.

Я оказался полезен.

Я стал действующим элементом этой огромной системы.

Около трех часов ночи, когда основной поток гостей в казино стал иссякать, а гул внизу заметно потихол, наушник снова ожил.

— Адриан. Поднимись на седьмой. Витторио ждет тебя лично.

Сердце сделало один тяжелый, ощутимый удар. На седьмом этаже решались судьбы Синдиката, и любая ошибка там могла стать последней в жизни.

Я поднялся на приватном лифте, прошел сканирование и ступил в пентхаус. Внутри было полумрачно, тихо и просторно. За огромными панорамными окнами бушевала лигурийская ночная буря.

Витторио сидел в глубоком кресле у камина, укутав ноги пледом. Он выглядел уставшим, но его стальной взгляд оставался тяжелым, цепким и насквозь видящим.

— Подожди здесь, — произнес он, не поворачивая головы.

Я подошел и остановился в двух шагах, сжав пальцы за спиной, чтобы не выдать ни малейшего волнения.

— Марко доложил, что ты первым заметил людей Торрезе, — Глава медленно перевел на меня свой тяжелый взгляд.

— Они действовали слишком открыто, Витторио, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал предельно ровно и собранно. — Слишком очевидно изучали геометрию постов.

— Они спешат, Адриан, — тихо, но весомо сказал старик. — В Милане считают, что я теряю контроль, а Синдикат слабеет. Они попытаются нанести удар. Скоро. И мне в этот момент понадобятся люди, у которых рука не дрогнет ни на миллиметр.

Он внимательно вглядывался в мое лицо, словно пробуя меня на излом.

Я вспомнил пылающий дом в Сиракузах, жесткие выматывающие уроки Марчелло и холодные анатомические схемы профессора Беллини. Все это выстроилось внутри в единую, нерушимую стену.

— Я выполню любой приказ, Витторио, — произнес я.

Он всматривался в меня еще несколько секунд, после чего скупно кивнул:

— Возвращайся к себе. Твой этаж - четвертый.

— Я понял.

Я поклонился и вышел. Когда металлическая дверь лифта закрылась, я глубоко, с облегчением выдохнул, чувствуя, как постепенно отходит легкое физическое напряжение в коленях.

Вернувшись в свою комнату на четвертом этаже, я не стал включать свет. Подошел к окну и посмотрел на свое отражение в темном бронированном стекле: бледное лицо, темные тени под глазами и холодный, стремительно взрослеющий взгляд.

Мне исполнилось пятнадцать.

Спокойной жизни уже не будет.

Миланцы неизбежно сделают свой ход, и я сделаю всё, чтобы встретить их с холодной сталью в руках

Глава 7. Баланс

Адриан Винченцо

В следующие три недели «VESPER» превратился в пороховую бочку, обернутую в тяжелый лигурийский бархат.

Миланские разведчики Торрезе, которых мы срисовали на галерею второго этажа, были лишь первой, едва заметной каплей. Настоящая угроза заключалась в том, что «VESPER» никогда не функционировал в вакууме.

Наш комплекс был нейтральной зоной - гигантским финансовым и стратегическим узлом, где пересекались интересы пяти крупнейших синдикатов Европы и Средиземноморья.

И пока по побережью и портовым тавернам Генуи ползли липкие слухи о Витторио, партнеры внимательно, словно стервятники над подбитым зверем, присматривались к его монументальной империи.

Каждый вечер, стоя на балконе шестого этажа или скрываясь за колонной галереи, я наблюдал за тем, как распределяются силы между пятью великими кланами:

1. Семья Романо: Мы. Абсолютные хозяева «VESPER», удерживающие ключевой контроль над комплексом, бетонирующие хрупкий баланс сил и задающие правила игры для всего лигурийского побережья.

2. Клан Торрезе (Милан): Наш прямой и самый агрессивный враг. Наглые, богатые миланцы, которые давно метили на место Романо, мечтая сбить замки с портов Генуи и смять Лигурию под себя.

3. Клан Варгас (Испания): Покровители южных портов и морского транзита под руководством Марко Варгаса. Иберийцы держались особняком, занимая бронированные VIP-ложи на втором этаже, и заботились только о беспрепятственном проходе своих контейнеровозов.

4. Семья Дюпон (Франция): Хозяева Лазурного берега и теневых аукционов во главе с Жаном Лораном Дюпоном. Французы вежливо оставляли в казино сотни тысяч евро, но их капитал фактически кредитовал крупные операции, и они нервничали больше всех.

5. Синдикат Ковальски (Восточный блок): Опасные контрабандисты и поставщики оружия, которыми руководил Лео Ковальски. Бывшие армейские чины из Польши и Бал-

тии, которые одевались подчеркнуто просто и отслеживали посты охраны с точностью военных инженеров.

Витторио держал эти кланы в кулаке почти тридцать лет. Для Марко Варгаса, Жана Лорана Дюпона и Лео Ковальски он оставался не просто главой Семьи Романо, а единственным человеком, чьему слову верили безоговорочно.

В этом теневом бизнесе его знали как жестокого, проницательного, но безупречно честного игрока: если Витторио давал обещание, он сдерживал его любой ценой, даже если ради этого приходилось залить кровью половину побережья.

И именно поэтому они приехали говорить с ним лично, отказываясь вести дела с капо и заместителями.

Во вторник вечером шестой этаж перевели на особый, штурмовой режим охраны.

Все боковые выходы из лифтового холла были перекрыты бронированными жалюзи, а у подножия лестниц и в коридорах встали лучшие бойцы Марчелло - молчаливые мужики в подгоночных пиджаках, под которыми угадывались пистолеты-пулеметы.

В центральной переговорной «VESPER» - зале с глухими стенами из мореного дуба, зашитыми в свинец для полной защиты от прослушки - назначался закрытый саммит пяти кланов.

Моей задачей было стоять у резных дубовых дверей внутри переговорной, прямо за спиной кресла Витторио.

Я превратился в немую, неподвижную тень в черном пиджаке, готовый выхватить пистолет и закрыть собой Витторио за долю секунды. Внутри меня всё натягивалось звенящей струной: впервые за свои пятнадцать лет я находился в одном помещении со всеми ключевыми фигурами теневого континента.

Двери распахнулись.

В зал в сопровождении Марчелло вошли главы трех партнерских кланов.

Первым шел Марко Варгас - сухощавый испанец с седыми висками, выправкой старого кабальеро и тяжелым перстнем с черным агатом на указательном пальце. За ним следовал Жан Лоран Дюпон, на ходу поправлявший запонки из белого золота и брезгливо оглядывавший массивную дубовую ме-

бель. Замыкал тройку Лео Ковальски - высокий, кряжистый человек с тяжелой квадратной челюстью, белесым шрамом, рассекающим правую бровку, и глазами цвета мутного балтийского льда.

Во главе длинного дубового стола сидел Витторио Романо.

Он выглядел собранно, мощно и монументально. В его осанке не было и тени той физической немочи, которую я видел ночью в его пентхаусе, когда он укутывал ноги пледом. Лицо Витторио оставалось непроницаемой каменной маской, а тяжелый, насквозь видящий взгляд давил на каждого, кто переступал порог кабинета.

— Приветствую вас, господа, — произнес Витторио. Голос Дона звучал суховато, с глубокой внутренней вибрацией, которая не требовала повышенных тонов. — Садитесь. Нам есть что обсудить.

Марко Варгас и Жан Лоран Дюпон слегка наклонили головы в знак глубокого уважения перед тем, как занять отведенные места. Лео Ковальски с грохотом выдвинул тяжелое кожаное кресло, его сухой взгляд на секунду зацепился за меня - он моментально оценил мою стойку, распределение веса на согнутых ногах и положение рук у борта пиджака.

Я не отвел глаз, выдержав этот ледяной колючий пресинг. Поляк скуп, едва заметно ухмыльнулся углом рта и сел.

— Витторио, — без лишней раскладки и дипломатических реверансов начал Лео Ковальски, опираясь тяжелыми натренированными локтями о полированный стол. Голос у поляка был глухой, с раскатистым акцентом. — Торрезе подтягивают бойцов к границам Лигурии. В Милане формируют штурмовые группы и закупают бронетехнику. Мы вложили в инфраструктуру «VESPER» сорок миллионов евро. Ты знаешь нас, и ты знаешь, что мы верим твоему слову. Но мы приехали сюда, чтобы услышать прямо от тебя: Романо удерживают комплекс и порты, или Торрезе перекроют нам воздух и сжрут наши инвестиции?

— Торрезе не войдут в «VESPER», — произнес Витторио, медленно сцепив сухие пальцы на столе. — В моем здании правила устанавливаю я. И миланские щенки не исключение.

— Они уже ищут щели в твоём доме, Витторио, — вставил Марко Варгас, медленно перебирая пальцами тяжёлый перстень. — На прошлой неделе твои люди приняли двух разведчиков Торрезе на парковке под комплексом. Если ми-

ланцы перекроют заходы в порт и заблокируют казино, наш общий бизнес рухнет за считанные дни. Мы верим твоей честности, Витторио, но Торрезе перешли все границы. Вчера они перехватили наш совместный конвой с ценным грузом на трассе А10. Сжечь машины - это прямой вызов всему нашему союзу.

Жан Лоран Дюпон слегка накренился вперед и кивнул:

— Нам нужны твердые гарантии, Витторио. Если «VESPER» под угрозой атаки, нам придется защищать свои капиталы и забирать людей из Генуи.

В переговорной повисла тяжелая, плотная тишина. Все три главы приехали получить гарантию от человека, чье слово в течение многих лет оставалось ценнее любых подписанных бумаг и банковских счетов.

Витторио окинул троих гостей спокойным, пронизательным взглядом. В его стальных глазах читался абсолютный, холодный расчет человека, пролившего реки крови ради этой власти.

— Вы знаете меня, — ровно проговорил Витторио, и его

голос заставил присутствующих замолкать. — Вы знаете, что я никогда не давал обещаний, которые не мог сдержать. Если я говорю, что конвой на А10 - это последняя дерзость Торрезе в Лигурии, значит, так оно и есть.

Витторио едва заметно повел подбородком в мою сторону, сделав короткий знак.

Я плавно сделал шаг вперед из тени колонны, вытащил из-под руки и положил на стол перед каждым из гостей плотные отпечатанные папки из засаленной бумаги.

— Это списки личного состава, маршруты передвижения и координаты точек базирования штурмовых групп Торрезе в Генуе, — произнес я ровным, чеканным голосом, которому меня месяцами учил профессор Беллини. — С детальной анатомической раскладкой сил. Проблема с людьми Торрезе на трассе А10 будет полностью закрыта сегодня до полуночи. Ответные жесткие меры уже подготовлены.

Жан Лоран Дюпон моргнул от неожиданности, явно не ожидавший такой ледяной, математической уверенности от пятнадцатилетнего юноши, стоящего за спиной Витторио.

Лео Ковальски бегло пролистал листы со схемами засады и фотографиями миланских капо. Его белесый шрам на

бровке слегка дернулся.

— Чей это парень, Витторио? — спросил Ковальски, подняв на Романо свои мутные глаза.

— Это личный воспитанник Беллини, — ответил Витторио. — Мое новое звено. Он лично отвечает за точность и проверку этих данных.

Марко Варгас откинулся на спинку кресла, провел ладонью по седым усам и кивнул, глядя на Витторио с глубинным уважением старого соратника:

— Профессор умел учить людей... Витторио, твоя репутация безупречна. Ты хитрый лис, ты жесткий правитель, но ты никогда не лгал партнерам. Мы верим твоему слову. Мы даем Семье Романо семьдесят два часа на то, чтобы очистить Лигурию от миланских выскочек.

— Семьдесят два часа, — повторил Лео Ковальски, медленно поднимаясь со своего места и застегивая пиджак. — Если ты гарантируешь порядок и безопасность, Романо могут рассчитывать на нашу полную силовую поддержку. Не подведи нас, Витторио. Война в «VESPER» никому из нас не выгодна, но погибать вместе с вами мы не планируем.

Когда делегации Варгаса, Дюпон и Ковальски покинули шестой этаж под тяжелым конвоем нашей охраны, в переговорной остались только Витторио, Марчелло и я.

Глава тяжело расслабил плечи, на секунду прикрыв глаза. Настоящая, въедливая усталость на миг взяла верх, но лицо Витторио оставалось жестким и непоколебимым.

— Ты видел их, Адриан? — тихо спросил Витторио, не открывая глаз.

— Да, Дон Витторио, — ответил я, сжав кулаки за спиной.

— Варгас, Дюпон, Ковальски... Они уважают меня не только за количество стволов на этажах. Они знают: я могу их переиграть в политике, но я никогда не нарушу слово, данное равным партнерам, — Дон открыл глаза и посмотрел на меня своим стальным, прожигающим взглядом. — В нашем бизнесе банальная сила дает власть, но только безупречная честность с равными создает вечные империи. Они ушли спокойными, потому что ручался я лично.

Он повернулся к Марчелло, стоящему у дверей:

— Собирай людей. На А10 всё должно быть сделано идеально, без лишнего шума для прессы. Адриан идет с тобой в первой группе.

— Будет сделано, Витторио, — наклонил голову Марчелло.

— Иди, Адриан, — Дон посмотрел на меня с небывалой доселе серьезностью. — Ты назвал им конкретный срок - до полуночи. Теперь иди и сделай так, чтобы слово Семьи Романо оставалось нерушимым законным щитом.

Я поклонился и бесшумно вышел. Возвращаясь к себе на четвертый этаж за оперативным снаряжением и пистолетом, я чувствовал, как внутри закипает холодная, выверенная решимость.

Равновесие великих кланов держалось на авторитете и слове Витторио, и сегодня ночью на мокром шоссе мне предстояло подтвердить это слово с оружием в руках.

Глава 8. Слово

Адриан Винченцо

Дождь обрушился на Лигурию с первобытной яростью, стирая границы между черным небом и бушующей водой залива.

Мы ехали по трассе А10 в трех тяжелых бронированных внедорожниках с выключенными фарами, сливаясь с ночью.

Внутри салона пахло оружейной смазкой и тем специфическим, металлическим озоном, который всегда предшествует пролитой крови.

Я сидел на пассажирском сиденье первого джипа.

Марчелло вел машину, положив тяжелые руки на руль.

Дворники монотонно, с глухим скрежетом смахивали воду со стекла, но ливень был таким плотным, что видимость не превышала десяти метров.

— Беллини вложил в твою голову чертежи, Адриан, — нарушил тишину Марчелло. Его голос был низким, органич-

но вплетающимся в гул мотора. — Но чертежи не истекают кровью, когда ты пробиваешь им грудину.

Я перевел взгляд от залитого водой бокового окна на капюшон. В тусклом зеленоватом свете приборной панели его лицо казалось высеченным из грубого камня.

— Я знаю разницу между теорией и практикой, Марчелло.

— Ни хрена ты не знаешь, Адриан, — жестко усмехнулся он, не отрывая взгляда от скользкого асфальта. — В Сиракузах ты резал за кусок хлеба. Это инстинкты загнанной крысы. Адреналин, ярость, страх. Сегодня ты будешь убивать ради системы. Это принципиально иная природа насилия.

Он плавно переключил передачу, и внедорожник утробно зарычал, набирая скорость.

— Если у тебя дрогнет рука или ты замешкаешься на долю секунды, пытаюсь вспомнить угол наклона лезвия из учебников твоего профессора - ты труп, — продолжил Марчелло. — И что хуже - из-за твоей заминки лягут мои люди.

Я инстинктивно провел ладонью по левому боку, нащупывая сквозь ткань черного пиджака ребристую рукоять тактического ножа. Затем пальцы скользнули чуть выше, к кобуре

с тяжелым пистолетом.

Мне пятнадцать.

Мои ровесники играют в приставки и боятся завалить математику.

Я еду стирать в порошок миланскую группировку.

— Моя рука не дрогнет.

Марчелло покосился на меня. Его взгляд был давящим, рентгеновским.

— Торрезе - это не уличная шпана с ножами-бабочками. У миланцев отличная экипировка, они жрут амфетамины перед боем и не чувствуют боли в первые минуты после ранения. Они считают себя хозяевами севера и думают, что Витторио размяк, раз терпит их выходки. Сегодня мы должны вырвать им глотки так, чтобы в Милане захлебнулись собственной кровью. Ты готов пустить кровь, глядя человеку прямо в глаза, Адриан?

— Я готов выполнить приказ Витторио, — ровно ответил я, сжимая челюсти. — Проблема с Торрезе будет закрыта до полуночи.

— Красивые заученные фразы, — хмыкнул капо, резко выворачивая руль.

Внедорожник съехал с асфальта на размытую грунтовку, ведущую к старым докам. Машину тряхнуло на ухабе.

— Посмотрим, как ты заговоришь, когда теплые кишки брызнут тебе на ботинки.

Мы остановились за полкилометра до цели.

Старый логистический ангар, затерянный среди заброшенных корабельных доков Савоны, вынырнул из тумана ржавым бетонным пятном. Сквозь щели в гофрированных воротах пробивался тусклый, грязный свет.

Миланцы Торрезе загнали фургон с украденным оружием Ковальски внутрь и теперь, судя по всему, вскрывали ящики, празднуя свою невероятную дерзость.

Под проливным дождем из трех машин бесшумно, словно тени, выгрузились двенадцать бойцов Семьи Романо.

Марчелло собрал нас вокруг багажника. Холодная вода ручьями стекала по его лицу, но он не обращал на нее вни-

мания.

— Две группы, — приглушенно скомандовал он, чертя пальцем по мокрому металлу невидимую схему. — Первая заходит через крышу, снимает дозорных и блокирует верхние галереи. Вторая, со мной, идет через южные технические ворота. Адриан, ты прикрываешь мой правый фланг.

Я молча кивнул. Вода затекала за воротник рубашки, но холод только помогал концентрироваться.

— Они перешли границу Лигурии без разрешения. Они ограбили наших партнеров и харкнули в лицо нашему Дону, — голос Марчелло лязгнул холодным металлом. — Сегодня мы не берем пленных. Никаких предупредительных. Зашли, выгнали, ушли. У нас тридцать пять минут до полуночи.

Мы растворились в темноте, сливаясь с вязкой грязью и дождем.

Я двигался след в след за Марчелло. Воздух пах соляжкой, мокрым бетоном, гниющей рыбой и солью. У технических ворот стояли двое часовых Торрезе.

Они курили, прячась от ливня под ржавым козырьком, и тихо переговаривались на резком, лающем миланском диалекте.

лекте.

— Романо не сунутся, — донесся до меня самонадеянный смешок одного из них. — Витторио слишком дорожит своим драгоценным саммитом. Если он начнет стрелять сейчас, Варгас и французы просто свернут инвестиции.

— Давно пора забрать Лигурию, — сплюнул второй, бросая окурок в лужу. — Эти южане зажрались на своих казино. Торрезе наведет здесь порядок.

Марчелло даже не замедлил шаг. Он просто поднял руку с накрученным на ствол глушителем.

Два сухих, едва различимых хлопка - пффт, пффт.

Оба миланца рухнули на мокрый асфальт прежде, чем успели понять, что мертвы.

Марчелло сделал короткий жест двум бойцам, и тела ментально оттащили в густую тень.

Я прошел мимо мертвецов, мельком взглянув на пробитые черепа. Никакого отвращения. Просто выключенные биологические механизмы.

Капо приложил к замку ворот магнитный дешифратор. Раздался тихий щелчок, тяжелая створка с легким стоном отошла в сторону.

Мы скользнули внутрь.

Ангар был циклопических размеров, заставленный морскими контейнерами и штабелями деревянных ящиков.

В самом центре, под безжалостным светом промышленных галогенных ламп, стоял тот самый перехваченный фургон Лео Ковальски.

Около двадцати человек Торрезе сустились вокруг него. Они уже успели вскрыть несколько ящиков и теперь с жадностью, как стервятники, осматривали новенькие штурмовые винтовки бельгийского производства.

На ящике из-под патронов, вальяжно расставив ноги, сидел Фабио Торрезе - племянник миланского босса.

Наглый, самодовольный ублюдок в дорогой кожаной куртке, с зализанными назад волосами.

— Грузите всё в наши фургоны! — рявкнул Фабио, размахивая пистолетом как дирижерской палочкой. — Завтра

мы продадим это же оружие полякам вдвое дороже. Старик Варгас и Ковальски поймут, кто теперь контролирует транзит.

— Босс, а если Витторио решит ответить силой? — нервно спросил один из его людей, заталкивая магазины в брезентовую сумку.

— Романо? Силой? — расхохотался Фабио, и смех эхом разнесся под сводами ангара. — Витторио - это старый лев. Его рык еще громкий, но клыки давно стерлись. Лигурия теперь наша.

Марчелло посмотрел на меня из-за укрытия. В его глазах плясали холодные бесовские огни предвкушения. Он поднес палец к губам, затем указал на верхние технические галереи.

Там, среди железных балок, уже мелькнули черные тени наших снайперов.

Капо щелкнул тангентой портативной рации на плече.

— Гасите свет.

Огромный ангар мгновенно погрузился в кромешную тьму.

Щелкнули реле, и только тусклые аварийные лампы под потолком залили пространство жутким, кроваво-красным светом.

Внизу началась паника.

— Какого хрена?! — заорал Фабио, вскакивая с ящика.
— Включите генератор! Живо! Периметр, доклад!

Пффт. Пффт. Пффт.

С верхнего яруса заговорили глушители. Трое миланцев, стоявших ближе всего к фургону, рухнули замертво, раскинув руки.

— Засада! Романо здесь! К бою! — истошно завопил кто-то в красноватой полутьме.

Грянули автоматные очереди, разрывая тишину ангара в клочья. Миланцы начали палить во все стороны, ослепленные животным страхом и непониманием происходящего.

Марчелло рванул вперед, как выпущенная из арбалета стрела. Я бросился следом.

В голове не было паники.

Беллини месяцами вколачивал в меня простую истину: *в хаосе побеждает тот, кто сохраняет геометрический порядок действий.*

Я скользил между стеллажами, держа пистолет двумя руками. Зрение мгновенно адаптировалось к красноватому полумраку.

Из-за стального контейнера прямо на меня вылетел боец Торрезе. Он вскинул дробовик, но я не стал отпрыгивать или падать.

Я шагнул ему навстречу, двигаясь по жесткой диагонали, уходя с линии огня.

Оглушительный выстрел разорвал воздух над моим левым плечом, картечь с визгом ударила в металлический борт позади, высекая снопы искр.

В ту же секунду я вскинул пистолет и дважды нажал на спусковой крючок. Две пули кучно вошли ему в центр груди, третья пробила шею. Он повалился на спину, захлебываясь.

Я перешагнул через него, не сбавляя темпа. Пульс стучал

в висках, но руки оставались абсолютно спокойными.

Справа послышался хриплый, сдавленный крик.

Марчелло в рукопашную добивал огромного миланца. Капо сломал ему коленный сустав мощным ударом ноги, а когда тот осел с воплем боли, безжалостно всадил нож под подбородок, пробивая мозг.

— Адриан, фланг! — рывкнул капо, выдергивая лезвие и не глядя отбрасывая труп.

Я резко развернулся на каблуках. Из-за штабелей выскочили еще двое. Они открыли плотный перекрестный огонь. Пули засвистели над головой, отрывая куски бетона от несущих колонн.

Я нырнул за желтый стальной погрузчик, прижавшись спиной к холодному металлу.

— Прикрой! — крикнул я.

Марчелло высунулся из-за контейнера и выпустил длинную очередь, заставляя миланцев пригнуться и вжаться в укрытие.

Я воспользовался секундой передышки, перекатился по грязному бетону и выскользнул с другой стороны погрузчика, оказавшись точно сбоку от них.

Два коротких, выверенных выстрела.

— Впечатляет, Адриан, — бросил Марчелло на ходу, вгоняя новый магазин в рукоять пистолета. — Идем к фургону.

Мы пробились к центру ангара. Бой стремительно стихал. Большая часть людей Торрезе уже лежала в лужах собственной крови. Выжившие пытались отступить к задним техническим воротам, но там их уже методично расстреливали наши бойцы.

У самого фургона Ковальски, жалко прикрываясь телом мертвого охранника, сидел Фабио Торрезе. Он был легко ранен в плечо и тяжело дышал, загнанно озираясь по сторонам, как крыса в капкане.

Марчелло подошел к нему неторопливым, хищным шагом. Он выбил хромированный пистолет из ослабевших рук Фабио жестким ударом тяжелого ботинка и схватил миланца за воротник куртки, вздернув на колени.

— Ну что, Фабио? — тихо, с издевкой произнес Марчел-

ло, глядя сверху вниз в полные первобытного ужаса глаза племянника босса. — Как там поживает старый лев Романо? Всё еще стерты клыки?

— Пошел ты... — сплюнул Фабио смесью слюны и крови, но его голос жалко дрожал. — Вы покойники. Торрезе зальет Лигурию кровью. Вы все сгорите.

Я подошел ближе, опустив дымящийся ствол пистолета. Внутри меня была абсолютная, звенящая пустота.

Только холодный, кристальный расчет, вложенный лекциями Беллини и монументальной властью Витторио.

— Твой клан уже проиграл, Фабио, — произнес я.

Мой голос прозвучал в затихшем ангаре так спокойно и ледяно, что миланец вздрогнул и уставился на меня, словно впервые увидел.

— Это что еще за сопляк? — криво усмехнулся Фабио, глядя на Марчелло. — Романо теперь присылает детей делать свою грязную работу? У старика кончились настоящие солдаты?

— Этот сопляк, — Марчелло жестко улыбнулся, намертво

фиксируя Фабио на коленях, — сегодня представляет волю и слово Дона.

Я сделал шаг вперед. Наши глаза встретились.

— Вы нарушили границы Лигурии. Вы тронули груз Лео Ковальски. Вы усомнились в силе Витторио Романо, — чеканя каждое слово, произнес я.

Я медленно убрал пистолет в кобуру и вытащил тактический нож. Тусклый красный свет блеснул на вороненой стали.

Фабио дернулся в стальной хватке Марчелло, его зрачки расширились от накатившего осознания.

— Эй, Марчелло, ты же не позволишь этому малолетнему ублюдку...

— Он - новое звено Семьи, Фабио, — отрезал капо.

Клинок должен войти под углом в сорок пять градусов, сверху вниз, позади ключицы. Лезвие не шире трех сантиметров. Артерия.

Слова Беллини вспыхнули в мозгу четкой, идеальной схе-

мой.

Я замахнулся и ударил.

Нож вошел в плоть над ключицей миланца с глухим, влажным хрустом, разрезая слои мышц и сосудов.

Фабио издал сдавленный, булькающий звук.

Я почувствовал, как горячая, густая кровь моментально залила мою правую руку по самый локоть, пропитывая манжету белой рубашки.

Время потери сознания при массивном кровоизлиянии - от пятнадцати до тридцати секунд.

Я с силой провернул лезвие, разрушая ткани, и резко выдернул его.

Кровь ударила пульсирующим фонтаном, испачкав мой черный пиджак.

Фабио рухнул на грязный бетон.

Он задыхался, судорожно, но тщетно зажимая рану нашее дрожащими руками. Его глаза закатились. Жизнь поки-

дала его тело с каждым бешеным толчком остановившегося сердца.

Десять секунд. Двенадцать. Пятнадцать.

Его руки бессильно упали вдоль туловища. Он затих навсегда.

Я стоял над его трупом. Грудь тяжело вздымалась.

Запах свежей, железистой крови перебил все остальные запахи в ангаре. Я посмотрел на свою руку, с которой на бетон срывались густые багровые капли.

— Дыши, Адриан, — глухо приказал Марчелло, вставая рядом.

Я сделал глубокий, медленный вдох, подавляя легкую тошноту.

Заставил себя выпрямиться, наклонился и брезгливо вытер лезвие ножа о кожаную куртку мертвого Фабио.

— Я в норме.

Капо внимательно, почти с профессиональным восхище-

нием посмотрел на мое бледное лицо.

— Ты справился. Добро пожаловать в Семью, Винченцо.

Марчелло достал из внутреннего кармана рацию.

— Группа, доклад!

— Первый ярус зачищен. Второй зачищен. Потери нулевые. Двое легко раненых, — сухо отозвался старший снайпер.

— Груз Ковальски?

— Абсолютно цел. Ящики в фургоне. Ни царапины.

— Отлично, — скомандовал Марчелло. — Перегнать фургон на нашу резервную базу. Трупы облить бензином. Машины Торрезе заминировать фосфорными шашками. Здесь не должно остаться ни одной целой молекулы ДНК. Работаем быстро. Уходим.

Через двадцать минут мы стояли на улице, под спасительным ледяным ливнем, который смывал чужую кровь с моих рук и лица.

За нашими спинами ангар полыхнул ослепительным белым заревом. Фосфорные заряды плавили бетон и металл, уничтожая любые следы ночной операции.

Марчелло достал зашифрованный спутниковый телефон, набрал номер и дождался ответа.

— Витторио. Трасса A10 чиста. Проблема с Торрезе полностью закрыта. Груз Лео Ковальски у нас.

Он выслушал ответ, затем молча протянул трубку мне.

Я прижал холодный пластик к уху, не обращая внимания на дождь.

— Адриан, — раздался в динамике глубокий, монументальный голос Витторио Романо. В этом голосе была власть, способная двигать горы.

— Я слушаю, Дон Витторио.

— Твои руки в крови, мой мальчик?

— Да.

— Твой разум холоден?

— Абсолютно, — ответил я, не отрывая взгляда от бушующего пламени.

— Хорошо. Ты исполнил мое слово. Возвращайся в «VESPER». Нам предстоит много работы.

Рассвет застал нас на подъезде к Лигурии.

Небо над заливом окрасилось в холодные, стальные тона. Когда наши внедорожники въехали на закрытую подземную парковку комплекса, город только начинал просыпаться, но внутри «VESPER» жизнь кипела.

Мы поднялись на личном лифте Витторио на седьмой этаж. Контраст ударил по нервам. Час назад я стоял в лужах крови в грязном доке. Теперь мои испачканные ботинки ступали по мягким персидским коврам, а вокруг сияли позолота, красное дерево и хрусталь.

Охрана расступалась перед нами в почтительном молчании. Они видели мой вид и пустой взгляд, который больше не принадлежал подростку.

Двери в пентхаус Витторио распахнулись.

Дон стоял у панорамного окна, заложив руки за спину. Его фигура на фоне рассветного неба казалась высеченной из скалы. Прямая спина, широкие плечи. В нем чувствовалась колоссальная, неисчерпаемая сила человека, который планирует править десятилетиями.

— Заходите, — произнес Витторио, медленно оборачиваясь.

Мы с Марчелло остановились в центре кабинета.

— Операция прошла идеально, Витторио, — доложил капитан. — Фабио Торрезе мертв. Двадцать восемь бойцов ликвидированы. Фургон Ковальски в безопасности на базе.

Дон окинул взглядом мою грязную рубашку, кровь на манжетах и бледное от адреналинового отката лицо.

— Подойди, Адриан, — приказал он.

Я сделал несколько шагов вперед.

— Что ты чувствовал в тот момент, когда лезвие вошло в плоть? — спросил Романо — Страх? Триумф?

— Я чувствовал сопротивление тканей, Витторио, — спокойно ответил я. — *Эмоции делают руки слабыми.*

Витторио подошел вплотную и положил тяжелую, сильную ладонь мне на плечо.

— Ты убивал сегодня, чтобы сохранить порядок, Адриан. Мальчишка из трущоб Сиракуз остался в том ангаре, — голос Дона был низким, проникающим в самую суть. — Я строю систему, которая простоит полвека. Я буду править Лигурией, и ты будешь стоять рядом со мной. Ты - мое новое звено.

Он сжал мое плечо, передавая свою монолитную уверенность.

— Иди, смой кровь. Мы соберем Варгаса, Дюпона и Ковальски. Ты лично отдашь поляку ключи от фургона. Они должны видеть лицо того, кто обеспечивает гарантии Семьи Романо.

Я коротко поклонился.

Развернувшись, я пошел к дверям. Мои шаги были твердыми.

Я знал, что переступил черту, но именно здесь, в тени величия Витторио Романо, я нашел свое предназначение.

Я стал частью силы, которая будет править этим миром.

Глава 9. Цифры

Адриан Винченцо

Центральная переговорная «VESPER» утопала в густом, почти осязаемом полумраке.

Тяжелые бархатные портьеры наглухо отсекали свет мигающих неоновых вывесок Генуи, оставляя лишь узкие полосы рассветного солнца, которые пробивались сквозь щели и лениво скользили по полированному до зеркального блеска дубовому столу.

В воздухе висел сизый, неподвижный дым дорогих кубинских сигар, смешиваясь с горьковатым ароматом остывшего эспрессо и тяжелым металлическим запахом затаенного напряжения.

Прошло ровно двадцать четыре часа с того момента, как миланские амбиции превратились в пепел на бетонном полу заброшенного ангара.

Сутки назад политический ландшафт Лигурии был переkreен заново - быстро, жестко и без права на апелляцию.

Витторио Романо сидел во главе стола. Его фигура излучала ту абсолютную, невыдуманную монументальность, которая не нуждается в громких словах или демонстративных жестах.

Он казался высеченным из цельного куска гранита - старый лев, чья хватка с годами становилась только мертвей и страшнее. Время не властно над такими людьми; оно лишь полирует их жестокость до зеркального блеска.

По обе стороны от Дона сидели те, кто еще вчера пытался играть в самостоятельную игру.

Марко Варгас крутил в пальцах массивное золотое кольцо, его взгляд был прикован к чашке с кофе, а лицо сохраняло выражение человека, который только что чудом избежал падения в пропасть.

Жан Лоран Дюпон, французский представитель синдиката, нервно теребил манжету безупречной белой рубашки, стараясь не смотреть в сторону Витторио.

Лео Ковальски сидел напротив, тяжело опершись локтями на стол. Его водянистые, бесцветные глаза были налиты свинцом.

— Мои люди проверили ту точку, о которой говорил Марчелло, — хрипло, с сильным славянским акцентом произвел поляк. Его голос нарушил звенящую тишину переговоров. — Фургон на месте. Ящики целы. Оружие пересчитано до последнего патрона. Не хватает только одного... ключей зажигания.

Витторио не шелохнулся. Он лишь едва заметно скосил глаза в мою сторону и качнул подбородком.

Я отделился от глубокой тени у массивных дубовых дверей. На мне был идеально скроенный черный костюм-тройка, под плотной тканью которого угадывались контуры кобуры и ножен.

От вчерашней грязи, ливня, запаха жженого фосфора и липкой, теплой человеческой крови не осталось и следа.

Мои туфли ступали по толстому персидскому ковру совершенно бесшумно - шаг за шагом, чеканно и выверенно.

Остановившись в шаге от кресла Ковальски, я запустил руку во внутренний карман пиджака.

Извлеченная на свет связка ключей с тяжелым латунным брелоком качнулась на серебряной цепочке и легла на поли-

рованное дерево прямо перед поляком. Металл издал сухой, неприятный лязг, от которого Дюпон чуть заметно вздрогнул.

Ковальски не спешил касаться ключей. Он медленно поднял голову, изучая меня тяжелым, оценивающим взглядом хищника, который привык проверять добычу на прочность.

В его глазах читалась смесь неприязни и холодного, циничного любопытства. Он искал на моем лице следы вчерашнего адреналинового шторма, дрожь в пальцах, хоть тень мальчишеского испуга.

Он не нашел ничего. Мой взгляд был пуст и прозрачен, как горный лед.

— Мой человек докладывал, что банда Торрезе была зачищена с хирургической стерильностью, — протянул Ковальски, и уголки его рта скривились в подобии усмешки. — Я думал, старый волк отправит туда дюжину проверенных ветеранов. А он прислал сопляка, чтобы тот вскрыл глотку миланскому ублюдку.

Поляк презрительно фыркнул, а шрам над его левой бровью дернулся в судороге.

— У тебя лед в венах, парень. Я запомню твое лицо.

— Вы запомните не его лицо, — голос Витторио прозвучал тихо, но в этой тишине было столько веса, что хрустальные бокалы на подносе зловеще зазвенели. — Вы запомните главное: слово Семьи Романо нерушимо. Мои гарантии подкреплены силой, которая не дает сбоев. И этот юноша - всего лишь один из механизмов моей воли. Не более.

Ковальски тяжело вздохнул, признавая поражение в этой психологической дуэли. Он протянул широкую, покрытую шрамами ладонь, сгреб ключи со стола и спрятал их во внутренний карман куртки.

— Мы поняли тебя, Витторио. Балтийский транзит идет через твои порты. Вопросов больше нет.

Когда двери переговорной закрылись за последним из уходящих гостей, оставив нас втроем - меня, Марчелло и Дона, - Витторио медленно поднялся из кресла.

Он подошел к панорамному окну, за которым просыпался серый, залитый дождем портовый город, и долго молчал, глядя на причалы.

— Они запомнили клинок, Адриан, — наконец произнес

он, не оборачиваясь. — Но чтобы удержать этот мир под ногами, одного клинка мало. Рано или поздно железо тупится. Нам нужно нечто более прочное.

Время внутри комплекса «VESPER» подчинялось своим собственным, жестоким и непреложным законам.

Здесь недели не измерялись календарными листками или сменой времен года; они отсчитывались решенными вопросами, вовремя доставленными грузами, подписанными контрактами и, когда этого требовала необходимость, свежей кровью, пролитой на холодный бетон.

В день, когда мне исполнилось шестнадцать лет, мир вокруг меня не изменился ровно на йоту. Не было праздничных речей, торжественных застолий, фальшивых улыбок или подарков, призванных скрасить одиночество.

В мире, где правил Витторио Романо, возраст был лишь цифрой в фальшивых паспортах, а зрелость измерялась исключительно способностью держать удар и принимать решения, от которых зависели жизни десятков людей.

Моим «подарком» к шестнадцатилетию стали две вещи.

Марчелло встретил меня в спортзале на минус первом уровне жесткой, изнуряющей до тошноты тренировкой по ножевому бою в условиях ограниченного пространства, заставив отрабатывать связки до тех пор, пока пальцы не перестали разгибаться от судорог.

А когда я поднялся в свою комнату, на письменном столе меня ждала аккуратная стопка толстых, пахнущих типографской краской папок с университетскими учебниками по макроэкономике, корпоративному праву и международному банковскому праву.

Я рос стремительно, словно дикий зверь, запертый в тесной клетке и внезапно получивший простор.

Мое тело вытянулось, плечи стали широкими, а подростковая угловатость окончательно растворилась под ежедневным прессом изнуряющих физических нагрузок, превратившись в пружинистую, смертоносную пластику крупного хищника.

Я стал постоянной, неотступной тенью Дона - его молчаливым эхом и телохранителем на тех закрытых встречах, где решались судьбы людей, о существовании которых обычные обыватели Генуи даже не догадывались.

Я научился слушать то, что не произносится вслух. Я научился читать по микромимике собеседника, по едва заметному подрагиванию уголков губ или избыточному напряжению в запястных сухожилиях, когда человек пытается скрыть страх или лжет о поставках.

Для всего синдиката я стал тем самым острым клинком, который Витторио Романо держал в ножнах, готовым в любой момент распороть любую брешь в обороне конкурентов.

Но настоящий перелом в моей жизни, изменивший саму матрицу моего мышления, произошел тихим вечером.

В тот вторник Витторио не отпустил меня отдыхать после вечернего обхода казино и проверки охраны периметра.

Когда последние тяжелые двери главного зала заперлись на электронные замки,

Дон бросил на меня короткий, требовательный взгляд и сделал знак следовать за ним.

Мы не поехали на нижние уровни - ни к оружейным складам, ни в тренировочные доки, ни в подвальные казематы.

Мы вошли в лифт, и Витторио нажал клавишу личного

доступа. Лифт бесшумно пошел вверх, минуя жилые апартаменты, залы для приема гостей.

Мы поднялись в самое сердце комплекса «VESPER» - на шестой этаж.

Тяжелая двустворчатая дверь из бронированного стекла и мореного дуба была замаскирована под массивный антикварный книжный шкаф, заполненный фолиантами по истории итальянского права.

Когда мы вошли, дверь за нами захлопнулась с глухим, герметичным щелчком.

Внутри царила стерильная, почти больничная тишина. Воздух здесь ощутимо отличался от остального комплекса: он был сухим, прохладным, искусственно очищенным, с едва уловимым, сухим запахом озона, нагретого пластика и горьковатого табачного пепла.

Вдоль длинных стен в специальных металлических стойках беззвучно, в ритме равномерного пульса, мерцали ряды черных серверных корпусов. Тысячи мигающих диодов - зеленых, синих, янтарных - сплетались в гипнотический узор.

В центре просторного помещения, под огромными лампа-

ми дневного света, за массивным угловым столом из матового стекла сидел синьор Росси.

Главный казначей Семьи Романо был человеком-призраком. О нем ходили легенды среди младших членов синдиката: говорили, что у него нет семьи, что он не покидает этот этаж годами и что он способен в уме перемножать девятизначные числа быстрее, чем работает электронный калькулятор.

Сутулый, с глубоко ввалившимися щеками, бледной кожей человека, который никогда не видел средиземноморского солнца, и в неизменных массивных роговых очках на остром носу, Марко Росси даже не поднял головы, когда мы вошли.

Перед ним стояли четыре монитора, на которых с бешеной скоростью сменялись массивы зашифрованных данных, графиков, кодов и финансовых сводок.

Его стихией были не перестрелки в доках, не крышевание портовых терминалов и не устранение неудобных. Он управлял тем, что заставляло весь этот кровавый механизм крутиться без сбоев.

— Садись, Адриан, — бросил Витторио, занимая кожаное

кресло с высокой спинкой прямо напротив главного пульта казначея.

Я молча опустился на жесткий стул рядом. На широких экранах перед моими глазами разворачивалась гигантская, пульсирующая паутина мировой теневой экономики.

Тысячи светящихся линий, векторных графиков, банковских кодов и транзакционных цепочек перетекали из одного окна в другое с головокружительной скоростью.

Для меня это было абсолютной, непроходимой китайской грамотой. У меня не было ни профильного экономического образования, ни малейшего практического понимания того, как устроены корпоративные финансы, офшорные юрисдикции или межбанковские переводы.

Мой мозг, натренированный Беллини и Марчелло, привык к осязаемым вещам: траектории движения клинка, углам отражения света в зеркале заднего вида, массе пистолета в руке и болевым точкам человеческого тела.

Здесь же всё было чужим, мертвым, абстрактным и оттого пугающе непостижимым.

Витторио положил руки на стеклянную поверхность сто-

ла. Его взгляд был тяжелым и неподвижным.

— Ты научился убивать, Адриан, — начал Дон, и его голос, низкий и раскатистый, заполнил тишину серверной, заглушая гул кулеров. — Беллини вложил в твою голову анатомию плоти, научив понимать, как хрупка человеческая жизнь. Марчелло довел до автоматизма твои рефлексy, превратив тебя в живое оружие. Ты знаешь, как остановить сердце человека одним ударом.

Дон медленно обвел пальцем светящиеся линии капитала на ближайшем мониторе.

— Настоящая власть не нуждается в постоянном пролитии крови. Она бесшумна, невидима и абсолютна. Деньги - это кровь нашей империи. Если ты перекроешь кислород врагу на уровне финансовой системы, лишишь его ликвидности и заморозишь счета, он рухнет сам, даже не успев вытащить оружие из кобуры. Армии бегут, когда им нечем платить солдат. Правительства падают, когда их долги концентрируются в нужных руках. Тот, кто контролирует потоки капитала, контролирует этот мир.

Я перевел взгляд с профиля Витторио на мелькающие строки цифр.

Во мне не было юношеского трепета перед богатством, но было холодное, прагматичное понимание: если я хочу подняться на ту же недостижимую высоту, где стоял Дон, мне придется изучить этот чуждый язык так же безупречно и беспощадно, как я научился владеть ножом и пистолетом.

— Я не понимаю здесь ничего, Витторио, — произнес я ровно, без тени смущения или фальшивой гордости. — Для меня это просто цветной шум на экране. У меня нет базы, чтобы читать эти схемы.

Витторио едва заметно кивнул, словно мой честный ответ был единственно возможным испытанием, которое я только что прошел.

— Никто не рождается с калькулятором в руках, Адриан. Именно поэтому сегодня ты начинаешь учиться у того, кто держит в своих руках всю казну Семьи. Синьор Росси покажет тебе, с чего начинается империя.

Главный казначей наконец оторвал взгляд от мониторов.

Он медленно повернул голову, снял роговые очки, протирая линзы грязноватым платком из кармана серого кардигана, и посмотрел на меня своими водянистыми, бесцветными глазами.

В его взгляде читалось чистое, неразбавленное профессиональное презрение человека, который посвятил всю жизнь цифрам и считает всех вокруг, особенно людей с оружием, донельзя примитивными существами.

— Ну что ж, раз сам Дон привел тебя сюда лично, придется повозиться с этим полуфабрикатом, — голос синьора Росси звучал сухо и шуршаще, напоминая шуршание старых пергаментов или осыпающийся песок. — Слушай внимательно и запоминай, юноша. Второй раз повторять я не стану.

Он развернул ко мне планшет с открытой таблицей, заполненной сотнями запутанных проводок.

— Смотри сюда. Что ты видишь в этих столбцах? Не пытайся умничать - говори то, что видишь на поверхности.

Я вгляделся в экран, нахмутив брови, пытаюсь зацепиться за хоть какой-то смысл в этой бесконечной череде названий европейских банков, серийных номеров транзакций и шестизначных сумм.

— Цифры. Переводы со счета на счет... — неуверенно начал я, стараясь выстроить логику. — Наверное, это чистая

прибыль казино или портовых терминалов?

Синьор Росси издал звук, похожий на сухой кашель старого курильщика, и покачал головой, демонстративно закатив глаза к потолку.

— Прибыль... Боже мой, Витторио, он думает, что это прибыль, — пробормотал казначей, обращаясь к Дону, после чего резко, с раздражением повернулся обратно ко мне.

— Запомни свое первое и главное правило, мальчик: чистый криминальный кэш, который приносят наши игровые залы, контрабанда сигарет и портовый рэкет - это смертельный яд. Это не благословение, это прямая улика. Это мишень на нашей спине, нарисованная яркой краской для налоговой полиции, антимафиозного прокурора и финансовых регуляторов ЕС. Если мы просто сложим эти миллионы наличных в сейфы или попытаемся купить на них недвижимость напрямую, нас возьмут за жабры через сорок восемь часов.

Росси постучал костлявым пальцем по экрану, открывая новую схему, где линии разветвлялись на десятки мелких векторов, уходящих в разные концы планеты.

— Задача нашей бухгалтерии - этот яд растворить. За-

ставить грязные деньги пройти через сложнейшую многоступенчатую мясорубку из фиктивных компаний, запутать следы в офшорных лабиринтах, перегнать их через десяток юрисдикций и вернуть обратно в Италию в виде кристально чистых, абсолютно легальных дивидендов какой-нибудь респектабельной европейской девелоперской фирмы. Для итальянской налоговой это законные инвестиции. Для нас - отмытый и готовый к работе капитал. Понял хотя бы принципиальную механику?

Я потер переносицу, чувствуя, как от непривычного умственного напряжения начинает тупо ныть затылок.

— То есть... мы создаем искусственные круги через подставные фирмы за рубежом, чтобы запутать следы и заставить законников поверить, будто деньги заработаны честно?

— Не «поверить», а не иметь ни единой юридической зацепки, чтобы доказать обратное, — поправил меня Росси уже чуть строже, но с проблеском скупого уважения.

— И поверь мне, это даже не верхушка айсберга. Это песчинка на пляже. Балансы, векселя, налоговые резиденции, офшорные зоны на Кипре, в Панаме и на Кайманах, транзитные счета в Швейцарии, номинальные директора, фиктивные контракты на поставку оборудования - всё это тебе при-

дется не просто выучить, а вбить себе в подкорку, как тактико-технические характеристики штурмовой винтовки.

Казначей резко сгреб со стола толстую, потрепанную обшую тетрадь в кожаном переплете и бросил ее передо мной вместе с тяжелой металлической ручкой.

— Открывай чистую страницу. Записывай термины. Сегодня я буду вдабливать тебе в голову азы балансовой отчетности, структуру активов и пассивов, пока ты не научишься безошибочно отличать дебет от кредита. А когда мы закончим здесь, ты пойдешь в свою комнату, возьмешь учебники Беллини и будешь зубрить структуру европейских межбанковских переводов стандарта SWIFT до самого расвета. Вопросы есть?

Я посмотрел на чистый белый лист бумаги, потом на холодные, безразличные мониторы серверной и, наконец, на Витторио, который молча наблюдал за нашим диалогом из своего кресла, не вмешиваясь, но держа под контролем каждый мой вдох.

— Вопросов нет, — ответил я глухо, открывая тетрадь.

Витторио медленно поднялся во весь рост, опираясь тяжелыми ладонями на край стеклянного стола. Его монумент-

тальная фигура на фоне мерцающих серверов казалась воплощением первобытной, несокрушимой власти.

— Учись, Адриан, — произнес Дон. — Клинком ты уже владеешь в совершенстве. Теперь синьор Росси научит тебя управлять тем, что заставляет этот клинок двигаться, покупать целые города и ставить на колени тех, кто считает себя хозяевами жизни. Я жду тебя здесь завтра в это же время. Не разочаруй меня.

Дон развернулся и бесшумно вышел из серверной, оставив нас с казначеем наедине в гудящем коконе цифровой паутины.

Синьор Росси тяжело вздохнул, поправил очки, придвинул ко мне массивный бухгалтерский калькулятор и стукнул сухим пальцем по первой строчке исписанного формулами листа.

— Ну что ж, юноша. Отложи свои иллюзии насчет красивой бандитской жизни. Начнем с азов корпоративного мошенничества и проводки капитала через фиктивные трасты. Пиши определение...

Следующие несколько месяцев превратились для меня в сущий кошмар, вплетенный в жесткий график выживания.

Моя жизнь разделилась на два абсолютно не пересекающихся, но одинаково безжалостных измерения.

Днем я по-прежнему оставался тенью Витторио.

Я сопровождал его на деловые встречи, стоя за левым плечом на закрытых виллах вдоль побережья, наблюдал за тем, как одно его слово, сказанное без повышения голоса, заставляло бледнеть влиятельных политиков, продажных судей и владельцев крупных портовых компаний.

Я тренировался в зале с Марчелло до потери пульса, оттачивая скорость реакции, удары ножом и стрельбу из неудобных положений.

А ночами я возвращался в холодный бункер синьора Росси на шестом этаже или сидел за своим столом при свете настольной лампы, заваленный отчетами, балансами, налоговыми декларациями и схемами офшорных потоков.

Глава 10. Дюпон

Адриан Винченцо

Синьор Росси оказался монстром методичности.

Он не делал ни малейших скидок на мой возраст, на мое прошлое бродяжки из сицилийских трущоб или на статус правой руки Дона.

Если я допускал ошибку в расчете маржинальности фиктивной сделки, путал налоговые ставки Лихтенштейна и Люксембурга или не замечал скрытого обременения на активы какого-нибудь кипрского траста, казначей с яростным стуком захлопывал папку и заставлял меня пересчитывать всю многостраничную аналитику с самого начала.

— Ты думаешь, это игра в солдатики, мальчик?! — шипел он, когда я засыпал над распечатками в три часа ночи.

— Одна запятая не там, один фальшивый инвойс - и через неделю вся наша структура на Лазурном берегу рухнет как картонный домик, потому что французская финансовая разведка раскрутит цепочку до самого Генуэзского порта! Пе-

редельвай!

Я не спорил. Я стискивал зубы,пил горький остывший кофе, брал карандаш и сидел до тех пор, пока цифры не начинали складываться в безупречную, железобетонную логику.

Постепенно туман рассеивался. Чужие, мертвые термины обретали форму рычагов и шестеренок.

Я начал понимать то, о чем говорил Витторио: пуля уничтожает только одну преграду, а грамотно составленный юридический иск или замороженный в нужный момент межбанковский транш уничтожает целые синдикаты, не оставляя на руках ни единой капли крови.

Однажды ночью, когда за толстыми стеклами пентхауса бушевал очередной шторм, хлеставший дождь в панорамные окна, я сидел в серверной один.

Синьор Росси ушел пару часов назад, оставив мне на проверку кипу документов по последним операциям франко-итальянского консорциума, которым руководил Жан Лоран Дюпон.

Я монотонно прогонял через аналитическую программу цепочки переводов, связывающие счета марсельских фили-

алов с офшорными фондами на Мальте.

Мой мозг уже автоматически цеплялся за несоответствия в объемах и датах.

Внезапно взгляд зацепился за странную, выбивавшуюся из общего порядка аномалию.

Один из крупных транзитных траншей на сумму ровно в четыре миллиона евро уходил со счета марсельского банка не напрямую в оффшорный фонд, как требовал протокол безопасности Семьи, а делал странный, никому не нужный крюк через промежуточный корреспондентский счет в небольшом коммерческом банке Лиона.

Более того, получателем числилась компания, которая официально прошла процедуру ликвидации и банкротства еще девять месяцев назад.

Я нахмурился. Отложил карандаш. Открыл архивные реестры французских корпораций за прошлый год, поднял старые налоговые отчеты и начал сопоставлять даты регистрации и закрытия счетов.

Работа заняла около сорока минут.

Когда пазл сошелся, по спине пробежал холодок. Это была не просто бухгалтерская ошибка.

Это была классическая финансовая «дыра», оставленная людьми Дюпона намеренно - то ли для вывода капитала из-под носа Семьи Романо, то ли как закладка на случай будущей войны с нами.

Если бы французская финансовая полиция решила копнуть чуть глубже архивы ликвидированных фирм за прошлый год, они бы обнаружили этот незакрытый шлюз и вышли прямиком на основные счета «VESPER» в Генуе.

Дверь серверной бесшумно отворилась.

На пороге, опираясь на массивную трость с серебряным набалдашником и держа в руке стакан с виски, стоял Витторио. На нем была темная кашемировая водолазка, а в глазах читалась та же неизменная, вечная сосредоточенность.

— Ты все еще здесь, Адриан? — его голос прозвучал мягко, но гулко в тишине серверной. — Ночь давно перевалила за половину. Внизу спят даже охранники.

Я не отрывал глаз от монитора, на котором подсвечивалась найденная аномалия.

— Я нашел брешь, Витторио, — произнес я ровно.

Дон замер.

В его взгляде мгновенно погасла усталость, уступив место чистому, хищному вниманию взрослого хищника, почувствовавшего добычу.

Он сделал несколько бесшумных шагов, поставил стакан на краешек стеклянного стола и наклонился над моим плечом.

— Говори. Что ты нашел?

Я указал пальцем на ту самую строчку с лионским банком и обанкротившейся фирмой-пустышкой.

— Вот здесь. Четыре миллиона Дюпона уходят через мертвого посредника в Лионе. Синьор Росси пропустил эту ветку, потому что компания официально закрыта, и в отчетах она выглядит как мертвый актив. Но если французы поднимут старые реестры или налоговики начнут аудит по наводке конкурентов, они увидят этот скрытый шлюз. Через эту щель можно вытащить наружу всю цепочку наших взаимных транзитов и ударить по генуэзским счетам.

Витторио молчал секунд пятнадцать. Он внимательно изучал подсвеченные мной юридические выписки, номера счетов и даты ликвидации, сопоставляя их в уме с общей архитектурой синдиката.

На его суровом, изрезанном морщинами лице не дрогнул ни один мускул, но в глубине глаз вспыхнул тот самый холодный, триумфальный огонь архитектора, который видит, как его лучший ученик самостоятельно находит несущую конструкцию здания.

— Росси действительно упустил это, — медленно проговорил Витторио, и в его голосе прозвучала глубокая, сдержанная гордость. — Старый казначей слишком привык доверять стандартным отчетам и перестал проверять мертвые зоны, которые оставляют за собой наши «партнеры». А ты заглянул туда, куда никто не смотрел.

— Что с этим делать? — спросил я, чувствуя, как в груди поднимается тугая волна адреналина. — Перекрыть транзит? Уничтожить счета Дюпона? Обрушить его позиции в Марселе?

Губы Дона тронула тонкая, зловещая и невероятно красивая улыбка человека, который просчитал игру на десять хо-

дов вперед.

— Нет, Адриан. Мы не будем уничтожать его счета или устраивать пальбу в Марселе. Мы поступим куда изящнее. Мы тихо и легально перехватим этот финансовый вектор через нашу подставную структуру на Каймановых островах, переписав долговые обязательства на имя Семьи Романо. Когда французский щенок поймет, что его главный финансовый кислородный шнур зажат в наших руках, он сам приползет сюда, в этот кабинет, чтобы переподписать все контракты на наших условиях. Ты понимаешь масштаб того, что сейчас нашел?

Я медленно кивнул. В этот самый момент разрозненные элементы моей новой жизни - холодный металл пистолета, тяжесть ножа на поясе, уроки анатомии Беллини, изнуряющие тренировки Марчелло и эти бесконечные ночные ряды цифр на мониторах синьора Росси - наконец сошлись в единую, идеальную и безупречную картину абсолютной власти.

Я больше не был беспризорником, убегающим от полиции на улочках Сиракуз.

Я не был просто мальчиком на побегушках у жестокого мафиозного босса.

Я становился тем, кто держит в своих руках невидимые нити, управляющие движениями целых государств и корпораций.

— Я подготовлю полный юридический пакет для перехвата векселя к утру, Дон Витторио, — ответил я твердо, глядя ему прямо в глаза. — Дюпон даже не успеет понять, откуда прилетел удар.

Витторио тяжело, с абсолютным доверием опустил свою тяжелую ладонь мне на плечо, сжав его с такой силой, что ткань костюма натянулась до треска. В этом рукопожатии была передана вся тяжесть будущей империи.

— Иди спать, Адриан. Завтра у нас будет очень интересный, поучительный разговор с французским гостем. Ты заслужил право сидеть за этим столом рядом со мной.

Я встал из-за кресла, чувствуя, как за моей спиной вырастает нечто несокрушимое. Впереди лежали годы борьбы, интриг, крови и триумфов, но я знал точно: этот мир уже никогда не сможет меня сломать.

Утро выдалось на редкость пасмурным. Над Лигурийским заливом висел тяжелый, свинцовый туман, размывая грани-

цу между небом и морем так, что горизонт казался сплошной серой стеной.

Я не ложился спать. После того ночного разговора в серверной я провел за терминалом еще четыре часа, дорабатывая юридическую обязанку для перехвата того самого злополучного векселя Жана Лорана Дюпона.

Пальцы механически стучали по клавиатуре, глаза горели от недосыпа, но в голове царила кристальная, хирургическая ясность.

Когда я вывел на печать готовый пакет документов, за окнами уже забрезжил блеклый рассвет.

Около десяти утра Витторио вызвал меня в свой кабинет на пятом этаже.

В просторном помещении пахло дорогим табаком и остывшим эспрессо.

Дон сидел за массивным дубовым столом, просматривая утреннюю сводку портовых терминалов Марселя.

Напротив него, нервно ерзая на краешке кожаного дивана, сидел сам Жан Лоран Дюпон - человек, который еще вче-

ра считал себя полноправным хозяином южного французского трафика.

Дюпон выглядел безупречно: сшитый на заказ итальянский костюм-тройка, идеальный пробор в седеющих волосах, часы с турбийоном на запястье.

Но его выдавали глаза - беспокойные, бегающие, и капли холодного пота, выступившие на лбу несмотря на прохладу в комнате.

Француз явно не ожидал экстренного вызова в Геную, да еще в такой форме, когда охрану на входе заставили сдать даже карманные ножи.

Когда я бесшумно вошел в кабинет и встал за левым плечом Витторио, положив на край стола ту самую синюю папку с ночными распечатками, Дюпон дернулся, словно от удара током.

Он скользнул по мне оценивающим, полным скрытой снесь взглядом, заметив молодость, но в этот раз во мне не было той мальчишеской угловатости, которая позволяла бы кому-то смотреть на меня свысока.

— Садись, Адриан, — кивнул мне Витторио, не глядя на

гостя.

Я занял кресло сбоку от Дона, положив руки на колени. Моя осанка была прямой, а взгляд - холодным и отстраненным.

Витторио медленно поднял глаза на француза. В тишине кабинета этот взгляд прозвучал громче любого выстрела.

— Жан, — голос Дона был тихим, почти ласковым, но от этой интонации у Дюпона сбилось дыхание. — Мы работаем вместе уже пять лет. Семья Романо всегда выполняла свои обязательства перед марсельским синдикатом. Мы закрывали глаза на ваши мелкие шалости, помогали с таможенной и делили рынок без лишних вопросов.

— Синьор Романо... Витторио, я не понимаю, о чем вы, — заискивающе улыбнулся Дюпон, нервно поправляя манжеты рубашки. — Между нами всегда было полное доверие. Зачем этот срочный вызов? У меня в Марселе сейчас годовые отчеты...

— Вот именно о годовых отчетах мы сейчас и поговорим, Жан, — прервал его Витторио. Его голос мгновенно потерял всю мягкость, превратившись в ледяной металл.

Дон плавным движением пододвинул ко мне синюю папку. Я открыл ее и положил перед французом первые три листа с детальной распечаткой лионского транзита и закрытой фирмы-пустышки.

Лицо Дюпона в ту же секунду потеряло весь свой здоровый цвет. Он побледнел так резко, будто из него выкачали всю кровь, а его дорогие часы застучали по стеклу стола от задрожавших пальцев.

Он уставился на цифры, перебирая бумаги с нарастающей паникой, и забормотал что-то невнятное на французском, хватая ртом воздух.

— Откуда... Откуда это у вас? Это же... это старые закрытые проводки! Этого никто не должен был видеть...

— Этого действительно никто не должен был видеть, Жан, — спокойно произнес я, перехватив инициативу и заговорив ровным, чеканным голосом, которому меня учил синьор Росси. — Ни французская налоговая полиция, ни антикоррупционный комитет ЕС. Но твой главный бухгалтер оказался недостаточно аккуратен, когда оставлял открытым шлюз через лионский банк на четыре миллиона евро девять месяцев назад.

Дюпон перевел на меня дикий, полный ужаса взгляд.

До него наконец дошло, что перед ним не просто мальчик для поручений, а тот самый человек, который разобрал его финансовую броню на винтики.

— Если бы мы не перехватили этот вектор этой ночью, через неделю к тебе в офис в Марселе ворвались бы федералы с ордером на арест и конфискацию всех активов синдиката, — продолжил я, чуть наклонившись вперед. — И вся твоя империя рухнула бы не из-за наших пуль, а из-за твоей собственной жадности и тупости.

Француз судорожно сглотнул, повернулся к Витторио и рухнул на колени прямо перед столом Дона, забыв про всю свою гордость и статус.

— Витторио! Ради Бога, прости! Ошибка! Оплотность бухгалтера! Я клянусь, я не хотел... Это страховка на крайний случай, просто страховка! Спаси меня! Забери эти четыре миллиона, забери всё, что нужно, только не отдавай меня французам!

Витторио молчал долгих полминуты. Он смотрел на стоявшего перед ним на коленях человека с таким отстраненным презрением, с каким хищник смотрит на раздавленного

жука.

— Встань, Жан. Не позорь свое имя окончательно, — брезгливо бросил Дон. — Ты прав в одном: мы заберем всё, что нужно. Но оставить тебя на свободе после того, как ты попытался сыграть за нашей спиной двойную игру, было бы непростительной глупостью. Такие, как ты, не умеют проигрывать — они затаиваются, чтобы всадить нож в спину при первой возможности. А создавать себе проблемы на южном фланге Семья не намерена.

Дюпон замер, и краска окончательно сошла с его лица. Он понял, что помилования не будет.

— Что... Что вы со мной сделаете? — прошептал он пересохшими губами.

— Никакой тюрьмы, Жан, — ровно ответил Витторио, не меняя выражения лица. — И никаких публичных разборок, которые привлекут лишнее внимание к нашим портам. Ты останешься в Марселе. Вернее, останешься на бумаге и в отчетах. Но управлять своими активами, своим бизнесом и своей жизнью ты больше не будешь. Для французского синдиката ты тихо уйдешь на покой по состоянию здоровья, передав все полномочия нашему человеку. Твои деньги будут работать на Семью.

Француз попытался что-то возразить, вскрикнуть, замаять руками, но Витторио сделал едва заметный жест пальцем.

Из тени за углом бесшумно вынырнули дюжие охранники Романо. Один из них резко заломил Дюпону руки за спину, а второй тяжело ударил его ребром ладони в солнечное сплетение.

Француз захлебнулся воздухом, осел на пол, и его тут же бесшумно выволокли из кабинета, зажав рот платком, чтобы не нарушать тишину резиденции.

Когда дверь закрылась, в кабинете снова воцарилась абсолютная тишина.

Витторио тяжело откинулся на спинку кресла, закурил новую сигару и посмотрел на меня с нескрываемым, глубоким одобрением.

— Хорошая работа, Адриан, — произнес Дон, выпуская в потолок густое сизое кольцо дыма. — Ты не просто вскрыл его брешь. Ты вовремя понял главное правило этого мира: оставлять за спиной живого врага, у которого отобрали всё, — это смертный грех. Такие люди, как Дюпон, обязательно попытались бы отыгаться, используя грязные методы, ин-

триги или пытаясь через третьих лиц навредить тем, кто нам дорог.

Я аккуратно закрыл синюю папку с финансовыми отчетами и положил её на угол стола.

— Никаких рисков на южном фланге, Дон Витторио, — ответил я ровно.

Витторио кивнул, одарив меня долгим, испытующим взглядом.

— Иди отдыхай, Адриан. Сегодня ты заслужил этот сон. Завтра начнется новый этап.

Я вышел из кабинета, чувствуя, как с каждым днем стены этого мира становятся все прочнее, а моя роль в нем - все неоспоримей.

Глава 11. Управляющий

Адриан Винченцо

Время в комплексе «VESPER» не измерялось сменой времен года.

Здесь не существовало весны с ее одуряющим запахом цветущих цитрусовых или осени с проливными дождями.

Здесь время текло по своим, скрытым от посторонних глаз законам, отсчитывая ритм налоговыми кварталами, датами закрытия финансовых реестров и периодами полураспада офшорных компаний.

Я перестал считать дни.

Моя жизнь превратилась в безжалостный, выверенный до миллиметра конвейер, который методично сдирал с меня всё человеческое, оставляя лишь обнаженный, пульсирующий функционал.

Синьор Росси не знал пощады.

Старый казначей, казалось, вообще не нуждался во сне.

Каждую ночь он вываливал на мой стол горы документов: таможенные декларации, налоговые кодексы, уставы фиктивных судоходных компаний, балансовые отчеты казино.

Я тонул в этом бумажном море, задыхаясь от обилия терминов, которые казались мне инопланетным языком.

— Ты слеп, Винченцо! — его сухой, похожий на шелест пергамента голос до сих пор иногда звучит в моей голове, когда я смотрю на цифры.

— Ты смотришь на отчет о прибылях и убытках, как баран на новые ворота. Где здесь скрытый вывод ликвидности? Где?!

В ту ночь, когда мне было семнадцать, я просидел над одним единственным балансом подставной строительной фирмы из Палермо пятнадцать часов подряд.

Глаза слезились от синеватого свечения монитора, строчки сливались в сплошное серое месиво. Я чувствовал, как пульсирует вена на виске, отмеряя удары сердца, отравленного тройным эспрессо.

Тишина серверной давила на уши тяжелым свинцом.

— Они завысили стоимость расходных материалов, — хрипло произнес я, проведя онемевшим пальцем по экрану. Мой голос звучал чужой, каркающей нотой.

— Разница между реальной рыночной ценой бетона и заявленной в инвойсе - тридцать процентов. Эти деньги ушли на оплату консультационных услуг фирме-однодневке на Кайманах.

Росси вырвал у меня из рук распечатку, пробежался по ней своими выцвевшими глазами поверх очков и брезгливо бросил обратно на стол. Отчет скользнул по стеклу, остановившись у самого края.

— И на то, чтобы найти эту детскую уловку, тебе понадобилось пятнадцать часов? — казначей язвительно скривил тонкие губы, и в его взгляде не было ни капли снисхождения.

— В реальном мире, пока ты моргал, эти деньги уже прошли бы через три юрисдикции, осели на анонимных счетах в Сингапуре, а твоего босса вызвали бы на допрос в финансовую гвардию. Еще раз. С самого начала. Проверь амортизацию оборудования. Ищи двойное дно.

Я стискивал зубы так, что сводило челюсти, пил ледяную воду, чтобы прогнать сон, и снова погружался в цифры.

Я учился ненавидеть эти бумаги, а через ненависть - понимать их глубинную суть. Постепенно, месяц за месяцем, мертвые таблицы начали оживать.

Я начал видеть в них не просто математику, а человеческие пороки: жадность, страх, самоуверенность, глупость.

Я научился читать финансовые потоки так же, как Беллини - видя, где находится артерия, которую можно перерезать одним точным движением, чтобы обескровить целую корпорацию.

Утром, после бессонных ночей в серверной, я спускался в подвал.

Марчелло не делал скидок на мою усталость.

Наоборот, чем бледнее я был, тем жестче он атаковал.

Мое тело росло, наливалось тяжелыми, плотными мышцами, плечи раздались вширь.

В восемнадцать лет я был на полголовы выше большинства бойцов Семьи Романо, а моя реакция, выточенная годами избиений на жестких матах, стала инстинктивной.

В одно из таких утёр, когда запах пота и сырости в спортзале казался особенно удушливым, мы стояли друг напротив друга на ринге.

На нас не было защиты. Только бинты на руках, пропитанные кровью от прошлых спаррингов.

— Твоя проблема, Адриан, в том, что ты слишком много думаешь, — Марчелло тяжело дышал, сплевывая на мат вязкую слюну. Его лицо лоснилось от пота, а взгляд был тяжёлым, как у быка перед броском.

— Росси забил твою голову формулами. Но когда в тебя летит кулак, нет времени считать проценты.

Он бросился вперед с яростью локомотива. Его левый джеб должен был снести мне челюсть, выбить зубы и отправить в нокаут, но я больше не был тем испуганным мальчишкой.

Мой мозг работал в совершенно ином ритме. Пространство сузилось, время замедлилось, разбиваясь на геометрические векторы.

Я не стал отступать. Я шагнул навстречу, уходя с линии

атаки на пару дюймов - ровно настолько, чтобы его кулак просвистел мимо моего уха, обдав кожу горячим ветром.

Моя левая рука жестко, как стальной капкан, заблокировала его плечо, лишая равновесия, смещая центр тяжести огромного тела, а правая нанесла короткий, вкручивающийся удар в печень.

Удар был идеальным. Вся масса моего тела, умноженная на скорость и точное знание анатомии, вложилась в эти несколько квадратных сантиметров плоти.

Марчелло издал глухой, сдавленный хрип. Воздух со свистом вырвался из его легких, словно из пробитой шины.

Огромный капо, прошедший десятки уличных войн, осел на одно колено, судорожно хватая ртом воздух и прижимая массивную руку к правому боку.

Я отступил на шаг, плавно опустив руки. Дыхание было ровным. Пульс - спокойным, словно я только что перевернул страницу книги, а не свалил на пол стокилограммового убийцу.

Секунд десять в зале стояла мертвая тишина, прерываемая только сиплыми хрипами Марчелло.

Наконец, он медленно поднял голову. На его лице, искаженном от резкой, простреливающей боли, медленно расплылась широкая, искренняя улыбка.

Он сплюнул кровь из прокушенной губы и хрипло рассмеялся, обнажая зубы.

— Сукин ты сын... — прохрипел капо, тяжело поднимаясь на ноги и опираясь спиной о канаты. — Вот теперь... теперь ты готов. Мне больше нечему тебя учить, Винченцо. Ты перерос меня.

В тот день закончилось мое ученичество на ринге. Мое тело стало абсолютным оружием.

Но главные испытания только начинались в кабинетах верхних этажей.

К двадцати годам я превратился в того, кого Витторио Романо задумывал с самого начала.

Я стал его абсолютным, безупречным инструментом.

Синьор Росси всё чаще оставался в своей серверной просто как молчаливый наблюдатель, передав мне ключи от

большинства теневых счетов и пароли от транзитных фондов.

Я сопровождал Дона на всех переговорах, но теперь я не просто стоял за его спиной в качестве безликого телохранителя.

Я сидел за столом по его правую руку, одетый в костюмы индивидуального пошива, которые скрывали кобуру, но подчеркивали статус.

Витторио Романо оставался монументом. Казалось, само время отступает перед его гранитной волей.

В его движениях не было ни грамма слабости, его голос всё так же заставлял людей цепенеть от страха, а взгляд проникал в самую душу.

Витторио не старел в привычном понимании этого слова - он бронзовел, превращаясь в живую легенду криминальной Европы.

Он доверил мне управление механикой «VESPER», оставив за собой стратегию, дипломатию высшего уровня и абсолютную власть над жизнями.

Именно тогда, когда мне исполнилось двадцать три года, система подкинула мне самую серьезную проверку на прочность.

Проверку, в которую Витторио намеренно не стал вмешиваться.

Я сидел в своем новом кабинете на пятом этаже, просматривая закрытые сводки по западному транзиту оружия и контрабанды.

Мое внимание привлекли расхождения в отчетах портового терминала в Генуе, который контролировал Сильвио Моретти - один из старейших и наиболее уважаемых капо в Семье.

Сильвио начинал еще с отцом Витторио. Он пользовался колоссальным авторитетом среди портовых бойцов, докеров и таможенников, и фактически единолично контролировал треть всей контрабанды, идущей через Лигурию.

Цифры, которые он подавал в бухгалтерию «VESPER», были идеальными.

Слишком идеальными.

Они сходились до последнего цента, образуя безупречную, искусственную гармонию.

Но я, наученный паранойей синьора Росси, знал: в реальном бизнесе, завязанном на живых людях, взятках, поломках кранов и штормах, идеальных цифр не бывает.

Идеальный баланс - это всегда результат кропотливой фальсификации.

Я углубился в логистические реестры порта, сопоставил их с графиком разгрузки судов, реальными метеосводками за последние полгода и теневыми проводками через Кайманы.

На это ушло три дня непрерывной работы.

Я не спал, питаюсь только черным кофе и адреналином, пока не вытащил на свет всю гнилую изнанку.

Сильвио Моретти воровал.

Он делал это виртуозно. Он не занижал прибыль напрямую. Он создал фиктивную компанию по ремонту морских контейнеров, прогонял через нее искусственные счета за услуги, которые никогда не оказывались, и выводил ровно

четыре процента с каждого испанского транзита на личные офшоры на Багамах.

Четыре процента.

Капля в море миллиардных оборотов Семьи.

Но за пять лет эта капля превратилась в двенадцать миллионов евро, украденных лично у Витторио Романо.

Когда я положил синюю папку с доказательствами на массивный стол перед Доном, Витторио даже не открыл ее.

Он смотрел на меня поверх сцепленных пальцев.

Его лицо оставалось непроницаемым.

— Сильвио - уважаемый человек, Адриан. У него двести преданных бойцов в порту. Собаки, которые порвут за него кого угодно, — произнес Витторио, переведя свой тяжелый взгляд на панорамное окно, за которым бушевал шторм.

— Если я просто прикажу его убить на основании бумажек, которые портовые грузчики не умеют читать, начнется бунт. Люди решат, что я обезумел от паранойи и убиваю своих ветеранов. — Дон повернул голову и посмотрел мне пря-

мо в глаза.

— Реши эту проблему. Без единой капли крови на моих коврах и без бунта в порту. Покажи мне, на что способен человек, в которого я вложил свою жизнь.

Встреча была назначена на полночь в серверной на шестом этаже. Я выбрал это место намеренно.

Вдали от посторонних глаз, в зоне моего абсолютного информационного контроля, где даже стены дышали подчинением мне. Синьор Росси тактично удалился.

Сильвио Моретти вошел ровно в полночь. Это был грузный, широкоплечий мужчина с седеющей бородой, изрытым шрамами лицом и тяжелым взглядом из-под кустистых бровей.

Он был одет в дорогое кашемировое пальто, но двигался с той тяжелой, угрожающей грацией, которая выдавала в нем уличного убийцу.

Моретти окинул серверную презрительным взглядом, задержав его на мерцающих стойках, затем посмотрел на меня.

Я сидел за столом, расслабленно откинувшись на спинку

кресла.

— Ну и зачем ты выдернул меня из постели, Винченцо?
— густым, рокочущим басом начал Сильвио. Ему, старому волку, претило отчитываться перед двадцатитрехлетним парнем.

— Дон спит. Если это очередная проверка твоих бумажек, то я пошел. У меня утром разгрузка картеля.

Я не шелохнулся. Я сидел неподвижно, словно статуя из черного мрамора.

— Сядь, — мой голос понизился на полтона, обретя ту самую вибрирующую, металлическую тяжесть, которая не терпела возражений.

Что-то в моем тоне заставило его животные инстинкты сработать.

Он тяжело опустился на стул, опираясь пудовыми кулаками о стекло.

— Даю тебе две минуты, Адриан.

Я открыл папку и медленно выложил перед ним докумен-

ты по фиктивной компании.

За ними последовали выписки из банка на Багамах, где были спрятаны двенадцать миллионов евро.

В серверной повисла густая, давящая тишина. Гул серверов казался оглушительным.

Моретти молчал долго. Его глаза бегали по строчкам, осознавая масштабы катастрофы.

Затем он откинулся на спинку стула, и его лицо начало наливаться багровой краской. Он хрипло рассмеялся смехом загнанного, но всё ещё опасного хищника.

— Двенадцать миллионов, — протянул он, качая головой. — Эти четыре процента - это не воровство, щенок. Это моя законная премия. Моя пенсия, которую я сам себе выписал, потому что я строил этот синдикат, пока ты жрал рыбы потроха на рынке!

Он резко поднялся со стула, возвышаясь надо мной. Слюна брызнула с его губ.

— И что ты сделаешь, бухгалтер? Побежишь жаловаться Витторио? Положишь эти бумажки ему на стол? Да мои пар-

ни в порту поднимут такой бунт, что ваш «VESPER» захлебнется в собственной крови! Я сейчас забираю эти бумаги, Адриан. И мы забываем об этом. Если ты откроешь рот, я лично перережу тебе глотку и скормлю крабам!

Он протянул свою огромную ладонь к столу.

Я не стал тянуться за пистолетом. Я даже не моргнул.

Я просто нажал одну кнопку на экране своего смартфона и плавно развернул устройство к капо.

— Ты не понял, Сильвио, — тихо, но так, что каждое слово резало воздух острее бритвы, произнес я.

— Бумаги на столе - это не доказательства. Это твой некролог. Десять секунд назад все счета твоего трастового фонда на Багамах были обнулены. Двенадцать миллионов только что переведены на анонимные счета Семьи. У тебя больше нет «пенсии».

Рука Моретти замерла в воздухе. Он побледнел.

Его челюсть отвисла, глаза прикипели к экрану, где светилось подтверждение банковской транзакции с нулевым балансом.

— Но это еще не всё, — ледяным тоном продолжал я, глядя в его расширяющиеся от ужаса глаза. — Пять минут назад на личные телефоны трех твоих старших лейтенантов в порту ушли детальные выписки с этих счетов. С пояснением, что их капо воровал деньги Семьи, пока они рисковали жизнями. Прямо сейчас твои верные парни задают себе вопрос: почему они живут на жалкие крохи, пока ты тайком копишь миллионы на островах. Если ты сейчас выйдешь из этого здания и поедешь в порт, они сами разорвут тебя на куски. Без единого приказа Витторио. Будет самосуд.

Животные инстинкты взяли верх над остатками разума. Лицо Сильвио исказилось от неконтролируемой ярости.

Он взревел, как раненый медведь, и его рука метнулась под кашемировое пальто. В тусклом свете блеснула матовая сталь тяжелого револьвера.

Он хотел выстрелить мне прямо в лицо.

Но годы сытой жизни притупили его рефлексy, а мои находились на абсолютном пике.

Моя левая рука молниеносно взметнулась вверх, жестко блокируя его запястье в тот момент, когда ствол только начал

подниматься.

Пальцы впились в болевые точки на предплечье с такой силой, что хрустнули хрящи. Сильвио вскрикнул, его пальцы непроизвольно разжались, и револьвер с глухим стуком упал на стол.

В ту же секунду моя правая рука выхватила тактический нож.

Я рванул Моретти на себя, перебрасывая его массивное тело через стеклянную столешницу.

Громадный капо рухнул на пол, расшвыряв папки. Прежде чем он успел вдохнуть, я уже стоял над ним, на смерть придавив его горло коленом.

Холодное лезвие уперлось точно в вену Сильвио, слегка проколов кожу. Выступила капля крови.

— Анатомия, Сильвио, — прошептал я в свои двадцать три года, глядя сверху вниз в его расширенные, полные паники зрачки.

— Клинок должен войти под углом в сорок пять градусов. Пятнадцать секунд до потери сознания. Ты хочешь про-

верить, забыл ли я уроки Беллини?

Он отрицательно замотал головой так сильно, как только позволяло прижатое к полу горло, издавая жалкие, булькающие звуки.

Весь его гонор, вся его мнимая власть испарились без следа, оставив только скулящий страх.

Я медленно убрал лезвие, поднялся на ноги и брезгливо поправил манжеты рубашки.

— Вставай.

Он с трудом поднялся на четвереньки, затем на ноги, держась за горло и тяжело дыша. Он больше не смел смотреть мне в глаза.

— У тебя два варианта, Сильвио, — мой голос снова стал деловым и ровным. — Первый: ты едешь в порт, и твои преданные собаки рвут тебя на части. Второй: прямо сейчас ты звонишь лейтенантам. Говоришь, что состояние здоровья не позволяет тебе больше управлять терминалами, и добровольно передаешь все полномочия Семье. А затем берешь билет до Буэнос-Айреса на чартер, который я для тебя забронировал. Если попытаешься вернуться в Европу - я най-

ду тебя и закончу начатое.

Он судорожно сглотнул. Выбора у него не было.

Дрожащими руками он взял свой телефон и набрал номер, ломающимся голосом отрекаясь от своей империи.

Завершив звонок, он забрал фальшивый аргентинский паспорт, который я бросил ему на стол.

Не сказав больше ни слова, старый волк побрел к выходу, шаркая ногами.

Дверь из смежного коридора бесшумно открылась.

В серверную вошел Витторио Романо. Он всё это время находился за тонированным стеклом соседней комнаты наблюдения.

Дон медленно подошел к столу. Он посмотрел на разбросанные папки, на капли крови Моретти на полу, а затем перевел взгляд на меня.

В его стальных глазах светилась глубокая, монументальная гордость.

Он молча протянул руку.

Это больше не было рукопожатие наставника и ученика. Это было рукопожатие равных.

— Ты не просто отсекаешь гниющую конечность, Адриан, — произнес Витторио, и его голос звучал так торжественно, словно он зачитывал приговор.

— Ты забрал его деньги, забрал его людей и оставил ему только животный страх. Ни капли крови на репутации Семьи. Ты превзошел нас всех.

Витторио подошел к бару, налил виски себе и мне, затем поднял бокал, салютуя.

— Завтра утром ты официально займешь должность управляющего «VESPER». Порты, казино, транзиты, безопасность — всё это теперь в твоих руках. Я буду наблюдать. Но править будешь ты.

Мы выпили в тишине.

В ту ночь двадцатитрехлетний Адриан Винченцо окончательно убил в себе последние остатки прошлого.

Тот мальчишка, который выживал в трущобах Сиракуз, исчез навсегда.

На его месте родился абсолютный, выверенный монстр, сплетенный из ледяных цифр Росси, анатомической жестокости Беллини, боевых инстинктов Марчелло и монументальной власти Витторио Романо.

Я стал Управляющим «VESPER».

Серым кардиналом.

Человеком, чье имя произносили шепотом на всем Лазурном берегу.

Я занял свое место по правую руку от Дона, и мы смотрели на город через панорамные окна, зная, что этот мир принадлежит нам.

И ничто, ни одна сила в Европе, не способна была пошатнуть этот незыблемый порядок.

Архитектура нашей власти была совершенной.

И я собирался защищать ее любой ценой.

Глава 12. Она

Адриан Винченцо

В нашем бизнесе выживают только те, кто умеет считать доли секунды, читать чужие мысли по едва заметному расширению зрачков раньше, чем рука оппонента успеет скользнуть под полу пиджака за оружием, и жестко, безжалостно, с хирургической точностью вырезать из себя собственные эмоции.

Я усвоил это правило так же крепко, как собственное имя, как вес снаряженного пистолета в руке, как угол наклона клинка при ударе в сонную артерию.

Эмоции - это ржавчина на идеально отполированных шестеренках власти.

Страх заставляет совершать фатальные ошибки, заставляя пальцы дрожать на спусковом крючке.

Гнев ослепляет, сужая периферийное зрение и заставляя бросаться в расставленные капканы.

Привязанность - худшее из зол. Она делает тебя уязвимым, превращая в идеальную, неподвижную мишень для тех, кто привык бить в спину.

Чтобы управлять империей уровня «VESPER», чтобы выжить рядом с таким монументальным хищником, как Витторио Романо, нужно было стать абсолютно пустым, идеально откалиброванным сосудом, до краев заполненным лишь хо-

лодной логикой, сухими цифрами и первобытным расчетом.

Именно таким я и стал.

Я выстроил себя заново, кирпич за кирпичом, отсекая всё человеческое.

Дождливый полумрак за панорамными окнами комплекса неохотно уступал место тяжелым, золотистым лучам закатного солнца, пробивающимся сквозь тучи над Лигурийским заливом.

В это время суток, в тот тягучий час между пятью и шестью вечера, казино «VESPER» застывало в той хрупкой, почти благоговейной тишине, которая бывает только перед началом настоящей, разрушительной бури.

Утренняя смена клининга уже закончила до зеркального блеска полировать черный мрамор полов и хрустальные капли гигантских люстр, а вечерние гости - акулы теневого бизнеса, коррумпированные европейские политики, дипломаты и пресыщенные наследники старых состояний - еще не начали съезжаться к парадному входу на своих бронированных лимузинах.

Я стоял в глубокой, спасительной тени галереи второго этажа - в зоне, которую Витторио Романо доверил под мой полный операционный контроль ровно два года назад.

Отсюда весь необъятный, застеклённый зал главного уровня просматривался как на ладони.

Пустующие игровые столы с безупречным зеленым сукном, тяжелый, поглощающий звуки шагов бордовый ковер,

латунные стойки и массивные двери - всё это было моей шахматной доской.

Каждая деталь этого места была выверена, просчитана и утверждена мной лично.

Я знал здесь каждый миллиметр.

От скрытых путей экстренной эвакуации и тщательно замаскированных слепых зон десятков камер наблюдения до снайперских точек на верхних ярусах, откуда простреливался любой угол зала.

За моими широкими плечами уже были долгие годы суровой, беспощадной, выматывающей душу школы Синдиката.

Из оборванного, вечно голодного мальчишки, вытащенного Витторио из нищеты, грязи и раскалённой пыли трущоб Сиракуз, я превратился в человека, чьё имя в Лигурии и далеко за её пределами заставляло говорить тише даже самых дерзких и отмороженных капо.

В свои двадцать четыре года я научился быть хладнокровным, безупречным, не дающим сбоям механизмом.

Я искренне, всем своим черным сердцем верил, что Витторио Романо давно выжег из меня всё лишнее.

От меня прежнего не осталось ничего.

Лишь сухая, параноидальная расчетливость гениального казначея синьора Росси, звериные, смертоносные инстинкты моего учителя ближнего боя Марчелло и абсолютная, монолитная, фанатичная верность Семье Романо.

Мой внутренний мир был хирургически стерилен.

В нем не было места непредсказуемым переменным, случайным импульсам или неконтролируемым желаниям.

В правой руке я держал тяжелую, прошитую суровой нитью кожаную папку с документами из швейцарского банка.

Это были бумаги высочайшего уровня секретности, закрывающие сложнейшую многомиллионную сделку по отмыванию теневых капиталов через длинную, запутанную цепочку альпийских трастовых фондов и фиктивных благотворительных организаций.

Многomesячная работа синьора Росси и моя личная архитектура безопасности, воплощенная в шестидесяти страницах сухого юридического текста.

Мне нужно было лишь спуститься и отдать их Витторио для финальной подписи.

Пора было идти на первый этаж.

Но я медлил. Я застыл за массивной мраморной колонной, сливаясь с темнотой, не делая ни единого шага вперед по одной простой и совершенно иррациональной, пугающей причине.

Внизу, между безмолвными игровыми столами, медленно шла она.

Пятнадцатилетняя Изабелла Романо.

Ей абсолютно нечего было делать здесь - среди этого роскошного, сверкающего позолотой храма человеческих грехов, пролитой крови и затаенного порока.

Среди витающих в прохладном воздухе запахов старин-

ной мебели, десятилетиями впитывавшей в себя липкий пот и отчаяние проигравших целые состояния людей, среди ароматов тонкой итальянской кожи.

Она была девочкой из совершенно иного, параллельного измерения - из кристально чистого мира закрытых элитных швейцарских пансионатов, строгой классической музыки, утреннего солнца, белоснежных блузок и абсолютной, непробиваемой безопасности.

Девочкой, которую Витторио Романо сегодня впервые решил вытащить из-под надежного пуленепробиваемого стеклянного колпака и привезти сюда, в самое логово зверя, чтобы, как он сухо выразился на утреннем брифинге охраны, «показать наследнице реальную изнанку нашего семейного бизнеса».

Я ожидал увидеть испуганного, зажатого тепличного ребенка.

Типичную избалованную мафиозную принцессу, которая будет жаться к пиджаку деда, пугливо озираться по сторонам с брезгливостью или, наоборот, с наивным, глупым восторгом, совершенно теряясь в подавляющих масштабах этого мрачного здания.

Но я фатально ошибся.

И эта ошибка стала самым первым, едва уловимым, но критическим сбоем в моей идеальной, безотказной системе.

Она шла по залу главного казино не как робкая гостя.

Она ступала по этим бордовым коврам как полноправная,

рожденная для власти наследница.

Я, годами натренированный читать язык человеческого тела, как открытую, напечатанную крупным шрифтом книгу, жадно и неотрывно фиксировал каждую деталь её облика с высоты своего укрытия.

В её размеренных шагах не было ни грамма суетливости или нервозности. Её спина была идеально, неестественно прямой, но не от мышечного напряжения или страха, а от врожденной, вшитой в ДНК непоколебимой гордости, которая передается исключительно с кровью старых боссов.

Изабелла вела кончиками тонких, аристократичных, почти прозрачных пальцев по полированному, лакированному красному дереву бортика французской рулетки, замороженно, с холодным академическим интересом разглядывая идеальную геометрию секторов колеса.

Тяжелые, блестящие пряди ее густых рыжих волос, вспыхивающих яркой, обжигающей медью под холодным светом хрустальных люстр, мягкими волнами спадали на хрупкие плечи.

Она не смотрела с открытым ртом на роскошные плафоны, не разглядывала лепнину или позолоту на стенах, как это делали обычные туристы.

Её взгляд был цепким, сканирующим, анализирующим - пугающе взрослым для пятнадцатилетнего подростка.

В ней не было ни капли животной паники перед темной аурой этого места.

«VESPER» всегда давил на новичков своим мрачным, подавляющим величием, но Изабелла Романо, казалось, совершенно не собиралась прогибаться под его колоссальной тяжести. Она просто принимала его как данность.

Как часть своей будущей империи.

Когда Витторио неторопливо подошел к ней со спины и что-то негромко сказал, по-отечески тепло обняв внучку за плечи, она повернула к нему лицо и ответила с такой спокойной, ледяной и уверенной грацией, что старый Дон, обычно скупой на любые проявления чувств, искренне и громко рассмеялся, похлопав ее по руке.

Именно в эту секунду, наблюдая за ними сверху, я понял, чем она так радикально отличалась от всех людей, которых я когда-либо знал.

В моем жестоком, черно-белом мире люди строго делились на две категории: те, кто безвольно подчинялся из страха за свою жизнь, и те, кто отчаянно пытался доминировать из-за своей непомерной жадности и амбиций.

Изабелла не вписывалась ни в одну из этих примитивных схем.

В свои пятнадцать лет она уже несла в себе тот самый стальной, негибаемый, монументальный стержень Витторио Романо. В этой хрупкой, тонкой, невероятно юной девочке крепко спал настоящий, кровожадный хищник.

И самое страшное заключалось в том, что она сама еще даже не подозревала о разрушительной силе, скрытой в её

крови.

Я понял, что оттягивать момент нашей встречи больше нельзя. Любая задержка, любое колебание в моем мире - это мгновенная потеря контроля над тактической ситуацией.

Я плавно, словно отделившись от колонны тень, сделал шаг из мрака галереи, открываясь их взглядам и попадая в круг света.

— Витторио, документы из швейцарского банка доставлены. Ждут вашей финальной подписи.

Мой голос прозвучал ровно так, как и должен был звучать голос идеального Управляющего: глубоко, бархатно, размеренно, с той самой ледяной, бескомпромиссной металлической жесткостью, которую я годами чеканил на многочасовых допросах и деловых переговорах.

Я начал медленно, отмеряя каждый шаг, спускаться по широкой, изогнутой парадной лестнице.

На мне была черная, сшитая на заказ миланскими портными шелковая рубашка с небрежно расстегнутыми верхними пуговицами и закатанными до локтей рукавами.

На моей левой скуле всё ещё неприятно поднывал тонкий, аккуратный багровый шрам от свежего ножевого ранения, полученный во время кровавой стычки с картелем.

Это уродливое клеймо было наглядным, жестоким напоминанием всем вокруг о том, как дорого стоит власть на этом побережье и сколько чужой и своей крови нужно пролить, чтобы удержать за собой кресло.

Она обернулась на звук моего шагов.

Изабелла мгновенно затаила дыхание, и я, натренированный долгими пыточными сессиями считывать малейшие, неконтролируемые изменения в физиологии людей, отчетливо зафиксировал этот микроскопический, предательский сбой в ритме её грудной клетки.

Ее пухлые, девичьи губы чуть приоткрылись, а прозрачно-голубые глаза резко расширились от неожиданности.

Мой цепкий, холодный взгляд за долю секунды скользнул по пустому пространству зала, профессионально фиксируя полное отсутствие личной охраны деда в радиусе пятнадцати метров, и тяжело остановился на ней.

Я смотрел на неё абсолютно привычно - хладнокровно, сканируя каждый дюйм, применяя свою обычную, годами отработанную парализующую тактику психологического подавления.

Эту тактику я использовал каждый день: она заставляла взрослых, матерых убийц и седовласых капо опускать глаза, нервно сглатывать и запинаться на полуслове.

Я обрушил на эту пятнадцатилетнюю девочку всю тысячетонную тяжесть своего ледяного взгляда, ожидая, что она, как и все нормальные люди, немедленно съежится, отведет глаза в пол, покраснеет от испуга или трусливо спрячется за широкую спину деда.

Но то, что я увидел в следующую секунду, навсегда перечеркнуло все мои протоколы.

Она не отвела взгляд.

Вместо этого Изабелла упрямо, с каким-то отчаянным, самоубийственным вызовом вздернула свой острый подбородок, изо всех сил стараясь выдержать этот сокрушительный психологический удар.

Принять его с гордо поднятой головой.

В её пронзительных голубых глазах полыхал упрямый, непокорный, совершенно дикий огонь, но за ним - словно тонкая, готовая треснуть ледяная корка на весеннем озере - скрывалась глубокая, сбивающая с толку, совершенно беззащитная девичья растерянность.

Она никогда в своей стерильной, защищенной жизни не видела таких мужчин.

Её уютный мир, состоящий из вежливых, рафинированных наследников швейцарских банкиров, строгих седовласых учителей пансиона и бесшумной, невидимой прислуги, абсолютно не готовил её к лобовому столкновению с человеком вроде меня.

С человеком, от которого за версту разило порохом, пролитой кровью, неконтролируемой властью и холодной смертью.

Она смотрела на меня, широко распахнув свои ледяные глаза, и я, как замороженный, наблюдал, как по её бледным, фарфоровым щекам, по изгибу тонкой шеи и хрупкой ключице стремительно разливается густой, предательски горячий румянец.

Она выдерживала мой тяжелый взгляд, не моргая, но я видел, что это противостояние стоит ей колоссальных, почти физических усилий.

Её парадоксальным образом тянуло ко мне, к этой незнакомой, магнетической опасности, исходящей от моей фигуры, и одновременно с этим бросало в первобытную, неконтролируемую дрожь.

В этот самый момент мой ледяной, годами отточенный эмоциональный контроль дал первую ощутимую, пугающую, фундаментальную трещину.

Мой собственный пульс, который не ускорялся даже под дулом приставленного к виску пистолета, резко выбил два рваных, болезненно тяжелых удара, отозвавшихся где-то в горле пересохшим, удушливым спазмом.

Вот оно.

То, что впервые в жизни пробило мою титановую броню. Это была далеко не её юная, расцветающая красота - на верхних этажах этого казино ежедневно вращались десятки самых красивых, искушенных и дорогих женщин Европы.

Меня зацепил этот невозможный, взрывоопасный коктейль из врожденной, королевской гордости истинной Романо и абсолютной, трепещущей, беззащитной растерянности перед той самой темной, жестокой стороной реального мира, которую я собой в ту секунду олицетворял.

Она была единственной, пронзительно живой аномалией в моем мертвом, математически выверенном мире.

«Повышенная угроза в секторе. Риск компрометации протоколов безопасности», - инстинктивно, словно включив аварийную сирену, сформировал мысль мой натренированный мозг, отчаянно пытаюсь защитить свою целостность.

Я привычно уцепился за эту сухую, казенную формулировку.

Оценка рисков.

Безопасность внучки Главы.

Ничего больше.

Просто работа.

— Адриан, — Витторио приветственно кивнул мне, мягко отпуская плечо внучки.

Я мгновенно отметил про себя, с каким подчеркнутым, нарочитым уважением старый босс обращается ко мне в её присутствии.

Это был не просто жест вежливости. Это был прямой, недвусмысленный знак для нее.

Знак того, кто именно перед ней стоит, и каким весом в этой империи обладает человек со шрамом.

— Подойди ближе, мальчик. Я хочу, чтобы ты наконец познакомился с моей единственной внучкой. Изабель, дорогая, это Адриан. Человек, который понимает этот жестокий бизнес лучше, чем кто-либо другой. Мой самый лучший, самый безжалостный ученик и моя абсолютная правая рука.

Я бесшумно, скользящим шагом сократил расстояние между нами, остановившись ровно в паре шагов от деревян-

ного бортика рулетки, за который она цеплялась.

Воздух между нами в эту секунду будто физически сгустился, превратившись в вязкую смолу, натянувшись, как струна скрипки перед тем, как лопнуть от невыносимого напряжения.

От неё пахло чем-то невыносимо чистым, весенним, юным и бесконечно недостижимым для таких, как я.

Это был легкий, кружащий голову аромат цветущего миндаля, свежего океанского ветра и дорогого детского мыла.

— Рад нашему знакомству, Изабелла, — негромко произнес я, слегка, ровно на пару градусов, склонив голову в сдержанном полупоклоне.

Мой голос был низким, бархатным, вежливым, но при этом совершенно непроницаемым, не выражающим ни единой эмоции.

Она судорожно сцепила тонкие, бледные пальцы перед собой в замок, явно пытаясь унять предательскую легкую дрожь в руках, но свои невероятные голубые глаза так и не опустила.

Она продолжала бурить меня этим взглядом, в котором теперь отчетливо читался острый, препарирующий, истинно романовский интеллект, густо смешанный с чистым, девичьим трепетом и испугом.

— Дедушка говорит, что вы контролируете правила в этом месте, — наконец произнесла она.

Её голос слегка дрогнул на первом слове, выдавая её ко-

лоссальное смущение и волнение с головой, но она, сделав над собой титаническое усилие, тут же взяла себя в руки, виртуозно добавив в тон властных, требовательных, ледяных ноток, скопированных у Витторио.

Она сказала это так, словно уже проверяла меня на прочность.

Словно пробовала свою будущую власть на вкус.

В её интонации, в изгибе бровей звучало негласное, отчаянное послание: «Ты пугаешь меня до дрожи в коленях, но я скорее умру, чем покажу тебе это».

На моих губах, вопреки всей моей хваленой выдержке, появилась едва заметная, почти призрачная, кривая усмешка.

Я медленно опустил взгляд на ее тонкие, мелко дрожащие пальцы, на побелевшие костяшки, а затем снова, с удвоенной силой, заглянул в самую бездонную глубину её голубых глаз.

Внутри, где-то очень глубоко под ребрами, там, где у обычных людей должно было находиться сердце, меня внешне обжёг странный, чужеродный, невероятно сильный и опасный импульс.

Дикое, нелогичное желание прямо сейчас схватить её за руку, увести, уберечь её от этого гнилого, пропитанного кровью и ложью мира.

Вышвырнуть её за массивные двери казино, посадить в самолет и отправить обратно в Альпы, чтобы она никогда, ни при каких обстоятельствах не увидела, как в этих стенах ло-

маются судьбы, как люди теряют всё, как проливается кровь на этот бордовый ковер.

И одновременно с этим - другое, еще более темное, почти первобытное, собственническое желание.

Желание сломать эту её невероятную, дерзкую гордость.

Желание встать перед ней глухой, непробиваемой бетонной стеной, заслонить собой весь её горизонт, чтобы ни одна мразь из нашего Синдиката, ни один из этих стервятников, ожидающих смерти Витторио, никогда не посмел коснуться её даже мимолетным, сальным взглядом.

Глядя на неё, я с кристальной, пугающей ясностью понял одну вещь: если старик Витторио умрет сегодня ночью от инфаркта, эти шакалы - Воргасы, Ковальски, миланцы - разорвут эту девочку на куски в течение суток.

Они уничтожат её просто потому, что она слишком гордая, слишком упрямая и слишком похожа на деда, чтобы просить у них пощады.

И я был единственным человеком в этом зале, единственным во всей Европе, кто мог превратить её из потенциальной, обреченной жертвы в абсолютную, недостижимую королеву.

«Это просто твоя верность Витторио. Ты - его клинок. Ты - его казначей. Ты должен беречь его наследие. Не более того», — в очередной раз отчеканил суровый, аналитический голос моего разума, безжалостно, железной хваткой загоняя эту пугающую, обжигающую вспышку эмоций в самый тем-

ный, заколоченный угол моего подсознания.

— Правила, о которых говорит ваш дедушка, созданы исключительно для того, чтобы наши гости чувствовали себя в абсолютной безопасности, принцесса, — тихо, почти вкрадчиво сказал я.

Я сделал один едва заметный, скользящий, хищный шаг вперед.

Я намеренно, нарушая все протоколы субординации, накрыл её своим присутствием, своей темной аурой, грубо вторгаясь в её личное, безопасное пространство.

Я уловил, как она, не в силах сдержаться, судорожно вдохнула воздух, и этот тихий, испуганный звук почему-то стал для меня слаще любой крупной победы над конкурентами или миллионной прибыли.

— Но настоящая, реальная власть, Изабелла, всегда начинается там, где эти правила заканчиваются, — закончил я фразу, не отрывая взгляда от ее расширившихся зрачков.

— Адриан абсолютно прав, моя дорогая, — мягко, с легкой хрипотцой вмешался Витторио.

Старый, седовласый лис с нескрываемым, цепким, очень внимательным интересом всё это время наблюдал за нашей импровизированной, немой дуэлью взглядов.

Он всё видел.

Он замечал каждую деталь: и её румянец, и мой сократившийся шаг. От него невозможно было утаить ничего.

— Но Изабель считает, что днем в нашем казино слиш-

ком тихо и скучно. Ей кажется, что «VESPER» спит, словно ленивый кот на солнце.

Я медленно покачал головой, всё еще не сводя с Изабеллы своего тяжелого, пронизывающего взгляда.

Я видел, как румянец на её нежных щеках становится всё гуще, заливая шею, как она отчаянно, кусая губы, пытается скрыть свою дрожь за этой упрямой, вздернутой маской.

Она была потрясающе, невыносимо живой.

Абсолютно живой, трепещущей от страха и гордой одновременно.

Это внезапное осознание её хрупкости и силы ударило меня под дых сильнее, чем любой профессиональный хук Марчелло на ринге.

— Эта тишина крайне обманчива, Изабелла, — мой голос упал до низкого полусшепота, вибрируя в гулкой пустоте огромного зала и, казалось, проникая прямо ей под кожу, заставляя волосы на её руках встать дыбом. — Это место никогда не спит. Оно просто терпеливо ждет своего часа. И... запомните одну вещь. Некоторые места и некоторые люди выбирают нас задолго до того, как мы сами думаем, что выбираем их.

Я не стал дожидаться ее ответа.

Развернувшись с идеальной, выверенной резкостью, я молча передал кожаную папку с швейцарскими документами подошедшему охраннику из личной свиты Дона.

Затем, не оглядываясь, легкой, бесшумной походкой ноч-

ного хищника направился к скрытым служебным лифтам, ведущим прямым к моему кабинету на шестом этаже.

Спину жгло невыносимым огнем.

Я буквально физически, каждой напряженной нервной клеткой ощущал её пронзительный, неотрывный взгляд между своих лопаток.

Я точно знал: она смотрела мне вслед не с отвращением и не с простым детским страхом.

Она смотрела со жгучим, обжигающим интересом и глубоким, неосознанным, пугающим её саму смятением.

Я упорно, до боли в висках уверял себя, широко шагая по пустынному коридору с мягким ковровым покрытием, что всё произошедшее - это лишь мой холодный, циничный профессиональный анализ.

Что меня волнует исключительно безопасность единственной законной наследницы Синдиката, ведь теперь именно она - главная, самая уязвимая фигура на нашей геополитической шахматной доске.

Я агрессивно убеждал себя, что мой учащенный пульс, который я не мог успокоить до самого лифта - это просто банальная реакция организма на новую, непрогнозируемую переменную в моей идеальной системе, требующую немедленного переписывания всех существующих протоколов охраны.

Но стоя там, в зеркальной кабине скоростного лифта, бесшумно поднимающемся на шестой этаж, глядя на свое хо-

лодное отражение со шрамом на щеке, я ещё не знал, как жестоко, как фатально я ошибаюсь.

Я не знал, сколько раз мне придётся, навсегда забыв о холодных, рациональных расчетах старого синьора Росси, закрывать её своим телом от свинцовых пулемётных очередей в узких, грязных лигурийских переулках.

Я не мог в ту минуту даже представить, как глубоко эта неосознанная, глухая, отравляющая, как медленный яд, симпатия к её несгибаемому, гордому стержню вращается в мои кости.

Как она методично ломает все мои тщательно выстроенные психологические защиты, сотрет в пыль мою хваленую, непробиваемую логику и, в конце концов, заставит меня перевернуть, сжечь и уничтожить весь этот преступный мир только ради неё одной.

Витторио поднялся ко мне в кабинет через час, когда солнце уже окончательно скрылось за горизонтом.

Я стоял у огромного панорамного окна, неподвижно глядя на раскинувшийся внизу город, который уже начал тонуть в россыпи вечерних желтых огней.

Мои руки были сцеплены за спиной в жесткий, напряженный замок.

Папка со швейцарскими документами, уже скрепленная размашистой подписью Дона, лежала на моем идеальном, пустом столе из черного дерева.

Витторио вошел в кабинет и опустился в глубокое кожан-

ное кресло для гостей.

— Она очень красивая девочка, не так ли? — неожиданно тихо, без привычных властных интонаций произнес старик, глядя не на меня, а на ровный огонь в декоративном газовом камине.

— Она - ваша родная кровь, Дон Витторио. Одного этого факта вполне достаточно, чтобы считать ее абсолютно исключительной, — дипломатично, ровно, без единой лишней эмоции ответил я, даже не оборачиваясь от окна.

Витторио издал короткий, сухой смешок, похожий на шелест сухих листьев.

— Оставь этот ледяной, вежливый тон для своих переговоров с французами, Адриан. Не держи меня за идиота. Я знаю тебя с тех самых пор, как ты, грязный и голодный, не мог правильно держать вилку за моим столом. Я видел, как ты на нее смотрел пятнадцать минут назад. И, что гораздо важнее, я видел, как *она* смотрела на тебя.

Я медленно, словно нехотя, повернулся.

Мое лицо оставалось привычной, непроницаемой маской, высеченной из мрамора.

— Вы привели её сегодня сюда совершенно не для того, чтобы показывать, как крутится рулетка.

— Ты, как всегда, дьявольски прав, — Витторио перестал улыбаться. Его лицо мгновенно, по щелчку, стало суровым, постаревшим, изрезанным глубокими тенями от каминного света.

— Я привел её сюда именно сегодня, потому что она должна, наконец, узнать, какой именно зверь веками дремлет в подвалах её собственной семьи. Я не вечен, Адриан. Лучшие швейцарские врачи могут говорить мне что угодно за мои миллионы, но я сам чувствую, как необратимо замедляется мое время. Я чую запах земли. Когда меня не станет, этот прекрасный теневой мир, которым мы с тобой управляем, попытается её сожрать живьем. Варгас в Испании, Ковальски на севере, эти беспринципные миланцы - все они сейчас улыбаются мне в лицо и пьют мое вино, но они с огромной радостью, не задумываясь ни на секунду, разорвут эту девчонку на части, чтобы забрать под себя «VESPER» и наши порты.

Дон поднял на меня свой по-прежнему тяжелый, властный, пронзительный взгляд, от которого у многих леденела кровь.

— Я строил всю эту империю только для неё. Это её наследие. А тебя, Адриан, я годами ковал в крови и цифрах для того, чтобы эту империю было кому защитить, когда мои руки окончательно ослабнут.

— Моя верность Семье не обсуждается, — жестко, с металлом в голосе ответил я, сделав широкий шаг к столу. — Вы это прекрасно знаете. Я обеспечу её полную физическую безопасность и бесперебойную передачу всех активов, когда придет время. Ни одна собака не посмеет тронуть главного акционера клана Романо.

— Одной безопасности недостаточно! — впервые за очень долгое время Витторио повысил голос, ударив тростью в пол, и в этом звуке прорезался глухой, яростный рык старого, раненого льва.

— Она не должна быть просто номинальным акционером, сидящим в Женеве! Она должна стать истинной Хозяйкой этого места! Она должна править ими всеми так же жестко, как правлю я. А для этого ей нужен тот, кто научит её быть безжалостной. Кто станет её непробиваемым щитом, её острым клинком и её расчетливым разумом на те годы, пока она не окрепнет достаточно, чтобы перегрызть им глотки самостоятельно.

Старик, тяжело дыша, опираясь на подлокотники, поднялся на ноги.

Он подошел ко мне вплотную, не обращая внимания на разницу в росте, и заглянул прямо, бесстрашно в мои холодные глаза.

— Ты - мой лучший архитектор тени, Адриан. Ты виртуозно контролируешь цифры, людей, логистику и животный страх. Я доверяю тебе свои огромные деньги, свои ключевые порты и свою собственную жизнь каждый день. Но сегодня, в этом кабинете, я возлагаю на твои плечи самое тяжелое, самое невыносимое бремя из всех возможных. С этого самого дня Изабелла - твоя личная, абсолютная ответственность. Если кто-то на этом побережье посмотрит на нее косо - ты без колебаний вырвешь ему глаза. Если кто-то попытается

украсть хотя бы цент из ее наследия - ты уничтожишь его род, выжжешь его семью до третьего колена. Ты понял меня, Адриан?

Я молча смотрел в выцветающие, но всё еще полные колоссальной, подавляющей власти глаза старого Витторио Романо.

В этот самый момент я кристально ясно понял, что невидимая, стальная ловушка захлопнулась окончательно и бесповоротно.

Мой стерильный, математически идеальный, выверенный мир больше мне не принадлежал.

В него навсегда, намертво вписали константу, которую я никогда не смогу контролировать, но которую с этой минуты был обязан защищать ценой своей собственной жизни, чести и рассудка.

— Я понял вас, Витторио, — негромко, но твердо произнес я. И это прозвучало не как клятва верного подчиненного. Это прозвучало как фатальный приговор самому себе. — Ни одна тварь в этом мире не прикоснется к ней, пока я дышу. Я вам клянусь.

Дон медленно, удовлетворенно кивнул, словно сбросив с плеч десяток лет.

Он развернулся и, молча покинул мой кабинет, оставив меня наедине с этим новым, пугающим обязательством.

Я остался один в наступающей темноте.

Не включая свет, я подошел к длинному операторскому

пульту и привычным движением вывел на центральный монитор картинку с закрытых камер наблюдения из восточного крыла, где располагались роскошные гостевые апартаменты семьи.

На одном из экранов я сразу же увидел её.

Изабелла стояла на открытом балконе, плотно кутаясь в светлую кашемировую шаль, и неотрывно смотрела на бушующее, черное Лигурийское море, которое уже начинало штормить.

Холодный вечерний ветер безжалостно трепал её густые рыжие волосы, бросая их ей на лицо. Но она не уходила в тепло комнаты.

Даже на тусклом, зернистом экране камеры ночного видения её маленький, хрупкий силуэт излучал ту самую дикую, непокорную, королевскую грацию, которая зацепила меня в зале казино.

Я смотрел на этот мерцающий экран, чувствуя, как холодный, десятилетиями выверенный механизм внутри меня начинает с пугающим скрежетом, непоправимо и навсегда ломаться.

Я был Серым Кардиналом Лигурии, безжалостным Управляющим, не знающим ни страха, ни пощады.

Я мог разрушить чужой бизнес одним телефонным звонком.

Но, стоя в темноте и глядя на эту пятнадцатилетнюю девочку, кутающуюся от ветра, я уже точно знал: ради того,

чтобы этот яростный, упрямый огонь в её голубых глазах никогда не погас, я, не раздумывая ни секунды, буду готов сжечь весь этот чертов город до самого основания.

Глава 13. Иллюзия контроля

Адриан Винченцо

Черный бронированный «Майбах» мягко отъехал от панорамного входа «VESPER», увозя Изабеллу Романо в аэропорт.

Оттуда частный борт должен был доставить её обратно в стерильный, безопасный мир швейцарских Альп.

Я стоял у панорамного окна своего кабинета на шестом этаже, заложив руки за спину, и провожал взглядом колонну из трех машин, пока она не растворилась в утреннем тумане геновских улиц.

Она уехала.

Логика, на которой базировалось всё мое существование, подсказывала, что система должна вернуться в исходное состояние.

Угроза покинула сектор.

Протоколы безопасности можно было перевести в стандартный режим.

Сердцебиение комплекса должно было выровняться, а мой собственный пульс - вернуться к привычным, ледяным шестидесяти ударам в минуту.

Но этого не произошло.

Прошли сутки. Затем неделя. Затем месяц.

А фантомное присутствие пятнадцатилетней девчонки с

глазами цвета сколотого льда продолжало отравлять мою безупречную архитектуру.

Я чувствовал этот сбой физически.

Проходя по галерее второго этажа, я ловил себя на том, что мой взгляд автоматически ищет у стола рулетки тонкую фигурку с огненно-рыжими волосами.

Вдыхая запах сигарного дыма и дорогого алкоголя в VIP-залах, мой натренированный мозг вдруг вычленил из этой тяжелой смеси несуществующий, призрачный аромат свежего ветра и цветущего миндаля.

Это было неприемлемо.

Это было смертельно опасно.

Я попытался выжечь эту аномалию единственным доступным мне способом - через боль и физическое изнеможение.

Каждое утро, задолго до рассвета, я спускался на минус первый этаж, в царство Марчелло.

Запах пота, резины и запекшейся крови всегда действовал на меня отрезвляюще.

Я заставлял старого капо выставять против меня сразу троих лучших бойцов из личной гвардии Витторио. Я дрался с ними без защиты, на голых кулаках, превращая тренировочные маты в кровавое месиво.

Я блокировал удары, ломал им ребра, проводил удушающие захваты с такой первобытной, неконтролируемой яростью, что даже Марчелло, видевший в этой жизни всё, начинал хмуриться.

В одно из таких утёр, когда я жестким, вкручивающимся ударом отправил в нокаут третьего бойца, сломав ему челюсть, Марчелло бросил мне жесткое полотенце.

— Хватит, Винченцо, — прорычал старый убийца, подходя к рингу. — Ты мне половину смены покалечишь.

Я стоял посреди мата, тяжело дыша. По моему торсу капался пот, смешанный с чужой кровью. Костяшки пальцев были сбиты в кровь.

Физическая боль пульсировала в мышцах, но она не приносила того очищающего спокойствия, которого я искал.

Внутри, под ребрами, всё еще горел тот самый чужеродный огонь, который зажгла Изабелла своим непокорным взглядом.

— Они слишком медленные, Марчелло, — холодно процедил я, вытирая лицо. — Если кто-то из них будет прикрывать спину Дона при нападении, он труп. Усишь им программу.

Марчелло оперся толстыми руками о канаты и посмотрел мне прямо в глаза.

— Они работают нормально, Адриан. Это ты бьешь так, будто хочешь кого-то убить. Или... будто хочешь, чтобы убили тебя.

Я замер. Мой взгляд заледенел.

— Следи за словами, Марчелло.

— Я знаю тебя с тех пор, как ты был грязным щенком, — он не отвел взгляда. В его голосе не было страха, только тя-

желое, инстинктивное понимание. — Твое тело здесь. Твои рефлексы идеальны. Но твоя голова... она где-то в другом месте. Ты дерешься не с ними. Ты дерешься с самим собой. А человек, воюющий с собственной тенью, рано или поздно пропускает удар в спину. Приведи себя в порядок, Адриан. Иначе этот мир тебя сожрет.

Я ничего не ответил.

Перешагнув через канаты, я ушел в душевую.

Ледяная вода обжигала кожу, смывая кровь, но она не могла смыть ту ясную, парализующую мысль, которую озвучил Марчелло.

Я терял контроль.

Выйдя из подвала, я надел свою привычную броню - сшитый на заказ черный костюм-тройку, который превращал меня из уличного бойца в Серого Кардинала Лигурии.

Я поднялся на шестой этаж.

Если физическая боль не могла заглушить этот сбой, значит, нужно было утопить его в цифрах.

Я погрузился в работу с фанатичной, маниакальной одержимостью.

Я перебрал всю архитектуру безопасности «VESPER».

Я удвоил количество негласных проверок среди дилеров и крупье на первом этаже.

Я лично перечитывал каждый финансовый отчет, поступающий в аналитический центр синьора Росси.

Мои требования к подчиненным стали настолько парано-

идальными и жестокими, что младшие менеджеры бледнели и начинали заикаться, просто переступая порог моего кабинета.

Любая, даже самая микроскопическая ошибка, любое отклонение от протокола каралось мной с показательной, ледяной безжалостностью.

На третьей неделе после отъезда Изабеллы вскрылась проблема с людьми Лео Ковальски.

Поляк попытался провести через наши портовые доки в Генуе неучтенный груз синтетических наркотиков, спрятав их в партии легальной фармацевтики.

Это была прямая, наглая проверка на прочность.

Попытка прощупать границы дозволенного.

Раньше я бы просто заблокировал груз, конфисковал товар в пользу Семьи и выставил Ковальски крупный штраф, решив вопрос тихо и дипломатично, как того требовали интересы Витторио.

Но не сейчас. Сейчас во мне бушевала темная, подавленная энергия, требовавшая выхода.

Мне нужно было доказать самому себе, что я всё еще остаюсь машиной.

Идеальным, безупречным монстром, который не знает пощады.

Я не стал звонить поляку. Я не стал предупреждать Дона.

Вместо этого я задействовал скрытые финансовые рычаги, которые синьор Росси учил меня выстраивать годами.

За сорок восемь часов я провел блестящую, убийственную по своей жестокости финансовую операцию.

Я натравил портовую таможеню не только на тот конкретный груз, но и на все подставные склады Ковальски на побережье.

Я вскрыл его резервные счета в Монако и слил их координаты финансовой полиции, предварительно обнулив треть активов в пользу офшоров «VESPER».

Я уничтожил логистическую цепь северного синдиката с хирургической, садистской точностью, не оставив ни единого следа, ведущего к Семье Романо.

Когда Ковальски, бледный от бешенства и убытков, попытался устроить скандал, я пригласил его в переговорную на шестом этаже.

Я сидел за стеклянным столом, идеально спокойный, сцепив пальцы, и смотрел на то, как старый босс задыхается от ярости, понимая, что он попал в капкан.

— Ты перешел черту, Винченцо! — рычал поляк, брызгая слюной. — Это объявление войны!

— Войны не будет, Лео, — ровно, не повышая голоса ни на полтона, ответил я. — Потому что для войны нужны деньги. А ваши транзитные счета сейчас заморожены еврокомиссарами. Груз в Генуе конфискован. Еще одно слово, еще одна попытка провести через мою территорию что-то без согласования - и завтра Интерпол получит координаты ваших складов в Гданьске.

Ковальски тяжело осел в кресло, глядя на меня с первобытным ужасом.

Он понял, что перед ним сидит не просто цепной пес Витторио.

Перед ним сидит социопат, который получает извращенное удовольствие от уничтожения чужих империй.

— Забирай свой груз, Винченцо, — прохрипел поляк, отводя взгляд. — У тебя нет сердца. Ты просто машина. И когда-нибудь эта машина сломается.

Когда он ушел, синьор Росси, молча наблюдавший за встречей из угла комнаты, медленно снял очки и протер их платком.

— Это было... избыточно, Адриан, — сухо заметил старый казначей. Его пронизательные глаза смотрели на меня с подозрением. — Ты мог ограничиться штрафом. Ты сжег его активы так, будто он нанес тебе личное оскорбление. Ты слишком перетянул гайки.

— Гайки должны быть затянуты так, чтобы ни у кого даже мысли не возникло их провернуть, — ледяным тоном отрезал я. — Комплекс должен работать как часы. Угрозы должны ликвидироваться до их возникновения.

Росси покачал головой, но спорить не стал. Он ушел, оставив меня одного.

Я подошел к панорамному окну.

Поляк ошибался.

У меня было сердце, и именно поэтому я вел себя как со-

рвавшийся с цепи психопат.

Я выжигал чужие бизнесы, ломал чужие жизни и наводил абсолютный, тоталитарный ужас на подчиненных только для того, чтобы заглушить одну-единственную мысль.

Мысль о ней.

Я был Управляющим. Человеком, который контролировал потоки грязных денег, судьбы министров и жизни сотен боевиков. Я знал секреты самых влиятельных людей Европы.

Но настоящая правда, которую я тщательно скрывал от всех, заключалась в том, что самым важным документом в моем кабинете был не финансовый баланс и не отчет службы безопасности комплекса.

Самым важным документом была тонкая черная папка, которая каждую пятницу в 23:00 ложилась на мой стол.

Это был негласный отчет из Женевы.

В тот самый день, когда Изабелла улетела обратно в Женеву, я, превысив свои полномочия и не сказав ни слова Витторио, прикомандировал к ней двух лучших агентов наружного наблюдения из нашего аналитического отдела.

Их задачей было не просто обеспечивать ее безопасность. Их задачей было фиксировать каждый её шаг.

Я запер дверь кабинета на электронный замок.

Опустил плотные жалюзи. Подошел к столу, включил лишь тусклую настольную лампу и открыл черную папку.

Внутри лежали сухие, рафинированные сводки.

Расписание занятий. Маршруты передвижения. Списки

лиц, с которыми она контактировала.

Но мой взгляд скользил мимо этого текста.

Мои пальцы жадно переворачивали страницы, добираясь до самого главного - до фотографий.

Снимки были сделаны издалека, через длиннофокусные объективы.

Вот она выходит из старинного здания библиотеки.

На ней строгая школьная форма, темно-синий пиджак и юбка, но даже эта униформа не может скрыть ту врожденную, дикую грацию, которая зацепила меня в казино.

Ветер растрепал её рыжие волосы, она смеется, глядя на что-то в руках своей одноклассницы.

Вот она сидит в кафе на набережной Женевского озера, читая книгу. Её тонкие пальцы изящно обхватывают чашку с кофе. Взгляд опущен, густые ресницы бросают тень на бледные щеки.

Вот она садится в машину сопровождения. На секунду её лицо поворачивается в сторону объектива, и я снова вижу эти невыносимо голубые глаза, в которых светится острый, пронизательный, истинно романовский интеллект.

Я сидел в полумраке своего кабинета на шестом этаже, окруженный пуленепробиваемым стеклом, серверами и миллионами евро, и подолгу, до рези в глазах всматривался в эти зернистые снимки.

В эти моменты моя ледяная броня осыпалась в пыль.

Я позволял себе то, что было строжайше запрещено.

Я позволял себе чувствовать.

Я ненавидел себя за эту слабость.

Я ненавидел то, как мой пульс ускорялся при виде её случайной улыбки на фотографии.

Я ненавидел то, что эта пятнадцатилетняя девочка, за сотни километров от Лигурии, имела надо мной больше власти, чем любой мафиозный босс.

Каждый раз, читая отчеты о том, как какой-нибудь рафинированный мальчишка из семьи швейцарских банкиров или британских аристократов пытался заговорить с ней, предложить донести сумку или пригласить на школьный вечер, во мне просыпался такой первобытный, черный, неконтролируемый гнев, что мне хотелось отправить в Женеву отряд боевиков Марчелло и переломать этим щенкам ноги.

«Она - кровь Витторио. Это просто забота об активах Семьи», — шептал мой внутренний голос, пытаясь оправдать эту одержимость.

Но я знал, что это ложь. Это не имело никакого отношения к активам или приказам Дона.

Я смотрел на её фотографии и понимал, что она - мой яд. Яд, который я добровольно впрыскивал в свои вены каждую пятницу.

Я был монстром, запертым в башне, который наблюдал за принцессой через стеклянный шар, зная, что никогда не сможет к ней прикоснуться, не испачкав её своей грязью.

Она была чистой. Она принадлежала миру классической

музыки, утреннего солнца и академических знаний.

А я принадлежал миру крови, остывшего эспрессо, сло-манных челюстей и мертвых цифр. Мои руки были по локоть в крови, чтобы её руки могли спокойно перелистывать стра-ницы книг в библиотеке.

Я закрыл папку. Убрал её в личный сейф, защищенный двойным биометрическим замком.

Код от которого знал только я.

Моя жизнь разделилась на две параллельные реальности.

Днем я был Адрианом Винченцо, безжалостным Управ-ляющим «VESPER», Серым Кардиналом, чье имя наводило ужас на всё побережье.

Я расширял влияние Семьи, давил конкурентов, отмывал миллиарды и стоял неприступной, гранитной скалой за спи-ной стареющего Витторио Романо.

Никто, ни один человек в мире не догадывался о том, что происходит внутри этой машины.

А ночью, в тишине своего кабинета, я превращался в че-ловека, который отсчитывал дни до того момента, когда она снова приедет в Лигурию.

Я знал, что эта одержимость - бомба замедленного дей-ствия. Я знал, что рано или поздно она разорвет меня изнут-ри, уничтожив всё, что я строил эти годы.

Но я больше не мог остановиться. Система была взломана, и этот вирус стал смыслом моего существования.

Я контролировал жизнь целого города, но я был абсолют-

но, безнадежно не властен над самим собой.

И я мог лишь молиться - если такие, как я, вообще имеют право на молитву, - чтобы, когда придет время, я смог защитить её от всех врагов.

Включая самого себя.

Глава 14. Архитектура изоляции

Адриан Винченцо

Контроль - это не то, что ты сжимаешь в кулаке, ломая чужие кости.

Насилие - удел пехоты, грязная, примитивная работа для тех, кому не хватает интеллекта выстроить многоходовую комбинацию.

Настоящий, абсолютный контроль - это невидимая, тончайшая шелковая нить, которую ты аккуратно и бесконечно медленно затягиваешь на чужой шее.

Затягиваешь так виртуозно, что твоя жертва до самого последнего вздоха искренне верит, будто дышит совершенно свободно и сама выбирает свой путь.

С той дождливой ночи, когда пятнадцатилетняя Изабелла впервые переступила порог моего казино и, вопреки всем законам инстинкта самосохранения, не отвела взгляд, моя жизнь дала глухую трещину.

Она превратилась в изматывающую, круглосуточную

шахматную партию. Партию, в которой я играл вслепую, за сотни километров от нее, за спиной у собственного босса.

Витторио Романо не терял времени.

Он был слишком опытным стратегом, чтобы не понимать: растить единственную наследницу великой криминальной империи в неведении больше не имеет смысла.

Но он принял решение делать это на безопасной, нейтральной территории.

Изабелла жила и училась в Женеве, в окружении академической строгости, французской литературы и классической музыки.

Именно туда, в вылизанную, стерильную Швейцарию, старик регулярно летал на частном джете, чтобы лично вводить её в дела Синдиката.

Витторио не снимал президентских люксов в пафосных отелях. Для этих целей у него была собственная вилла в Монтрё - огромная, уединенная, обнесенная высоким каменным забором, который почти полностью утопал в густом плюще.

Из её высоких окон открывался потрясающий, открыточный вид на Женевское озеро, чья зеркальная гладь в безветренные дни казалась абсолютно неподвижной, словно холодное застывшее стекло.

Я читал ежедневные отчеты своей службы наружного наблюдения и дословно знал, как проходили эти встречи.

Именно там, на террасе с видом на безмятежное озеро, старик заставлял её изучать сухие финансовые сводки, рассказывал, как на самом деле решаются вопросы о миллионных транзитах в европейских портах, учил читать между строк в контрактах и объяснял, как именно ломаются через колено упрямые конкуренты и покупаются принципиальные чиновники.

Он ковал из неё будущую Хозяйку, безжалостно, слой за слоем, отсекая любые проявления подростковой наивности, но изо всех сил старался делать это в чистой обстановке.

Без запаха пороха и крови.

Я же оставался в Генуе.

Мой статус Управляющего и Серого Кардинала намертво привязывал меня к комплексу «VESPER».

Империя требовала моего ежеминутного контроля, потоки грязных денег должны были течь бесперебойно.

Но, несмотря на расстояние, я всё это время оставался её тенью.

Невидимой, монументальной и смертоносной.

По пятницам, когда казино внизу гудело от голосов, смеха и звона фишек, я запирался в своем кабинете на шестом этаже.

Я выключал основной свет, оставляя лишь тусклую настольную лампу, и выводил на плазменный монитор её снимки, присланные агентами.

Я видел, как исчезает её девичья угловатость, уступая место хищной, породистой грации истинной Романо. Как она пьет кофе на набережной Женевского озера, как читает книгу, как ветер треплет её рыжие волосы.

Я был монстром, запертым в башне из черного стекла, который маниакально наблюдал за принцессой, зная, что никогда не сможет к ней прикоснуться, не испачкав её своей грязью.

Но Витторио, при всей своей дьявольской проницательности, совершал одну критическую, фатальную ошибку.

Он жил иллюзией.

Он верил, что сможет разделить её жизнь строго надвое: кровавая изнанка Синдиката останется для бизнеса, а для личной жизни он создаст безупречный, светский, абсолютно легальный фасад.

Старик одержимо хотел найти для неё «чистую партию».

Он искал человека с идеальной родословной. Аристократа в пятом поколении или наследника легальной, прозрачной банковской империи, который стал бы её респектабельным щитом в высшем обществе.

Витторио искренне верил, что такой брак окончательно легализует капиталы Семьи, навсегда стерев с фамилии Романо клеймо мафии.

Он начал аккуратно, словно невзначай, знакомить её с этими блестящими мальчиками. Назначал закрытые ужины в лучших ресторанах, куда приглашал нужные семьи.

Наследник текстильной мануфактуры из Флоренции, при-

ехавший в Швейцарию на экономический форум. Сын влиятельного римского сенатора. Молодой, перспективный отпрыск венецианского застройщика, только что получивший диплом Оксфорда с отличием.

Они приходили в её мир, ослепленные колоссальным богатством её деда и расцветающей, холодной красотой самой Изабеллы.

Я никогда не находился с ними в одной стране.

Я сидел в полумраке своего лигурийского кабинета, вчитываясь в стенограммы отчетов о том, как они вежливо целуют ей руки, как неловко цитируют стихи, как изо всех сил пытаются казаться старше, значительнее и умнее.

И, не выходя из кабинета, не прикасаясь к оружию, я методично, одного за другим, уничтожал их.

Я не ломал им ноги в темных переулках и не отправлял к ним боевиков Марчелло.

Это было бы слишком грубо, это привлекло бы внимание Дона и вызвало бы ненужные подозрения.

Я использовал колоссальные, невидимые миру ресурсы аналитического центра.

Моим оружием были цифры, банковские тайны и человеческие пороки. У каждого из этих «идеальных» аристократов был свой скелет в шкафу.

Нужно было лишь уметь его найти.

Когда очередной рафинированный претендент прощался с Изабеллой, окрыленный надеждами на будущий союз с кланом Романо, я спускался к серверам.

Мои люди вскрывали офшоры их респектабельных отцов.

Я сливал тщательно собранный, убийственный компромат в налоговую полицию их родных городов.

Я организовывал «случайные» скандалы: подброшенные пакеты с кокаином в бардачки их спорткаров, анонимные звонки продажным журналистам, сливы фотографий с закрытых студенческих оргий.

Если семья была кристально чиста, я искусственно, через цепочку фиктивных фондов, обрушивал акции их семейного бизнеса на бирже, загоняя их в многомиллионные долги за пару суток.

Я выжигал землю вокруг Изабеллы с хирургической, ледяной, садистской точностью.

Эти идеальные мальчики исчезали из её жизни, не успев даже понять, что произошло.

Разоренные, с позором отчисленные из своих элитных университетов, отправленные в панике родителями за океан, чтобы избежать долговых тюрем.

Никто из них, ни один человек на свете даже не подозревал, что их стерильные, благополучные жизни стерла в пыль безмолвная тень, наблюдавшая за ними с побережья Лигурийского моря.

Я делал это не потому, что они представляли угрозу для бизнеса.

Я делал это потому, что сама физическая мысль о том, что кто-то из этих тепличных, не нюхавших пороха ублюдков посмеет прикоснуться к ней, обнять её, назвать своей, вызывала во мне первобытную, черную ярость.

Мои челюсти сжимались до хруста, а пульс, обычно ровный, начинал биться в висках с такой силой, что темнело в глазах.

К середине осени, когда Изабелле исполнилось шестнадцать, Витторио совершил свой самый амбициозный ход.

Он познакомил её с Эдоардо Сфорца.

Ему было восемнадцать, он был старшим сыном владельца одной из крупнейших и старейших миланских галерей. У парня были безупречные манеры, профиль античной статуи, знание пяти языков и репутация, белая, как свежевываший альпийский снег.

Дед был им невероятно доволен и прочил им большое будущее.

Мои люди, работавшие в Женеве, прислали мне аудиозапись их встречи.

Я сидел в пустом кабинете, в полной тишине, и слушал. Качество звука было безупречным. Я слышал фоновую джазовую музыку и голос Эдоардо - бархатный, уверенный, мягкий.

Он распиался перед Изабеллой о закрытой выставке современного искусства, пытался шутить, предлагал показать ей частные коллекции в Милане.

Изабелла слушала его вежливо.

Её ответы были безукоризненными с точки зрения этикета. Но я, досконально изучивший каждую её интонацию, каждый микроскопический вздох, слышал в её голосе только абсолютный, непробиваемый лед.

Ей было скучно.

Этот рафинированный мальчик был для неё прозрачен и неинтересен.

Но я не собирался оставлять его в покое. Даже её равнодушие не было для меня достаточной гарантией.

Как только трансляция закончилась, я снял наушники и открыл терминал.

Я поднял на уши весь аналитический отдел.

Двое суток мои люди без сна рылись в грязном белье семьи Сфорца.

Безупречных людей не существует, это базовое правило нашего бизнеса.

Спустя пятьдесят часов работы я нашел то, что искал.

Слабое звено.

Отец идеального Эдоардо, уважаемый галерист, оказался скрытым, тяжелым лудоманом. Он проигрывал миллионы в подпольных казино.

Чтобы покрыть свои колоссальные долги перед азиатским синдикатом, он пошел на отчаянный шаг: он тайно продавал из своей галереи подлинники картин старых мастеров на черный рынок, а на их место выставлял высококлассные, невероятно дорогие копии, сделанные на заказ.

Это был идеальный материал для уничтожения.

Я не стал звонить в полицию. Полиция - это долго и публично, это дало бы им шанс нанять хороших адвокатов.

Я просто анонимно, через защищенные серверы на Каймановых островах, отправил результаты независимой экспертизы двум самым жестоким и мстительным коллекционерам Европы, которые за последний год приобрели картины у семьи Сфорца за астрономические суммы.

Людам, которые решали такие вопросы не в суде, а с по-

мощью кислоты и паяльника.

Два дня спустя старинная галерея в Милане была внезапно опечатана из-за "неожиданных юридических проблем", счета семьи заморожены, а идеальный Эдоардо Сфорца был вынужден бросить учебу, отключить телефон и спешно, под покровом ночи, бежать вместе с родителями в Южную Америку, чтобы скрыться от разъяренных кредиторов.

Еще одна угроза была стерта с лица земли. Мой внутренний монстр сыто зарычал и на время затих.

В конце ноября Изабелла прилетела в Геную.

У нее выдались короткие каникулы в школе, и Витторио захотел, чтобы она провела их в «VESPER».

Погода стояла отвратительная.

За огромными панорамными окнами комплекса с самого утра хлестал ледяной, косой дождь, яростно разбиваясь о бронированные стекла. Небо над заливом было свинцовым, давящим, погружая город в серые сумерки.

Вечером я поднялся на лифте в пентхаус.

Мне нужно было оставить для Витторио пачку подготовленных векселей, требующих его личной подписи. Охрана на этаже молча кивнула мне, пропуская внутрь.

В огромной гостиной было пусто. Я прошел по длинному коридору с мягким ковром, поглощающим шаги, и вошел в малую библиотеку.

Она была там.

Изабелла сидела в глубоком кожаном кресле у не зажженного камина, поджав под себя ноги. На ней были простые темные брюки и объемный, крупной вязки кашемировый свитер, который делал её еще более хрупкой на вид.

На коленях лежал массивный, раскрытый учебник по международному праву, но она не читала. Её взгляд был устремлен в пустоту, на пыльные корешки книг.

Услышав мои шаги, она даже не вздрогнула. За эти два года она научилась контролировать свое тело почти так же хорошо, как я свое.

— Еще один, Адриан, — тихо, не повышая голоса, произнесла она.

Она не повернула головы.

Я остановился у вмонтированного в стену сейфа, в десяти шагах от неё, сохраняя идеальную, безопасную дистанцию.

— О чем вы, Изабелла? — мой голос прозвучал ровно, с вежливым недоумением человека, который погружен исключительно в свои финансовые отчеты.

Она с глухим стуком захлопнула тяжелую книгу, отбросила её на журнальный столик и медленно поднялась на ноги. В приглушенном свете напольного торшера её медные волосы отливали темным, тяжелым золотом.

Её прозрачно-голубые глаза, обычно такие холодные, сейчас казались потемневшими. В них горел упрямый, вызывающий, невероятно опасный огонь.

— Эдоардо Сфорца, — её голос звенел от тщательно сдерживаемого напряжения, разрезая тишину библиотеки. — Дедушка вчера звонил из Милана. С огромным сожалением сообщил мне, что семья Сфорца внезапно оказалась в центре грандиозного криминального скандала, их бизнес уничтожен за сутки, и они находятся в бегах. Какая трагедия, не правда ли?

Я не дрогнул. Мое лицо оставалось ледяной, безупречной маской, которую невозможно было пробить.

— Крупный бизнес нестабилен, Изабелла. Люди часто совершают глупые ошибки, поддаются порокам и теряют бдительность. Это просто естественный отбор.

— Перестань лгать мне, — она сделала резкий шаг ко мне, нарушая установленную дистанцию.

В её тоне не осталось ни капли от той вежливой девочки из пансиона.

Это говорила наследница Синдиката, в жилах которой текла кровь Романо.

— Они все исчезают. Римлянин, флорентийский наследник, теперь Эдоардо. Дед может быть слеп, он может искренне верить в невероятные совпадения и злой рок. Но я вижу закономерность.

Она сделала еще один шаг. Теперь я мог разглядеть гнев, часто пульсирующий жилкой на её бледной шее.

— Даже находясь в Женеве, за тысячу километров отсюда, как только я начинаю с кем-то общаться, как только кто-

то из них дарит мне цветы или приглашает на ужин - их жизни рушатся в пыль в течение недели. Это ты, Адриан. Ты выжигаешь вокруг меня всё живое прямо из своего кабинета в Генуе. Зачем ты это делаешь?

Я медленно повернулся к ней всем корпусом.

Запах холодного дождя с улицы, проникающий через систему вентиляции, смешивался с теплым ароматом её кожи, с запахом миндаля, который я так ненавидел и так отчаянно, болезненно жаждал.

Мои мышцы налились свинцовой тяжестью.

— Ваша безопасность - мой абсолютный, первоочередной приоритет, — ровно ответил я, не отводя взгляда от её невыносимых глаз. — Эти люди слабы. Они - тепличные растения, выращенные в безопасности и комфорте. Они не смогут защитить вас, когда Витторио не станет. Они станут вашей главной уязвимостью. Они - брешь в вашей броне, Изабелла. А я не оставляю брешей.

— А кто решает, кто достаточно силен? Ты? — Изабелла вскинула подбородок, её ноздри хищно раздулись.

Она смотрела на меня с яростным, чистым вызовом.

— Ты решил запереть меня в невидимой клетке, Адриан? Решил стать моим личным надзирателем на расстоянии? Ты хочешь, чтобы вокруг меня осталась только мертвая пустота?

Тот железобетонный контроль, который я выстраивал годами, который позволял мне управлять империей и убивать людей без единой эмоции, внезапно дал глубокую, непоправимую трещину.

Я сделал широкий, хищный шаг вперед, жестко вторгаясь в её личное пространство, нависая над ней всей своей массой.

Изабелла инстинктивно затаила дыхание, её плечи напряглись, как у натянутой струны, но она не отступила ни на миллиметр.

Она выдержала этот натиск.

— В этой пустоте никогда не будет никого, кроме Семьи, принцесса, — мой голос сорвался, понизившись до глухого, вибрирующего рыка, от которого, казалось, завибрировали стекла в книжных шкафах. — И если мне придется разорить, сломать и стереть в порошок еще сотню таких чистень-

ких, идеальных, бесполезных мальчиков, чтобы вы остались в безопасности - я сделаю это. И не моргну глазом.

Я смотрел в её лицо, бледное в свете лампы, на её приоткрытые губы, чувствуя, как монстр внутри меня, годами спавший в темноте, с ревом рвется наружу, требуя немедленно заявить на неё свои права.

— Привыкайте, Изабелла, — почти беззвучно произнес я, склонившись так близко, что тепло её дыхания обожгло мою щеку. — Ваш мир - это не школьные романы в Швейцарии. И стоять рядом с вами, дышать одним с вами воздухом будет иметь право только тот, кто не боится в этой крови испачкаться.

Она тяжело, прерывисто дышала.

Но в её прозрачно-голубых глазах я не увидел страха. Там не было ни паники, ни девичьих слез.

В них горел странный, обжигающий трепет и темное, гипнотическое, абсолютно женское осознание своей колоссальной власти надо мной.

Она всё поняла.

Она уже прекрасно осознавала, что я ломаю эти чужие судьбы совершенно не по приказу её деда.

Я делаю это, потому что не могу иначе.

Я резко отстранился, словно ожегшись.

Развернулся и молча покинул библиотеку, оставив её одну слушать монотонный шум лигурийского дождя, бьющего в окна.

Я выиграл этот раунд, уничтожив очередного претендента и сохранив иллюзию своего контроля.

Но, шагая по коридору к лифту, я совершенно точно знал: наша главная, самая страшная битва была еще впереди.

И в ней я рисковал потерять не только свою идеальную систему.

Я рисковал потерять остатки своего рассудка.

Глава 15. Тяжесть

Адриан Винченцо

Сан-Ремо в июле походил на раскаленную, медленно плавающую печь.

Густой, насыщенный морской солью и терпким, почти душливым ароматом цветущих олеандров воздух дрожал над асфальтом, превращая очертания прибрежных скал в зыбкие миражи.

Имение Романо возвышалось на неприступном утесе, отгороженное от остального мира высокими каменными стенами, коваными решетками и густыми оливковыми рощами.

Для Витторио это место было личным, неприступным бастионом.

Много лет назад он выкупил эту старинную виллу, полностью её отреставрировал и превратил в крепость.

Каждый метр территории здесь простреливался с оборудованных снайперских точек, а многоуровневая система безопасности, спроектированная мной лично, работала без-

упречно.

В начале июля спокойный ритм комплекса «VESPER» в Генуе был нарушен.

На юге назревал крупный передел сфер влияния.

Марсельские синдикаты попытались перехватить два наших ключевых транзитных маршрута, и запахло открытой войной.

Витторио принял решение временно перенести стратегический центр управления из стеклянного пентхауса Генуи в безопасное, защищенное имение в Сан-Ремо.

Здесь он планировал провести серию сверхсекретных встреч с капо других семей.

Разумеется, Дон не поехал один. Как его правая рука и человек, отвечающий за безопасность всей империи, я получил прямой приказ сопровождать его.

Я должен был превратить виллу в бункер, координировать внешние кордоны и лично присутствовать на переговорах.

Для меня это означало покинуть свою привычную, кон-

тролируемую среду и перебраться в замкнутое пространство имения.

Спустя три дня после нашего приезда на виллу прибыла Изабелла.

Её учебный год в Женеве подошел к концу, и она вернулась в Лигурию на летние каникулы.

Через пару недель ей вот-вот должно было исполниться семнадцать.

Я ожидал увидеть ту же колючую, отстраненную девочку-подростка, которая когда-то бросала мне вызовы в библиотеке и пыталась уличить в контроле над своей жизнью.

Но швейцарская школа и безжалостно тикающее время сделали свое дело.

Из бронированного седана, остановившегося у парадного входа виллы, вышла не девочка.

В ней проснулась молодая девушка. В её осанке, в плавном, почти кошачьем повороте головы появилась та хищная, ленивая грация, которая заставляла людей инстинктивно задерживать дыхание.

Она осознала свою красоту.

И, что было гораздо страшнее для меня, она осознала ту колоссальную власть, которую эта красота давала ей над окружающими.

Моя задача в Сан-Ремо сводилась к обеспечению невидимого, но железобетонного купола безопасности.

Никаких угроз. Никаких сбоев.

Только зной, оглушительное стрекотание цикад и тяжелая, сводящая с ума тишина между переговорами Витторио.

И эта тишина оказалась для меня самым изощренным кругом ада.

В Генуе я мог прятаться за цифрами, финансовыми отчетами и огромным расстоянием, отделяющим меня от Швейцарии.

Я выжигал её окружение хладнокровно, словно играя в компьютерную симуляцию.

Но здесь мы оказались заперты на одной территории.

Подростковый бунт Изабеллы, помноженный на скуку безопасной виллы и её обострившуюся интуицию, выбрал своей главной и единственной мишенью меня.

Она начала игру.

Жестокую, осознанную игру на выживание, целью которой было пробить мою ледяную броню, вывести меня из равновесия и заставить совершить ошибку.

Дни тянулись мучительно медленно, превращаясь в изощренную пытку.

Каждое утро я стоял на верхней галерее второго этажа, сливаясь с густой тенью массивных каменных колонн. Оттуда открывался идеальный обзор на внешний периметр и на частный бассейн, вырубленный прямо в скале.

И каждое утро она спускалась к воде.

Она прекрасно знала, что я там. Она чувствовала мой взгляд кожей.

Вместо привычных закрытых спортивных купальников, в которых она плавала год назад, теперь на ней были вещи, которые балансировали на тонкой грани дозволенного.

Темно-бордовый, почти черный шелк.
Тонкие, едва заметные завязки на бедрах.

Она скидывала легкое полупрозрачное парео с убийственной, дразнящей медлительностью.

Потягивалась, грациозно выгибая спину под безжалостным лигурийским солнцем, и словно невзначай, из-за плеча, бросала короткий взгляд на темную галерею.

Она плавала долго, а затем выходила, ложилась на белый шезлонг и просила охрану принести ледяную воду с лимоном.

В один из таких душных полдней, когда охрана периметра сменилась, а прислуга ушла в дом, она встала с шезлонга.

Оставляя на раскаленных камнях мокрые следы, она подошла к самому краю террасы, встав точно под тем местом, где на балконе находился я.

— Адриан, — её голос, усиленный акустикой камня, взлетел вверх. В нем звучали тягучие, капризные нотки, от которых у меня сводило скулы. — Мое полотенце осталось на столике у верхней лестницы. Будьте так добры.

Я мог бы вызвать горничную по рации.
Это предписывал сухой протокол безопасности.

Но отступить перед девчонкой, спрятаться за прислугу - означало показать слабость, проиграть этот микро-раунд в её извращенной игре.

Я спустился по раскаленным каменным ступеням, держа в руках тяжелое белое махровое полотенце.

Мой темный костюм притягивал жару, рубашка уже прилипла к лопаткам, но я двигался бесшумно и ровно, как заведенный механизм. Я подошел к ней, не меняя выражения лица.

Она стояла передо мной, с её медных волос стекали капли воды, падая на ключицы и медленно скатываясь ниже, к ложбинке на груди.

Запах дорогого солнцезащитного крема, хлорки и её кожи, пахнувшей миндалем, ударил мне по нервам с такой силой, что перед глазами на секунду потемнело.

Я протянул ей полотенце.

Моя рука была твердой, как гранит. Ни один мускул не дрогнул.

Изабелла не стала брать его сразу.

Она сделала полшага вперед, так что мокрая ткань её ку-пальника оказалась в опасной близости от моего пиджака.

Она подняла свои прозрачно-голубые глаза, внимательно, с затаенной усмешкой всматриваясь в мое лицо.

— Жарко, правда? — невинно спросила она, медленно проводя влажным пальцем по своей шее. — Как вы вообще выносите эту броню под таким солнцем, Адриан? Разве вам не хочется... снять её?

Она говорила совершенно не о пиджаке.

Мой внутренний монстр бился о ребра так, что, казалось, они сейчас с хрустом сломаются.

В глубине души я сгорал заживо.

Мои руки чесались от первобытного желания схватить её, вжать в эту каменную стену, стереть с её губ эту дразнящую ухмылку и доказать ей, насколько опасным может быть

огонь, с которым она решила поиграть.

Но внешне я оставался статуей.

Серым Кардиналом.

Идеальной машиной, у которой нет и не может быть слабостей.

— Температура моего тела находится в пределах нормы, Изабелла, — мой голос прозвучал так сухо и официально, что им можно было резать стекло.

Мои серые глаза смотрели на нее без тени эмоций.

Я решительно вложил полотенце в её руки и сделал шаг назад, восстанавливая безопасную дистанцию.

— Рекомендую вам не находиться на открытом солнце дольше часа. Это нарушает температурный баланс и снижает концентрацию.

Её глаза сузились. В них мелькнуло острое раздражение от того, что её провокация с глухим стуком разбилась о мой лед.

Она резко вытерла плечи, накинув полотенце.

— Вы невыносимы, Винченцо, — процедила она.

— Я эффективен, — коротко ответил я.

Я развернулся и ушел по ступеням вверх, физически чувствуя, как по моему позвоночнику катится холодный пот.

Я выдержал. Но я знал, что это только начало.

Её попытки пробить мою защиту становились всё более изощренными.

Она превратила виллу в минное поле, где каждый мой шаг грозил детонацией.

Вечерами, когда мы оставались одни в прохладном крыле старой библиотеки, она появлялась там в одежде, которая бросала прямой вызов остаткам моего рассудка.

Легкие шелковые комбинации, которые выглядели скорее как дорогое белье, чем как платья для ужина. Тонкие, скользящие бретельки, постоянно спадающие с её острых, покрытых легким загаром плеч.

Она намеренно вторгалась в мое личное пространство.

Если я сидел за тяжелым дубовым столом, проверяя протоколы безопасности или просматривая сметы, она бесшумно подходила сзади.

Она опиралась руками о спинку моего кресла и заглядывала в бумаги, наклоняясь так низко, что пряди её волос касались моей щеки.

Я чувствовал тепло её тела сквозь ткань своего костюма. Я слышал, как выравнивается её дыхание, когда она замирала, ожидая моей реакции.

— Что пишет синьор Росси? — шептала она мне почти в самое ухо, и от её низкого голоса по моему позвоночнику пробегал болезненный, электрический разряд.

Я брал со стола стальную ручку.

Мои пальцы сжимали металл с такой нечеловеческой силой, что он оставлял глубокие вмятины на коже.

Мой разум отчаянно, как утопающий за соломинку, цеплялся за простые математические формулы.

Я высчитывал в голове проценты с портовых пошлин, умножал и делил восьмизначные суммы, лишь бы не думать о том, как легко было бы откинуть голову назад, поймать её

губы и разрушить всё.

— Ничего, что требовало бы вашего внимания, — я плавно отодвигал кресло, вставая и уходя от её близости к окну. Мое лицо оставалось высеченным из серого камня. — Обычная финансовая рутина.

Она провожала меня взглядом, в котором смешивались злость и азарт хищника.

Ей нравилось видеть, как на мгновение дергается кадык на моей шее.

Ей нравилось осознавать, что я - каменный Управляющий, перед которым до дрожи в коленях боится половина Лигурии, - вынужден отступать и сбегать в другой конец комнаты, просто не в силах вынести близость её тела.

Она мстила мне.

Она наказывала меня за ту изоляцию, в которую я её поместил, выжигая её швейцарских ухажеров на расстоянии.

И она делала это самым жестоким, самым изощренным женским способом - доводя меня до грани безумия, заставляя желать того, чего я не имел права получить.

К середине июля напряжение на вилле достигло критической массы. Воздух можно было резать ножом.

Каждый вечер мы ужинали на открытой террасе с Витторио.

Я сидел по левую руку от Дона, застегнутый на все пуговицы, с непроницаемым лицом.

Изабелла сидела напротив меня.

Она была идеальной, почтительной внучкой для своего деда, но под длинной скатертью её босая нога, сбросившая туфлю, намеренно, словно случайно, задевала мою голень.

Легко. Мимолетно.

Достаточно, чтобы пустить разряд по моим нервам.

Я не дергался.

Я продолжал методично резать свой стейк, ровно и профессионально отвечая на вопросы Витторио о поставках из Марселя, в то время как внутри меня бушевал ядерный взрыв.

Однажды за ужином она решила повысить ставки.

— Дедушка, — невинно произнесла она, задумчиво вращая ножку бокала с водой.

На ней было платье цвета темного рубина с глубоким, провокационным вырезом на спине.

— В школе на уроках истории нам рассказывали о диктатурах. О том, что диктатор всегда оправдывает свой тотальный контроль исключительно заботой о безопасности граждан. Он утверждает, что защищает их от внешних врагов. Но на самом деле он просто параноидально боится потерять свою власть над ними.

Витторио хрипло рассмеялся, промакивая губы салфеткой.

— Твои учителя живут в мире демократических иллюзий, Изабель. Власть - это не то, чем можно делиться. Если ты не контролируешь каждый квадратный метр своей территории, на нее немедленно придут другие. Верно, Адриан?

Я медленно поднял взгляд. Мои серые, ничего не выражающие глаза встретились с ледяными глазами Изабеллы.

Она смотрела на меня, чуть приподняв бровь.

Она прекрасно понимала двойное дно своего вопроса.

Она говорила совершенно не о мировой истории.

Она говорила о той монополии, которую я установил на её жизнь в Женеве, методично уничтожая любого парня, с которым она осмеливалась выпить кофе.

— Абсолютно верно, Дон Витторио, — мой голос прозвучал сухо и бесстрастно. Я принял её вызов, не моргнув глазом. — Безопасность главного актива Семьи - это приоритет, не терпящий компромиссов. Угрозы должны ликвидироваться до того, как они наберут силу. Превентивная зачистка территории всегда дешевле и эффективнее, чем устранение последствий.

Изабелла едва заметно усмехнулась. Её глаза вспыхнули темным удовлетворением.

— Какая... тоталитарная стратегия, Адриан, — мягко произнесла она, отрезая кусочек рыбы. — Не оставлять активу даже минимального шанса на выбор.

— Мои активы всегда находятся под моим полным кон-

тролем, Изабелла, — холодно парировал я, выдерживая её взгляд. — Это исключительно вопрос выстроенной дисциплины и протоколов.

Витторио, не уловивший этого скрытого, электрического подтекста, лишь одобрительно кивнул.

Ужин закончился.

Старик, сославшись на усталость после дневных переговоров с капо, ушел в свои покои.

Я остался на террасе один.

Я достал сигарету, чиркнул тяжелой зажигалкой и глубоко затянулся, глядя на сливающееся с небом черное море. Мои легкие горели не от крепкого табака, а от того невероятного напряжения, которое я удерживал в себе последние несколько недель.

Сзади раздался едва слышный шорох шелка. Я знал, что это она.

Изабелла остановилась рядом со мной у каменной балюстрады.

— Дисциплина и протоколы, значит? — тихо спросила она, повторяя мои слова.

Я медленно выдохнул серый дым в темноту, не поворачивая головы.

— Вы должны спать, Изабелла.

Она проигнорировала приказ.

Она сделала медленный шаг ко мне.

Нас разделяло меньше полуметра.

— В прошлом месяце в Женеве был мальчик, — её голос был низким, вибрирующим. В нем больше не было кокетства или игры. В нем звучало прямое обвинение. — Его звали Томас. Мы познакомились на школьных дебатах. Он был просто вежлив. Предложил выпить кофе.

Мои челюсти сжались. Я смотрел в темноту, чувствуя, как холодная ярость начинает пульсировать в висках.

— И что же случилось с вашим швейцарским другом? — процедил я.

— Ты прекрасно знаешь, что случилось, — она не отсту-

пала. — Через три дня бизнес его отца со скандалом разорвали на части налоговики. Счета арестовали. Томас уехал, даже не попрощавшись. Исчез, как и все остальные.

Она шагнула еще ближе. Она встала прямо передо мной, заставляя меня повернуть голову и посмотреть на неё.

— Дед думает, что мне просто фатально не везет. Что все парни вокруг меня оказываются преступниками или банкротами. Но я знаю правду. Я знаю, что где-то в Генуе сидишь ты и методично разрушаешь жизни людей, которые мне даже не были интересны. Зачем? Зачем ты это делаешь?

Я молчал.

Я смотрел на её гневное лицо, освещенное лишь тусклым светом настенных фонарей, и чувствовал, как стена моего самоконтроля трещит по швам.

— Вы - наследница Синдиката. Вы находитесь под моей защитой. Я выполняю свою работу, — мой голос прозвучал как скрежет металла по стеклу.

— Твоя работа - охранять меня от пуль, а не контролировать, с кем я разговариваю на переменах! — Изабелла вдруг ударила ладонью по каменному парапету. — Кто дал тебе

право выжигать землю вокруг меня?

— Я Управляющий. Безопасность Синдиката - это я, — мой голос упал до угрожающего рыка.

Я сделал ответный, резкий шаг вперед, вторгаясь в её личное пространство так стремительно, что она инстинктивно вскинула голову.

Я навис над ней, подавляя её своей тенью и габаритами.

Моя рука с силой опустилась на каменную балюстраду в миллиметре от её пальцев.

Я использовал всё свое физическое превосходство, чтобы загнать её в угол, чтобы заставить её отступить и прекратить эти провокации.

— Вы всё еще думаете, что это игра? — произнес я, глядя прямо в её расширившиеся глаза. — Вы думаете, эти тепличные мальчики из вашей школы смогут защитить вас, когда придет настоящая угроза? Если Витторио не станет, ваши одноклассники упадут в обморок при первом же звуке выстрела. А вас корсиканские боссы разорвут на куски. Они перережут вам горло просто за вашу фамилию. И не успеют даже моргнуть.

— Я не прошу этих мальчиков меня защищать! Я прошу тебя перестать душить меня своим параноидальным контролем!

— Я не остановлюсь, — ледяным тоном отрезал я, чеканя каждое слово.

Мои серые глаза были выстуженными, лишенными всяких эмоций.

— Ни один из них не приблизится к вам. Я буду разорять и ломать каждого слабого человека, который попытается подойти к вам. Потому что слабость - это уязвимость. А уязвимость ведет к смерти.

Она тяжело дышала. Но она не отступала.

В её глазах не было ни капли девичьего испуга перед тем мраком, который я излучал.

Она принимала этот бой.

Я наклонился к ней. Так близко, что тепло её дыхания коснулось моего подбородка.

Моя железная воля, выкованная годами жесточайшей дисциплины, была от боли.

Мне стоило нечеловеческих усилий держать руки на камне балюстрады, а не схватить её за плечи.

— Вы - будущее этой Семьи, Изабелла, — произнес я жестко, пряча свою одержимость за железобетонным фасадом протоколов и долга. — Вы - самый ценный актив Синдиката. А я - его архитектор и его щит. Я не позволю ни одному изнеженному идиоту находиться рядом с вами и делать вас мишенью. Я не допущу брешей в безопасности. Это моя работа, и я буду делать её так, как считаю нужным.

В повисшей над террасой влажной тишине эти слова прозвучали как окончательный приговор.

Мы замерли. Время остановилось.

Почти семнадцатилетняя наследница и её бескомпромиссный страж.

Я смотрел в её голубые глаза и видел, как её острый ум препарирует мои слова.

Она пыталась найти в них изъян. Она знала, что я лгу,

прячась за инструкциями, но она не могла этого доказать.

Моя защита была безупречной.

Она медленно подняла руку. Её тонкие пальцы зависли в воздухе, словно она хотела коснуться лацкана моего пиджака, проверить, бьется ли под этой дорогой тканью сердце, или там действительно работают только бесстрастные механизмы.

Один дюйм.

Мой пульс грохотал в ушах. Я перестал дышать.

Если бы она коснулась меня сейчас, я бы не выдержал. Вся моя выстроенная система рухнула бы в бездну, и пути назад бы уже не было.

Но в этот момент на втором этаже виллы скрипнула тяжелая деревянная створка окна.

Кто-то из охраны проверял рамы.

Этот резкий звук разрезал наэлектризованное напряжение, как нож.

Изабелла вздрогнула, резко опустила руку и отступила на шаг. Её щеки горели в темноте.

Я мгновенно выпрямился, возвращая на лицо маску идеального, профессионального равнодушия.

— Спокойной ночи, Адриан, — её голос дрожал от смещения.

Она развернулась и быстро ушла в темноту коридоров виллы, оставив после себя лишь тающий запах миндаля.

Я остался один под тяжелым, душным небом Сан-Ремо. Мои пальцы сжимали балюстраду до побеления костяшек.

Я стоял, глубоко вдыхая горячий ночной воздух, и чувствовал, как меня колотит от колоссального выброса адреналина.

Я не сломался.

Но, глядя на сливающееся с горизонтом черное море, я с пугающей, ледяной ясностью осознавал: если эти каникулы не закончатся, от Серого Кардинала Лигурии не останется ничего, кроме пепла.

Глава 16. Испытание

Адриан Винченцо

Закат в Сан-Ремо в тот вечер был похож на открытую рану - небо кровоточило густым, багровым светом, заливая море расплавленным золотом и медью.

Воздух стоял неподвижно, тяжелый от влаги, запаха нагретой за день хвои и удушливого аромата олеандров.

Витторио покинул имение, когда последние лучи солнца скрылись за горизонтом.

Встреча, ради которой мы вообще прибыли на это побережье и покинули неприступный генуэзский «VESPER», наконец-то была согласована.

Ситуация накалялась с каждой неделей.

Марсельские синдикаты, решившие, что Семья Романо начала терять хватку, попытались внаглую перехватить два наших ключевых транзитных коридора.

Запахло большой, грязной войной, которая могла парализовать порты по всему побережью.

Марсельцы запросили нейтральную территорию для переговоров, выбрав для этого старинный, перестроенный под отель замок в горах, на самой границе.

Старик не питал иллюзий относительно честности французов.

Он взял с собой Марчелло и тяжелую ударную гвардию -

пятнадцать лучших, прошедших не одну мясорубку бойцов, вооруженных так, словно они собирались брать штурмом военную базу, а не вести светские беседы.

Я остался в имении. Моей единственной, абсолютной задачей было охранять Изабеллу.

— Никаких рисков, Адриан, — сказал мне Дон перед тем, как сесть на заднее сиденье бронированного «Майбаха».

Он стоял на гравийной подъездной дорожке, заложив руки в карманы темного пальто.

В его осанке не было ни капли старческой немощи.

Он держался неестественно прямо, его широкие плечи развернуты, а походка оставалась такой же тяжелой, властной и чеканной, как и двадцать лет назад.

Он был Главой Синдиката, хищником, который готовился войти в клетку к другим хищникам.

— Если марсельцы блефуют, и этот замок - ловушка, я выберусь, — его глаза, так пугающе похожие на глаза Изабеллы, смотрели на меня с холодной расчетливостью. — Марчелло вытащит меня даже из преисподней. Но девочка должна быть в абсолютной безопасности. Если они ударят по мне там, они могут попытаться ударить по ней здесь, чтобы получить рычаг давления. Дом должен стать бункером. Никто не входит. Никто не выходит. Понял меня?

— Периметр герметичен, Дон Витторио, — ровно ответил я. — Муха не пролетит без моего ведома.

Старик кивнул, коротко хлопнул меня по плечу и сел в

машину.

Я стоял на ступенях виллы, провожая немигающим взглядом черную колонну внедорожников, пока красные габаритные огни не растворились в сгущающихся сумерках за массивными коваными воротами имения.

Как только они уехали, я перевел многоуровневую систему безопасности виллы в красный, критический режим.

Я никогда не верил в случайности.

Я верил в паранойю.

Внешний каменный периметр, ограждающий имение от скал и дороги, непрерывно патрулировали двенадцать человек с автоматическим оружием.

Камеры ночного видения и тепловизоры сканировали каждый дюйм скал и подъездных путей.

Я активировал военные заглушки, которые блокировали любые несанкционированные радиосигналы в радиусе мили.

Вилла превратилась в глухую, неприступную цифровую и каменную крепость. По крайней мере, так диктовала безупречная логика протоколов.

На часах было одиннадцать вечера.

Изабелла находилась в огромной, двусветной гостиной на первом этаже.

Это было колоссальное помещение с шестиметровыми потолками, расписанными фресками, и антикварной мебелью эпохи Возрождения.

Огромные панорамные окна от пола до потолка выходили

на широкую террасу, за которой чернело Лигурийское море.

Я стоял в смежном холле, скрытый в густом полумраке, невидимый для неё, но имеющий идеальный обзор.

Сквозь приоткрытые высокие двустворчатые двери я видел, как она сидит на глубоком бархатном диване цвета изумруда, поджав под себя босые ноги.

На ней было простое, невероятно легкое белое платье, которое делало её похожей на призрака в этом монументальном зале.

Её медные волосы были рассыпаны по плечам, переливаясь в свете массивной хрустальной люстры.

В руках она держала толстую книгу, но за последние полчаса не перелистнула ни одной страницы.

Её взгляд был устремлен в пустоту, за окно, туда, где в темноте не было видно ничего, кроме отражения её собственного лица.

Тишина, повисшая над виллой после отъезда Витторио, была не просто физической.

Она была осязаемой. Она давила на барабанные перепонки, заползала под кожу.

После нашей стычки на террасе несколько дней назад мы почти не разговаривали.

Мы существовали в режиме холодной войны, балансируя на натянутом канате.

Я знал, что она чувствует мое присутствие в холле.

Я знал, что она ждет, когда я войду. Но я стоял в тени,

сжимая челюсти до боли в суставах, и заставлял своего внутреннего монстра сидеть на цепи.

Мой мозг анализировал каждый шорох.

Шум прибоя внизу у скал. Стрекотание ночных насекомых. Гудение кондиционеров.

В 23:14 этот привычный звуковой фон разорвался.

В моем наушнике скрытой гарнитуры раздался короткий, мерзкий статический треск.

Затем звук оборвался.

Я мгновенно коснулся пальцем микрофона на воротнике.

— Третий пост. Доклад, — мой голос прозвучал сухо, без единой эмоции.

В ответ - только глухое, мёртвое шипение эфира. Ни дыхания, ни шума ветра. Абсолютный вакуум.

Мой пульс, обычно бившийся ровно шестьдесят ударов в минуту, не ускорился, но вся кровь в моих венах мгновенно превратилась в ледяную крошку.

Я переключил канал шифрования.

— Пятый пост, периметр у скал. Альфа-два, ответьте.

Тишина.

— Начальник смены, статус! — рявкнул я по общему каналу.

Мёртвое шипение. Связь легла полностью.

Тактическая выучка, вбитая в меня годами выживания на улицах Сиракуз и тренировками в подвалах Марчелло, работала быстрее, чем мой мозг успел сформулировать логи-

ческую мысль.

Тишина на двух диаметрально противоположных постах одновременно, полное падение внутренней связи при включенных резервных генераторах...

Это не сбой оборудования. Это профессиональная, скоординированная зачистка периметра.

Пазл сложился в моей голове за долю секунды с пугающей ясностью.

Марсельцы не собирались договариваться с Витторио в горах.

Встреча в замке была грандиозной, дорогостоящей декорацией. Они выманили старого льва из логова, заставив его забрать с собой лучшую, самую тяжелую часть охраны.

И они оставили его главный, самый ценный актив - единственную наследницу империи - здесь, на вилле. Им не нужна была её смерть. Трупы не имеют переговорной ценности. Им нужна была заложница.

Если они возьмут Изабеллу живой, Витторио Романо отдаст им не только порты, он отдаст им всю Лигурию.

Я рванулся в гостиную, на ходу, одним слитным движением доставая из наплечной кобуры свой тяжелый, модифицированный пистолет с удлиненным магазином.

Мои шаги по мрамору холла были быстрыми и бесшумными, но Изабелла почувствовала изменение атмосферы.

Она резко подняла голову от книги, когда я влетел в двустворчатые двери.

Её голубые глаза расширились. Она увидела пистолет в моей руке.

Она увидела мое лицо, с которого слетела маска безупречного, стерильного Управляющего, уступив место лицу абсолютного, хладнокровного убийцы.

— Вниз! — мой рык разорвал тишину гостиной.

Я бросился к ней, пересекая огромное пространство зала с нечеловеческой скоростью.

Я ожидал, что в такой ситуации семнадцатилетняя девочка, воспитанная в элитном швейцарском пансионе, застынет от ужаса, начнет кричать или задавать вопросы.

Но кровь Романо сработала в ней безотказно, на базовом, животном инстинкте выживания.

Она не издала ни звука. Она соскользнула с высокого бархатного дивана на пол в ту самую миллисекунду, когда ночь за окном взорвалась.

Огромные панорамные окна гостиной, выходящие на террасу, брызнули внутрь колоссальным водопадом искрящегося, смертоносного стекла.

Я рухнул на паркет рядом с Изабеллой, жестко, всей своей массой прижав её к полу и затолкнув за массивный дубовый стол, стоявший в центре зала.

В ту же секунду зал наполнился звуком очередей из автоматического оружия. Нападающие использовали штурмовые винтовки с саундмодераторами.

Звук выстрелов напоминал сухое, частое, ритмичное хло-

панье металлического хлыста, от которого закладывало уши.

Пули рвали дорогую обивку мебели, выбивали фонтаны белой пыли из мраморных колонн и разносили в мелкие щепки антикварные вазы.

Тысячи осколков огромной хрустальной люстры, сбитой пулями с потолка, дождем посыпались на мою спину, разрезая ткань пиджака.

Я лежал на ней, закрывая её своим телом, чувствуя, как колотится её сердце о мою грудь.

Сквозь разбитые рамы окон в гостиную бесшумными, хищными тенями скользнули четверо наемников.

Они были одеты в черное тактическое снаряжение. Они двигались невероятно грамотно, веером расходясь по комнате.

Их было ровно четверо - стандартная малая штурмовая группа, натасканная на похищение.

Красные лучи их лазерных целеуказателей разрезали поднявшуюся в воздухе известковую пыль.

— Они стреляют низко. По ногам, — прошептал я Изабелле прямо в ухо, не отрывая взгляда от теней, маячащих в пыли. — Им нужна ты. Живой.

Её лицо было белым как мел, в волосах застряла стеклянная крошка. Но она не дрожала. Она часто, прерывисто кивнула, вцепившись тонкими пальцами в лацкан моего пиджака.

В её глазах не было паники. В них была предельная кон-

центрация.

Оставаться за столом было самоубийством. Как только они возьмут нас в полукольцо, они забросают укрытие светшумовыми гранатами.

Я резко высунулся из-за разорванного пулями дубового стола, вытягивая руку с «Береттой».

Мое сознание работало в режиме замедленной съемки, с ледяным спокойствием фиксируя цели.

Два выстрела. Коротких, беззвучных плевка свинца.

Я целился в узкую полоску плоти между кевларовым воротником и шлемом.

Два глухих, влажных удара.

Двое наемников на правом фланге рухнули на усыпанный стеклом ковер одновременно, захлебываясь собственной кровью.

Оставшиеся двое мгновенно отреагировали, развернув стволы. Они открыли шквальный, непрерывный огонь на подавление по нашему укрытию.

Дубовый стол затрещал.

— За мной, — жестко скомандовал я.

Я рывком поднял Изабеллу на ноги.

Моя левая рука мертвой, стальной хваткой вцепилась в её тонкое запястье, а правая продолжала вести беглый огонь.

Мы рванулись к боковой, неприметной двери, ведущей в служебные коридоры.

Пули с омерзительным свистом прошивали воздух в мил-

лиметрах от наших голов.

Изабелла бежала рядом со мной.

Её босые ноги скользили по усыпанному битым стеклом паркету, но она не издала ни звука.

Мы влетели в темный, узкий служебный коридор. Я ударом ноги с разворота захлопнул за нами тяжелую дубовую дверь.

— В подвалы. К винным погребам, — приказал я, толкая её в спину.

Старые винные погреба Сан-Ремо были вырублены в сплошном монолите лигурийской скалы еще в девятнадцатом веке.

Там не работала ни одна радиосвязь, стены были толщиной в метр натурального камня.

Мы добежали до неприметной стальной двери, спустились по крутой каменной лестнице, уходящей глубоко под землю. Здесь пахло сырой, первобытной землей, густой плесенью и старым дубом.

Сверху донесся грохот выбитой двери.

Оставшиеся двое наемников не собирались отступить. Они пошли за нами по нашему следу.

Я затащил Изабеллу в самый глубокий, глухой тупиковый пролет погреба, заставленный до самого потолка старинными стеллажами.

Я вжал Изабеллу спиной в ледяной камень стены, спрятав её в самую густую тень, и встал прямо перед ней, перекрывая

своим широким телом проход.

— Не дыши, — одними губами прошептал я.

В конце длинного, сводчатого коридора замелькали лучи тактических фонарей.

Шаги двоих уцелевших наемников приближались. Они двигались медленно, методично проверяя ряды.

Первый ослепительно-белый луч света скользнул по бутылкам в трех шагах от нашего укрытия.

Я плавно, не издав ни единого шороха, опустил пистолет в кобуру и вытащил из ножен на поясе боевой тактический нож с матовым, черным лезвием.

Когда первый наемник поравнялся с нашей нишей, я бросился вперед из крошечной темноты.

Мой бросок был нечеловечески бесшумным. Моя левая рука стальным капканом захлопнулась на его нижней челюсти, намертво блокируя крик.

В ту же долю секунды моя правая рука с зажатым ножом вошла в основание его черепа. Я с силой провернул лезвие.

Он обмяк в моих руках. Я плавно опустил его на каменный пол.

Второй наемник шел в пяти метрах позади. Он заметил движение и резко вскинул автомат.

Я сократил дистанцию в один звериный прыжок, отталкиваясь от каменной стены. Я перехватил раскаленный ствол его автомата левой рукой, игнорируя жуткий ожог, и вогнал колено прямо в центр его грудной клетки.

Оружие вылетело из его рук. Наемник захрипел, потянувшись к ножу. Но мои пальцы уже сомкнулись на его горле.

Я впечатал его всем своим весом в массивный стеллаж. Сверху посыпались бутылки, заливая нас густым, красным вином, которое в темноте выглядело как кровь.

Я сжал руки на его шее, ломая его гортанные хрящи.

Я наслаждался его смертью. Я убивал его потому, что он посмел прийти за ней.

Когда его глаза остекленели, я разжал пальцы. Труп тяжело сполз на пол.

В тупике погребца повисла мертвая, звенящая тишина.

Я тяжело, со свистом втягивал в легкие затхлый воздух, стоя над растерзанными телами.

Мой костюм был изодран, руки перепачканы.

Я замер, прислушиваясь к звукам дома.

Наверху стояла абсолютная, гробовая тишина.

Я знал, что зачистил их всех.

Вся штурмовая группа из четырех человек была мертва. Прямая угроза была ликвидирована, дом был пуст и безопасен.

Но когда я повернулся к нише, где оставил Изабеллу, и включил тактический фонарик на пистолете, я понял, что самое страшное только начинается.

Она стояла у стены. Её белое платье было перепачкано грязью.

Но по её левой руке, от предплечья до самых кончиков

пальцев, густо стекала темная, почти черная кровь, непрерывно капая на каменный пол.

— Ты ранена, — процедил я.

Я отбросил оружие и рухнул перед ней на колени прямо на залитые вином камни.

Осколок пули или кусок острого как бритва стекла чиркнул по её руке в гостиную, оставив глубокий, рваный порез.

Крови было пугающе много.

Это была первая настоящая кровь, пролитая ею в этом мире.

Она тихо зашипела сквозь плотно стиснутые зубы, когда я прикоснулся к рваным краям раны, но не отдернула руку.

Она стояла неподвижно, доверяя себя мне.

Мне нужно было срочно остановить кровотечение.

Я сорвал с себя галстук, разорвал рукав своей шелковой рубашки и превратил ткань в жгут.

— Будет больно. Терпи, — жестко сказал я, не поднимая на неё глаз.

Я боялся увидеть в её глазах ужас.

В темноте подземелья, в окружении трупов, вдыхая густой запах пороха и пролитого вина, я начал туго перетягивать её рану. Мои пальцы, испачканные чужой кровью, скользили по её бледной коже.

В этот момент вся та дистанция, которую я так маниакально выстраивал эти два года, сгорела дотла.

Я затянул последний узел и медленно поднял голову.

Я морально готовился увидеть в её глазах отвращение к тому безжалостному монстру-убийце, которым я перед ней предстал. Я ждал, что она назовет меня мясником.

Но Изабелла Романо смотрела на меня не со страхом.

Её грудь тяжело вздымалась. Лицо было бледным как полотно. Но в её глазах цвета сколотого льда не было ни слезинки, ни тени слабости. В них горел темный, абсолютно гипнотический огонь пробудившегося хищника, почуявшего запах крови.

В эту секунду она принимала правила игры.

Она медленно, преодолевая шок, подняла здоровую руку. Её пальцы коснулись моей щеки, нежно стирая каплю чужой крови с моей скулы.

Это легкое, интимное касание обожгло меня сильнее пули.

Я замер, перестав дышать.

— Они придут снова, Адриан, — её голос хрипел, сорванный от адреналина, но не дрожал. В нем была пугающая констатация факта. — Сегодня они хотели забрать меня. Завтра они попытаются убить деда. Они не остановятся.

— Я не позволю, — прорычал я, инстинктивно подаваясь к ней ближе. — Я вырежу их всех. Каждого, кто посмотрит в твою сторону.

— Этого мало, — она сглотнула, не отрывая от меня глаз.

Её окровавленные пальцы скользнули по моей щеке, забираясь под воротник расстегнутой рубашки.

— Твоей защиты мало, Адриан. Если я останусь слабой... Если я буду просто сидеть в красивой квартирке в Женеве, читать умные книги и ждать, пока ты спасешь меня, я всегда буду мишенью. А я не хочу быть мишенью.

Она опустила свой ледяной взгляд на окровавленные трупы наемников, а затем снова посмотрела мне в глаза.

Она сделала свой выбор.

— Научи меня, — прошептала она. И в этих двух словах был звук ломающейся прошлой жизни. — Научи меня стрелять, Адриан. Научи меня защищаться. Научи меня убивать их раньше, чем они придут за мной.

В ту ночь, стоя на коленях в луже крови перед семнадцатилетней девчонкой, я понял, что моя миссия телохранителя подошла к своему неизбежному концу.

Глава 17. Наковальня

Адриан Винченцо

Витторио вернулся на виллу под утро.

Когда Дон спустился в прохладный полумрак погреба и увидел безжизненные тела марсельских наемников, залитый вином и кровью каменный пол, а затем перевел тяжелый взгляд на наспех забинтованную руку Изабеллы, в его глазах отразилась тяжелая, глухая боль.

Вся та иллюзия светского, защищенного будущего, которую он так тщательно выстраивал для своей единственной внучки, треснула.

Он осознал то, что я понял еще в ту ночь, когда пятнадцатилетняя девчонка бросила мне вызов в казино: от крови невозможно отмыться швейцарской школой или хорошими манерами.

Кровь Романо требовала платы.

Утром он позвал нас в свой кабинет.

Изабелла стояла перед его столом - бледная, с темными кругами под глазами, но с абсолютно прямой спиной.

Я застыл в тени у двери.

Старик долго смотрел на внучку, а затем тяжело вздохнул, и в этом вздохе слышалась вся его старость.

— Садись, Изабель, — тихо произнес Витторио, жестом указав ей на кресло.

Когда она села, он поднял глаза на меня, а затем снова на нее.

В его голосе не было привычного командного металла — только горькая, неизбежная констатация факта.

— Я хотел уберечь тебя от этого мира, — заговорил Витторио, сцепив руки в замок. — Думал, что школа в Женеве, книги и дипломаты смогут защитить тебя лучше любых стен. Но Сан-Ремо показал, что я ошибался. Больше я не буду тешить себя иллюзиями. Адриан... — старик кивнул в мою сторону. — Он обучит тебя всему, что умеет сам. Измотает, заставит пройти через этот ад, но сделает так, чтобы больше ни одна мразь на земле не посмела загнать тебя в угол. Ты согласна на это, внучка?

Изабелла не отвела взгляда от деда. В её голубых глазах блеснул тот самый ледяной свет Романо.

— Я согласна, дедушка, — твердо ответила она.

С этого дня физическое присутствие Изабеллы в женевской школе было временно приостановлено, но бросать учебку никто не собирался.

Витторио договорился с дирекцией школы о переводе её на индивидуальный формат.

Формально для учителей и сверстников она продолжала оставаться старшеклассницей элитного учебного заведения.

Она отправляла через защищенные каналы эссе, сдавала сложные тесты по литературе и переводила тексты, сохраняя для внешнего мира фасад обычной девушки.

Но её настоящей, жестокой академией стал минус первый этаж комплекса «VESPER».

Начался год, который навсегда сплавил нас в единый, смертоносный монолит.

Триста шестьдесят пять дней изматывающего, первобытного ада.

Год, в течение которого я ежедневно ломал её, пересоздавая заново.

Мы вернулись в Геную, и просторные тренировочные залы с бронированными стенами заменили Изабелле привычные классы.

Я перестал быть просто Управляющим и телохранителем.

Я стал её единственным инструктором, её безжалостным палачом и её персональным богом на этих залитых потом матах.

Первые месяцы были похожи на бойню.

Я не делал ей скидок на возраст или статус наследницы Синдиката.

В подвале «VESPER» не существовало фамилий. Существовали только живые мишени и мертвые ошибки.

Каждое утро начиналось задолго до рассвета с изнурительного кардио.

Я заставлял её таскать тяжелые бронежилеты, набитые свинцовыми пластинами, наматывать километры по подземным коридорам, пока её дыхание не срывалось на хрип.

Я учил её контролировать каждый вдох, потому что в на-

шем деле паника равнялась мгновенной смерти.

Затем наступал черед огневой подготовки.

Мы часами стояли в изолированном тире.

Я учил её стрелять инстинктивно, из любого положения — лежа на полу, кувыркаясь через плечо, в абсолютной темноте, ориентируясь только на тактильные ощущения и мышечную память.

— Твои глаза лгут тебе, Изабелла, — жестко бросал я, когда она в очередной раз промахивалась на долю секунды. — В темноте или в дыму ты ничего не увидишь. Руки должны знать оружие лучше, чем твое собственное сердце. Разборка и сборка пистолета с закрытыми глазами за восемь секунд. Повторяем.

И мы повторяли.

До тех пор, пока её пальцы не покрывались мозолями, а металл пистолетов не стирал кожу до крови.

Днем, между изнурительными тренировками, она сидела за ноутбуком в моем кабинете, готовя доклады по истории для своей школы, а уже через час снова переодевалась в черный спортивный топ и спускалась на маты.

Ближе к зиме начался ножевой бой и рукопашная подготовка.

Я бросал её на жесткие маты снова и снова, заставляя подниматься.

— Вставай, — холодно чеканил я, когда она лежала на полу, тяжело выдыхая воздух. — На улице никто не будет

спрашивать, больно тебе или нет. Твой противник не остановится из-за жалости. Если ты упала - ты труп. Вставай!

Она поднималась.

В её глазах не было слез - только холодная, яростная искра. Она нападала снова, используя скорость и жесткие точечные удары.

Я учил её ломать пальцы противнику, бить основанием ладони в нос, вкладывать массу тела в каждый удар.

Я методично вколачивал в её мышечную память правильные углы входа лезвия между ребрами, чтобы нож никогда не застревал в кости.

Но чем глубже она погружалась в этот темный мир, тем сильнее менялось всё вокруг нас.

Этот год изнуряющих тренировок превратил нашу взаимную одержимость в оголенный, звенящий под напряжением провод.

Вся та дистанция, которую я так маниакально выстраивал годами, сгорела в топке этих ежедневных нагрузок.

Мы проводили вместе по четырнадцать, а иногда и по шестнадцать часов в сутки.

Мои руки постоянно находились на ее теле. Я был вынужден касаться ее каждую минуту - когда ставил правильную стойку, когда жестко обхватывал за талию во время бросков, когда направлял ее руки с зажатым в них оружием, стоя вплотную у нее за спиной так близко, что наши грудные клетки двигались в унисон, разделенные лишь тонкой тканью

одежды.

В закрытом, душном пространстве подземного тира или спортзала густой, тяжелый запах сгоревшего пороха, оружейного масла и соленого пота смешивался с ее неизменным, сводящим с ума ароматом миндаля.

Этот коктейль действовал на мои нервы сильнее любого наркотика.

Она прекрасно видела, чего мне стоит этот железобетонный, на грани человеческих возможностей контроль.

И она методично, с дьявольским упорством провоцировала меня каждый божий день.

В свои года она полностью осознала свою темную женскую власть надо мной и использовала ее как скальпель, вскрывая мою выдержку слой за слоем.

Однажды вечером, после трех часов непрерывного спарринга, мы оба стояли посреди зала, тяжело дыша.

На ней были только черный спортивный топ и эластичные легинсы.

Она попыталась подсечь меня под колено, но я прочитал её движение за долю секунды.

Я перехватил её запястье, резко дернул на себя и, используя её инерцию, впечатал спиной в жесткий мат, навалившись сверху и намертво блокируя её ноги своими.

Мое колено находилось прямо между её бедер. Мои пальцы стальным капканом сжали её запястья над её головой.

— Вы снова слишком предсказуемы, Изабелла, — про-

хрипел я, глядя сверху вниз в её пылающие голубые глаза. — Вы позволили эмоциям и азарту опередить холодный расчет. В реальном бою на темной улице вы были бы уже мертвы.

Она не попыталась вырваться.

Вместо этого её грудь тяжело и часто вздымалась, соприкасаясь с моей, а на искусанных губах расцвела та самая опасная улыбка.

— А мы в реальном бою, Адриан? — тихо прошептала она, намеренно подаваясь бедрами навстречу моему колену. — Ты строишь из себя железную машину. Но ты врешь. Ты боишься меня.

— Я не знаю страха.

— Лжешь, — ее глаза потемнели, превратившись в два бездонных ледяных омуты. — Ты боишься не меня. Ты боишься того, что произойдет, если ты наконец перестанешь притворяться железом. Ты боишься того, как безумно, до боли в костях ты меня хочешь.

Мой пульс грохотал в ушах. Мои руки задрожали.

Я наклонился к ней так близко, что наши губы почти соприкасались.

— Если я перестану притворяться, Изабелла, — прорычал я ей прямо в губы, с трудом узнавая собственный, сорванный на хрип голос, — от вашей выстроенной, безопасной жизни не останется вообще ничего. Кроме меня. Я сожру вас целиком, не оставив даже горстки пепла.

— Так сделай это, — выдохнула она, бросая мне абсолют-

ный вызов.

Я резко отпрянул от нее, словно меня ударило током.

Одним движением поднялся на ноги, швырнул ей чистое полотенце и быстрым шагом ушел в раздевалку, физически чувствуя, как трещат последние швы моего рассудка.

Я встал под ледяные струи душа и долго смотрел на свои побелевшие, крупно дрожащие руки.

Она становилась смертельным наркотиком, который я ежедневно вливал в собственные вены, зная, что рано или поздно передозировка убьет нас обоих.

К концу весны, когда до ее восемнадцатилетия оставалось всего несколько месяцев, она была полностью готова.

Из защищаемой всеми силами наследницы Изабелла Романов превратилась в хладнокровного, расчетливого хищника.

Но старый Витторио оставался недоволен.

Он внимательно наблюдал за нашими тренировками и считал, что стерильные, кондиционируемые залы генуэзского комплекса — это по-прежнему тепличные условия, бесконечно далекие от жестокой, вонючей реальности нашего криминального бизнеса.

— Ты научил ее стрелять по идеальным картонным мишеням и драться на мягких матах, Адриан, — жестко произнес старик, вызвав нас к себе в кабинет ранним утром.

Его пронизывающий взгляд скользнул по собранной, пружинящей фигуре Изабеллы.

— Но она до сих пор смотрит на этот мир сквозь розовые очки. Она видит цифры в финансовых отчетах синьора Росси, но она не понимает, в какой грязи и на чьих костях зарабатываются эти деньги. Она должна почувствовать запах немытой плоти, пороха, крови и гниющего мяса, на которых держится вся наша империя. Отправляйтесь в Магриб.

По его приказу мы улетели в Северную Африку.

Транзитная база и оружейные склады Синдиката находились на самом краю выжженной солнцем пустыни.

Это был совершенно другой, чужой и дикий мир.

Адское пекло, от которого плавилась резиновая подошва ботинок.

Раскаленный песок, который забивался в зубы и скрипел при каждом вдохе.

Густой, удушливый запах специй, дешевого табака, немытых тел и горелого бензина.

Здесь не действовали правила женеvского высшего общества, здесь не существовало дипломатии - вся власть в этих краях измерялась исключительно калибром автомата и готовностью пустить пулю в лоб первому.

Мы прибыли туда для жесткой инспекции складов и проведения переговоров с местными бандами контрабандистов, которые начали нагло задерживать наши караваны с оружием, требуя повышения своей доли.

Встреча была назначена в полутемном, раскаленном анга-

ре из железа, превратившемся в настоящую душегубку.

Местный полевой командир, огромный, покрытый шрамами в грязной камуфляжной куртке, сидел на ящиках в окружении десятка вооруженных до зубов боевиков.

Он смотрел на нас с открытым, плотоядным презрением.

Для него я был просто еще одним европейским клерком в дорогом костюме, а стоящая рядом со мной Изабелла - забавным и уязвимым белым трофеем.

На ней были легкие песочные брюки карго, высокие тактические ботинки и простая льняная рубашка, под которой отчетливо угадывались контуры бронежилета скрытого ношения.

Рыжие волосы были туго заплетены в толстую косу на затылке.

Когда командир начал откровенно дерзить, повышая голос, презрительно сплевывая на бетонный пол и открыто угрожая перерезать наши каналы поставок навсегда, я даже не успел двинуться в сторону кобуры.

Изабелла сделала шаг вперед.

Это движение было настолько невероятно плавным, бесшумным и стремительным, что никто из местных боевиков даже не успел вскинуть оружие.

Черный металл пистолета сверкнул в тусклом свете подвесных желтых ламп.

В ту же долю секунды ствол ее пистолета уперся точно в переносицу ошарашенного командира.

Ее указательный палец лег на спусковой крючок, выбрав свободный ход до щелчка.

Вокруг нас мгновенно залязгали затворы старых ржавых калашниковых, но она не моргнула и глазом.

— Вы, кажется, забыли, с кем разговариваете, — ее голос, абсолютно ледяной, равнодушный и властный до мурашек, разрезал душный воздух ангара, заставив боевиков замереть. — Семья Романо никогда не ведет переговоры о том, что принадлежало нам по праву задолго до вашего рождения. Вы либо обеспечиваете транзит в срок по старой ставке, либо завтра на рассвете я лично сожгу этот склад дотла вместе со всеми вашими людьми, а вашу голову отправлю вашей семье в коробке из-под фиников.

Она не блефовала.

В ее голосе не было ни капли актерской игры.

И командир, глядя в ее пустые, безжалостные глаза, мгновенно это понял.

Я стоял прямо за ее спиной, спокойно держа на мушке двух его ближайших головорезов, и чувствовал внутри странный, темный, иррациональный триумф.

Передо мной стояло мое творение.

Мое абсолютное, безупречное *оружие*, у которого больше не осталось никаких розовых очков.

Командир тяжело сглотнул, глядя в ствол пистолета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.